

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 17/2011
Выходит 4 раза в год **Часть I**

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук,
профессор, ректор КемГУКИ

Зам. главного редактора

А. В. Шунков, кандидат филологических
наук, доцент, проректор по научной и инно-
вационной деятельности КемГУКИ

Ответственный секретарь

Е. А. Кагакина, кандидат педагогических
наук, доцент

Редакторы *М. В. Чупина, Н. Ю. Мальцева,*
В. А. Шамарданов
Перевод *А. А. Щербинин*,
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет
культуры и искусств», 2011

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE
UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 17/2011
Published quarterly **Part I**

Founder
Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Professional Education
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University
of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

Assistant Chief Editor

A. V. Shunkov, Candidate of Philological
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research
and Innovation of KemGUKI

Administrative Secretary

E. A. Kagakina, Candidate of Pedagogical
Sciences, Docent

Editors *M. V. Tchupina, N. Yu. Maltseva,*
V. A. Shamardanov
Translation *A. A. Sherbinin*,
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768 © FSFEI HPE «Kemerovo State
University of Culture and
Arts», 2011

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Коллин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, ректор Московского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

Волощенко Г. Г., доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Rector of Moscow State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

Voloschenko G. G., Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

Dolzhenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Сонинтогос Э., ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

Тарчиньски Вальдемар, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдовы, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

Чешев В. В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

Чжао Цжиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

Янашек Кристина, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

Sonintogos E., Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Tarczynski Waldemar, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

Cheshev V. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

Janaszek Krystyna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

Раздел «Культурология»

Кулемзин Анатолий Михайлович, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ.

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

Ултургашева Надежда Торжувевна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

Петров Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of KemUCA, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

Section of Culturology

Kulemzin Anatoly Mikhailovich, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Activities of KemUCA

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education and Culture.

Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna, Doctor of Culturology, Professor, доктор культурологии, профессор, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Arts and Sciences.

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Минералов Юрий Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

Мирошниченко Лариса Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ

Корчуганова Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Socio-cultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

Mineralov Yury Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Russian Classic Literature and Slavistics of A. M. Gorky Literary Institute (Moscow).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

Miroshnichenko Larisa Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

Korchuganova Vera Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	10
-------------------	----

КЛУБ РЕКТОРОВ

Творческий вуз: новое измерение (интервью с Кудриной Е. Л.).....	11
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Колин К. К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании.....	17
Кудрина Е. Л. Диалог культур: влияние на культурную политику в современных условиях.....	33
Филиппов В. Л. Смысл в культуре в системе координат мировой философии.....	42
Синецкий С. Б. Роль технических средств в реализации глобальной культурной политики XXI века.....	48
Андреев А. В. Новые информационные технологии и новые модели политического управления.....	52
Белозёрова М. В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях.....	59

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Агеева Ю. А. Художественно-гуманитарное сотрудничество Кемеровской области с Королевством Нидерландов в 2000-е годы.....	66
---	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Синельникова О. В. Поэтика русских традиций в творчестве Родиона Щедрина.....	73
Гончаренко С. С. Фракталы в музыке Клода Дебюсси.....	79
Логунова Д. В. И. Стравинский и А. Онеггер: музыкально-театральные новации 30-х годов XX века.....	88

ФИЛОЛОГИЯ

Карабулатова И. С., Поливара З. В. Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста.....	95
Селезнева Н. В. Национально-культурная специфика тематической группы «наименования жилища» в китайском языке.....	101
Ван Ли. Грамматическая специфика научных текстов русского языка.....	107
Лу Су. Об аудировании сообщения исходного языка в устном переводе на основе теории речевых жанров.....	116
Митурская-Бояновская Й., Араева Л. А. «Путешествие» в страну Конфуция и Восходящего солнца.....	119

ПЕДАГОГИКА

Брижатова С. Б. Современная региональная система образования: проблемы и перспективы.....	129
Касаткина Н. Э., Семенова Т. Н. Ценности здоровья студентов вуза в условиях современного образовательного учреждения.....	140
Губанова М. И. Послевузовское обучение специалистов: индивидуальный маршрут и личностный продукт.....	147
Солодова Г. Г., Боброва Н. А. Характеристика теоретической модели становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума.....	152
Лесникова С. Л., Беянина И. Н. Преодоление студентами познавательных барьеров как условие их успешной адаптации к обучению в вузе.....	159
Игонина Т. Б., Красношлыкова О. Г. Ретроспективный анализ организации гражданского воспитания в России.....	166
Патрина В. В., Солодова Г. Г. Содержательные характеристики становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума.....	171

ФИЛОСОФИЯ

Гук А. А. Коммуникативно-эстетическая культура современного видеолубительства.....	178
Петров И. Ф., Петров Л. И. Изучение духовной жизни общества: социологический подход.....	183

ПАНОРАМА

Имена

Ткаченко А. В. Смена творческих приоритетов в монументальных произведениях кузбасского скульптора А. П. Хмелевского (70-е годы XX – начало XXI века).....	191
--	-----

Мнение

Адаменко Ю. И. Управление в творческих коллективах.....	199
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Шунков А. В., Митурская-Бояновская Йоланта. Россия – Польша: научный диалог....	207
Астахов О. Ю. Международный научно-практический форум «Славянский мир. Диалог культур».....	210
Егле Л. Ю. Диалог культур.....	214
Сведения об авторах	218

CONTENTS

From the Editor.....	10
----------------------	----

RECTORS' CLUB

Creative University. New Dimension (interview with Kudrina E. L.).....	11
--	----

CULTUROLOGY

Kolin K. K. Information anthropology: the subject and problems of the new direction in science and education.....	17
Kudrina E. L. Dialogue of cultures: the influence on cultural politics in the current conditions	33
Filippov V. L. Sense in culture in the detailed system of world philosophy.....	42
Sinetsky S. B. Role of technical means in implementation of global cultural policy of the 21st century.....	48
Andreev A. V. New information technologies and new models of political governance.....	52
Belozerova M. V. Multicultural policy and tolerance: the problem of forming at the federal and the regional level.....	59

RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

Ageeva J. A. Cultural cooperation between Kuzbass and the Netherlands in arts and in student's mobility in 2000-s.	66
--	----

ART STUDIES

Sinelnikova O. V. Poetics of the russian traditions in the creative work of Rodion Shchedrin...	73
Goncharenko S. S. Fractals in music of Claude Debussy.....	79
Logunova D. V. Stravinsky and A. Honegger: musical and theatrical innovations in 1930s XXth.....	88

PHILOLOGY

Karabulatova I. S., Polivara Z. V. Ethno-linguistic and psycho-corrective approach to learning the lexical and grammatical categories of the russian language in bilingual tatars of preschool age.....	95
Selezneva N. V. National and cultural specific of thematic group «names of habitable premises» in chinese language.....	101
Wang Li Grammatical peculiarity of russian scientific texts.....	107
Lu Su Auditioning of reports on the source language in interpretation based on the theory of speech genres.....	116
Miturska-Bojanowska J., Araeva L. A. A «trip» to the country of Confucius and rising sun..	119

PEDAGOGICS

Brizhatova S. B. Modern regional system of education: problems and perspectives.....	129
Kasatkina N. E., Semenkova T. N. Value of health of higher education students in the conditions of modern educational institution.....	140
Gubanova M. I. Postgraduate education of specialists: individual way and personal product..	147
Solodova G. G., Bobrova N. A. Description of theoretical model of forming the students' professional self-determination in pedagogic culture of changing society.....	152
Lesnikova S. L., Belyanina I. N. Overcoming barriers student cognitive as a condition of successful adaptation to training in higher education.....	159
Igonina T. B., Krasnoshlykova O. G. Retrospective analysis of civil education in Russia.....	166
Patrina V. V., Solodova G. G. Content description of forming professional selfdetermination of students under pedagogic culture in changing society.....	171

PHILOSOPHY

Guk A. A. Communicative modern aesthetic culturevideolyubitelstva.....	178
Petrov I. F., Petrov L. L. Study of the spiritual life of society: sociological approach.....	183

PANORAMA

Names

Tkachenko A. V. Change of creative priorities in monumental works of Kuzbass sculptor A. P. Khmelyovsky (from the 1970s to early 2000s).....	191
---	-----

Opinion

Adamenko Y. I. Management in creative art groups.....	199
--	-----

SCIENTIFIC LIFE CHRONICLES

Shunkov A., Miturska-Bojanowska J. Russia – Poland: scientific dialogue.....	207
Astakhov O. Y. International scientific and practical forum «The Slavic world. Dialogue of cultures».....	210
Egle L. Yu. Dialogue of cultures.....	214
Information about the authors.....	218

Уважаемые читатели!

Выпуск журнала теоретических и прикладных исследований «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», который вы держите в руках, – это последний в 2011 году номер нашего журнала. Позвольте обратить ваше внимание на открытие двух новых рубрик, начиная с этого выпуска: «Клуб ректоров» и «Круглый стол».

В рубрике «Клуб ректоров» мы планируем публиковать интервью с ректорами и проректорами вузов культуры и искусств Российской Федерации по вопросам, касающимся различных аспектов деятельности творческих вузов в изменяющихся социально-экономических, социально-культурных и нормативно-правовых условиях. Что касается рубрики «Круглый стол», то мы начинаем ее с публикации материалов межвузовского круглого стола, в котором принимали участие вместе с нашими сотрудниками преподаватели и соискатели кафедры экономики Кемеровского института (филиала) РГТЭУ. Круглый стол проводился в КемГУКИ 27 сентября 2011 года и был посвящен актуальным вопросам развития социально-культурного сервиса и туризма.

В этом «Вестнике КемГУКИ» представлены все разделы, по которым он вошел в Перечень изданий ВАК РФ: «Культурология», «Философия», «Филология», «Социально-культурная деятельность», «Педагогика», «Искусствоведение», «Документальная информация».

Рекомендую ознакомиться с разделом «Научная жизнь университета», отражающим международную и инновационную работу преподавателей нашего вуза.

Поздравляю читателей и авторов с наступающим Новым годом! Желаю успехов, здоровья, приглашаю к сотрудничеству в целях дальнейшего развития образования и культуры, основанной на знаниях!

Кудрина Е. Л.,
главный редактор «Вестника КемГУКИ»,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник культуры РФ

Клуб ректоров

ТВОРЧЕСКИЙ ВУЗ: НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Интервью

с доктором педагогических наук, профессором, действительным членом Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, почетным профессором Монгольского государственного университета культуры и искусств, заслуженным работником культуры Российской Федерации, ректором Кемеровского государственного университета культуры и искусств

Екатериной Леонидовной Кудриной

Rectors' club

CREATIVE UNIVERSITY: NEW DIMENSION

Interview

with Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, member of the International Academy of Higher Education, International Academy of Informatization, Russian Academy of Natural Sciences, Professor Emeritus of Mongolian State University of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of Kemerovo State University of Culture and Arts

Ekaterina Leonidovna Kudrina

- Екатерина Леонидовна! Развитие вузов культуры и искусств в современных условиях происходит под влиянием процессов, связанных с разработкой проектов двух новых законов: Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Федерального закона «О культуре в Российской Федерации». В средствах массовой информации развернулась серьезная дискуссия о тех изменениях в сфере культуры и образования, в сфере культуры и искусства, к которым приведет принятие этих законов. Какие из них, на Ваш взгляд, являются значимыми?

- Принятие этих законов, на мой взгляд, явится значимым событием для всех уровней профессионального образования в сфере культуры и искусства. Надо отметить, что для учебных заведений отрасли «Культура» оба закона играют важную роль в повышении качества подготовки специалистов художественного профиля и в возрастании роли государства и ответственности вузов за развитие системы непрерывного социально-культурного образования.

В качестве приоритетных направлений организационного, правового и экономического регулирования развития отечественных вузов культуры и искусств следует определить следующие:

- разработка государственной политики и нормативно-правового регулирования системы высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства как основы общенационального единства и будущего Российской Федерации, определение роли культуры и искусства как важнейших компонентов всестороннего образования, которое обеспечивает полное развитие личности, а профессионального образования в сфере культуры и искусства как системы национальной безопасности;
- развитие национальных университетов и межрегиональных и региональных университетских инфраструктур культуры и искусств (профильных университетов) для осуществления комплексного системного подхода при выполнении целей инновационной образовательной, научно-творческой, воспитательной и международной деятельности, концентрации материальных, интеллектуальных и творческих ресурсов, координации работ вузовских подразделений для максимального использования научно-творческого потенциала, имеющихся культурно-образовательных структур региона, интеграции образовательных учреждений в укрупненные многопрофильные университетские комплексы;
- развитие научно-творческой составляющей вузов культуры и искусств, обеспечивающей внедрение инновационных технологий и реализацию научных и творческих достижений вузов в социально-культурную практику, в художественное образование и в формирование культурной политики субъектов РФ;
- совершенствование системы управления профессиональным образованием в сфере культуры и искусства на основе реализации форм общественно-государственного, профессионально-общественного участия в управлении вузами и обеспечении качества подготовки специалистов, создание экспертных сообществ работодателей для проведения процедур аттестации вузов, аккредитации профессионально-образовательных программ в области культуры и искусства;
- реализация новых схем бюджетирования и многоканального финансирования инновационных образовательных и научно-творческих программ вузов культуры и искусств, в которых участвуют государство, высшее учебное заведение, региональные структуры исполнительной власти (финансирование реальных научно-творческих проектов социально-культурного развития региона, вариативной подготовки и переподготовки кадров для региональной сферы культуры и искусства), бизнес-сообщества (финансирование профессиональной подготовки специалистов по индивидуальным траекториям) и др.;
- формирование развитой информационно-образовательной среды и создание на ее базе электронных образовательных технологий и ресурсов.

На мой взгляд, деятельность вузов культуры и искусств определяется такими тенденциями, как диверсификация, регионализация, децентрализация социально-культурной жизни, культурно-образовательного пространства. За последние годы влияние регионов на общеполитическую, информационную и культурную ситуацию в стране усилилось, стало очевиднее и определеннее. Это обусловлено тем, что активизировалась социально-культурная жизнь в регионах, что нашло свое отражение в развитии культурной активности населения и изменении культурной политики территорий.

Обозначенные тенденции и перспективы обуславливают необходимость выработки новой стратегии развития вузов культуры и искусств, придания новых импульсов образовательной политике, определяемой изменением ее парадигмы на «образование в течение всей жизни», инновационными подходами к направлениям научных исследований и характеру творческой деятельности.

- Говоря о нормативно-правовых основах деятельности вузов культуры и искусств, детерминированных проектом Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» в отношении развития художественного образования, нельзя не сказать о том правовом поле, которое определяется в проекте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в отношении вопросов о федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, о Едином государственном экзамене, организации набора абитуриентов, приема в ассистентуру-стажировку.

- Следует отметить, что в этом году все вузы уже вели прием студентов на 1 курс в соответствии с новыми ФГОС ВПО третьего поколения. Процесс уровневой подготовки запущен в соответствии с законодательной нормой и требует разработки и введения учебно-методического обеспечения, соответствующего качественной подготовке бакалавров, специалистов и магистров. Кроме того, предстоит в течение 4–5 лет завершать подготовку студентов по стандартам второго поколения, но уже с учетом новых требований, новых реалий практики и парадигм социально-экономического и социально-культурного развития, формирования «общества знаний».

Единый государственный экзамен – это данность вузу. Есть свои плюсы, есть и минусы. Среди первых можно отметить экономию вузовских финансовых средств. Среди вторых – отсутствие механизмов более тщательного отбора студентов творческих направлений: имеющие больший балл по гуманитарным дисциплинам получают приоритет перед талантливыми детьми.

В этом году во время вступительной кампании обозначился целый ряд подобных проблем. Во-первых, согласно принятому порядку, до 1 марта все школы обязаны подать заявления об участии в ЕГЭ. Но если новые федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования не приняты, то мы не могли объявлять о наборе в вуз по результатам ЕГЭ на эти направления и специальности. Далее: законодатель обязывает нас засчитывать при поступлении на наши специальности три экзамена – скажем, по русскому языку, по истории, по литературе. Но на творческие специальности мы не можем принимать человека без экзамена по специальности. Это все равно, что зачислять в технический вуз абитуриентов, не знающих таблицу умножения. Для нас в качестве такой «таблицы умножения» выступает довузовская (предпрофессиональная) подготовка абитуриентов в детских школах искусств, подтверждаемая свидетельствами об окончании музыкальной или художественной школы. Профильный экзамен состоит из трех частей. Например, для направления «Дизайн» – это рисунок, композиция и живопись. Для музыкальных направлений – вокал

(или инструментальное исполнительство), музыкальная грамотность и сольфеджио. Таким образом, наши абитуриенты вынуждены сдавать шесть вступительных экзаменов, а не три, как абитуриенты, поступающие в другие вузы. Проблема состоит еще в том, как учитывать результаты в баллах. Если результаты ЕГЭ по истории и литературе абитуриент, поступающий на направление «Хореография», имеет невысокие, а на экзаменах по специальности демонстрирует одаренность и талант, то как должна поступать приемная комиссия, чтобы отобрать действительно талантливых студентов?

Снова надо практически с нуля начинать подготовку в вузе ассистентов-стажеров, т. к. эта деятельность в творческих вузах была прекращена в начале 90-х годов XX века.

- В этой связи не утрачивает актуальности вопрос о статусе и содержании деятельности детских школ искусств, детских художественных школ и детских музыкальных школ. Какой Вы видите их роль в системе художественного образования в России?

- В действующем законе РФ «Об образовании» детские школы искусств, детские художественные школы и детские музыкальные школы оказались лишенными своего специфического статуса. Их приравнивали после принятия закона «О культуре» к сфере дополнительного образования, иначе говоря, кружкам художественной самодеятельности и секциям «по интересам» в Домах народного творчества и Домах технического творчества. Я считаю, что это в корне неправильно. Эти образовательные учреждения занимаются не «развлечением и досугом», а начальной, предпрофессиональной подготовкой будущих специалистов культуры и искусства. Без обучения в этих школах все наши творческие специальности и направления подготовки кадров теряют смысл. В настоящее время внесены поправки в ряд законодательных актов, и отрадно, что данные учебные заведения получили возможность реализации образовательных программ предпрофессиональной подготовки учащихся. Но на уровне отрасли культуры следует решать и дальше вопрос не только о статусе этих образовательных учреждений, но и о статусе педагогов, которые в них работают. Они, как минимум, должны быть приравнены к педагогам общеобразовательных школ по заработной плате, льготам, учебной нагрузке и по продолжительности отпуска.

- Как можно оценить потенциал художественного образования Сибирского федерального округа в связи с обозначенной Вами тенденцией регионализации?

- Высшее профессиональное образование страны состоит из систем профессионального образования регионов (субъектов) РФ, где сосредоточено основное население страны, природные и социально-экономические ресурсы, и где происходит, в основном, реализация конституционных прав граждан России на получение качественного профессионального образования. И, как правило, устройство своей профессиональной карьеры выпускники вузов связывают с родным краем.

Сибирский федеральный округ (СФО) располагает достаточно широкой сетью учебных заведений культуры и искусств: вузов – 9, ссузов – 41, детских школ искусств – 945. Основу высшего образования в СФО составляют вузы Красноярска (Художественный институт и Академия музыки и театра), Новосибирска (Консерватория и Театральный институт, имеющий статус областного), Улан-Удэ (Академия культуры и искусств), Кемерово (Университет культуры и искусств), Барнаула (Академия культуры и искусств).

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» является одним из университетских комплексов Сибири по подготовке специалистов высшей квалификации в сфере культуры, искусства и образования, известным научным центром в области

культурологии, социально-культурной деятельности, библиотечно-информационных технологий и информационной культуры личности, музыкального, хореографического и театрального искусства, арт-менеджмента, активно ведущим свою деятельность в диалоге многообразия культур.

- Таким образом, можно сказать, что складываются региональные системы художественного образования, в которых каждое учреждение образования или культуры занимает свое место. В этой связи, каковы основные проблемы этих систем?

- Для системы профессионального художественного образования консолидация образовательных учреждений в единой трехуровневой системе на основе многопрофильной подготовки: школа искусств – колледж культуры и искусств, музыкальный колледж, художественное училище и т. д. – высшее учебное заведение – явление не новое, а уже сложившаяся система, обусловленная потребностями профессиональной практики и спецификой подготовки специалистов в сфере культуры и искусства. Создание университетских комплексов в сфере культуры и искусства адекватно отражает накопленный научно-творческий потенциал и профессионально-педагогический опыт системы профессионального художественного образования, в которой накоплен большой опыт реализации инновационных творческих проектов регионального, федерального и международного уровня, имеются высококвалифицированные кадры. Главными являются проблемы финансирования и оплаты труда профессорско-преподавательского состава, руководителей творческих коллективов и концертмейстеров.

Что касается финансирования, то все детские художественные школы и детские музыкальные школы относятся к муниципальному уровню. А это значит, что «сэкономить» муниципалитеты в случае нужды всегда готовы за счет сокращения «обузы». Понятно: музыкальная школа – не больница, закрой ее на селе или в маленьком городе – социального возмущения не будет. Будет только постепенное, но неуклонное снижение уровня нашего искусства. Вот мы и предлагаем (и на парламентских слушаниях этот вопрос ставился очень резко) перевести все детские художественные школы, детские музыкальные школы и школы искусств в ведение субъектов Российской Федерации на региональный уровень финансирования. Необходимо довести зарплату работающих в них педагогов до среднерегионального уровня. В бюджетах субъектов РФ доля средств, выделяемых на культуру, колеблется от 0,44 % до 3,2 % вместо 6 %, рекомендованных законом. Добиться исполнения закона.

- Каково место вузов культуры и искусств в художественном образовании?

- В России 46 творческих вузов. Из них 13 – вузы культуры и искусств. Значимое место в этой системе вуз культуры и искусств занимает тогда, когда он представляет собой успешный и конкурентоспособный университетский комплекс, имеющий положительный научно-творческий имидж и инновационный потенциал развития, разрабатывает и использует современные информационные технологии образования, современные информационные системы управления, планирования и распределения ресурсов, современную систему менеджмента качества образования в области культуры и искусства. Примером такого комплекса является ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств». Стратегические приоритеты его деятельности связаны с определяющей ролью в развитии системы непрерывного образования, кадровом и научном обеспечении социально-культурного и социально-образовательного развития Кемеровской области и Западной Сибири. Стратегическая система приоритетов инновационного развития университета, отражающая традиционные для России нормы жизни общества, идеи патриотизма и служения Отечеству, воспитания человека нрав-

ственного, ответственного, знающего, трудолюбивого, уважающего свою культуру и культуру других народов, строится по принципу «Культура, основанная на знаниях». При этом мы придерживаемся следующих стратегических факторов: определение важных, отчетливо сформулированных задач; поддержка инициативы; концентрация; гибкость; скоординированное и ответственное руководство; неожиданность; защита.

Миссия Кемеровского государственного университета культуры и искусств отражает общественное предназначение университетского образования, которое мы рассматриваем не только как процесс усвоения знаний и научных достижений, но и как процесс личностного становления и развития. Вуз стремится, чтобы процесс воспитания личности российского интеллигента и «передача культуры» в стенах университета получили свое реальное воплощение. Для нашего вуза она определена как образование, наука и творчество для качественной профессиональной подготовки и воспитания личности на основе высокой духовности и непреходящих традиций отечественной культуры, способной к креативной, компетентной и ответственной профессиональной деятельности в сфере культуры и искусства в условиях многополярного и быстроменяющегося мира.

- *На каких принципах строится система художественного образования в России?*

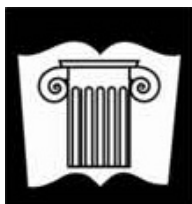
- Традиционными для отечественной системы художественного образования являются принципы непрерывности, многоуровневости и многопрофильности. Крайне важная тема – непрерывность творческого образования. Для нас эта цепочка складывается из ряда звеньев: школа искусств – творческий колледж – вуз. Но если студент, обучающийся в колледже культуры на отделении хореографии, уже получил одну отсрочку от армии, то при поступлении в вуз его призовут в армию точно: отсрочку по учебе можно брать только один раз. И цепочка прерывается. А этого делать нельзя.

- *Каковы основные подходы к оценке качества художественного образования?*

- В настоящее время в силу отраслевой специфики подготовки кадров вузам культуры и искусств приходится находить ответ на целый ряд противоречивых требований: адекватная реакция на возрастание массовости высшего образования при обеспечении качества обучения и индивидуальности подготовки; разработка процедур контроля качества без ущерба для свободы творчества как преподавателей, так и докторантов, аспирантов и студентов; диверсификация профессиональных образовательных программ и учебно-методических комплексов в условиях резкого сокращения государственного финансирования без учета специфики нормативно-правового регулирования подготовки творческих кадров; независимость в сочетании с ответственностью и гражданственностью; сочетание высокого уровня научной, творческой работы и преподавания. Все это требует внедрения системы менеджмента качества. Наш вуз занимается внедрением данной системы уже более трех лет.

- *Каковы перспективы развития Кемеровского государственного университета культуры и искусств с целью решения основных задач подготовки кадров для сферы культуры и художественного образования?*

- Все наши перспективы мы связываем с проводимой государством образовательной и культурной политикой. Эти перспективы обозначены в Стратегии развития Федерального государственного бюджетного учреждения высшего профессионального образования ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств». В соответствии с ними нам предстоит пройти аттестацию и получить аккредитацию вуза весной 2013 года. Это уже близко, а сделать еще предстоит немало.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008

К. К. Колин

ИНФОРМАЦИОННАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Сформулированы определения объекта и предмета исследований информационной антропологии как нового направления в науке и образовании. Рассмотрен состав основных задач этого направления и его место в системе современной науки и образования. Показана актуальность изучения проблем информационной антропологии в условиях развития процессов информатизации общества, а также прогнозируемой на ближайшие годы интеграции информационных технологий и нанотехнологий.

Ключевые слова: информационная антропология, информационная культурология, информационный человек, естественно-научная антропология, социальная антропология, философская антропология, электронная культура.

K. K. Kolin

INFORMATION ANTHROPOLOGY: THE SUBJECT AND PROBLEMS OF THE NEW DIRECTION IN SCIENCE AND EDUCATION

Definitions of object and subject of researches of Information Anthropology as new direction in science and education are formulated. The structure of the primary goals of this direction and its place in system of modern science and education is considered. The urgency of studying of problems of Information Anthropology in the conditions of development of processes of information of a society, and also integration of information technologies predicted on the nearest years and nanotechnologies is shown.

Keywords: Information Anthropology, Information Cultural Science, Information Person, Natural-Scientific Anthropology, Social Anthropology, Philosophical Anthropology, Electronic Culture.

Введение

Информационная антропология представляет собой новое перспективное направление междисциплинарных исследований, связанных с изучением информационных качеств и способностей человека по восприятию, хранению и обработке информации, а также тех новых тенденций, которые обусловлены положением человека в глобальном информационном обществе. Ядром этих

исследований должна стать философская и социально-культурологическая проблема становления личности нового типа – Информационного человека (Homo Informaticus).

В состав этого направления должны войти также исследования проблемы изменений психологической и физиологической природы самого человека, которые связаны с изменениями в организации деятельности его головного мозга, а также с встраиванием

в его тело различного рода информационных устройств, создаваемых на основе достижений в области микроинформатики и нанотехнологий. Такие изменения происходят уже сегодня, и поэтому в дальнейшем человечеству угрожают опасности психологического разделения и биологического вырождения. Возможно, что в результате этого будет сформирована принципиально новая, «электронная цивилизация», которая по существу будет представлять собой цивилизацию киборгов [1; 6; 23].

Формирование и развитие информационной антропологии представляет собой достаточно сложную комплексную проблему. Для своего изучения она требует привлечения специалистов в области философии, культурологии, психологии, социологии, физиологии и информатики, т. е. является междисциплинарной проблемой по самой своей сути. Родиной этого направления является Россия. Впервые вопрос о необходимости формирования этого направления в условиях развития информационной цивилизации поставил автор данной статьи еще 16 лет тому назад в работе [2]. В появившихся позднее публикациях других авторов [3; 4] обсуждались лишь отдельные психологические или же культурологические аспекты этой проблемы. Первая попытка рассмотреть эту проблему комплексно, в системном плане была сделана в пленарном докладе на Международной конференции «Цивилизация знаний», которая состоялась в России в апреле 2011 года [5]. Этот доклад был сделан по приглашению Программного комитета конференции. Его презентация размещена на сайте Конференции, а текст доклада включен в ее материалы, которые сейчас находятся в печати.

Настоящая работа является, в определенном смысле, продолжением исследований автора в области формирования информационной антропологии как нового направления в науке и образовании.

1. Актуальность проблемы

Глобальная тенденция развития цивилизации в XXI веке проявляется во все более глубокой и широкомасштабной информатизации общества. Во многих странах мира формируется принципиально новый, информационный образ жизни людей и новая среда их обитания, насыщенная средствами информатики, информационными и коммуникационными технологиями. Эта среда создает новые привычки и стереотипы поведения, новые культурные запросы и даже новые ценности. Однако создаваемая человеком новая информационная среда жизнедеятельности в значительной степени изменяет и самого человека. Исследования показывают, что эти изменения затрагивают как психологические, так и социальные качества человека. Мало того, существуют обоснованные прогнозы, что в ближайшем будущем эти изменения все чаще будут происходить и в области физиологии человека [6].

Уже сегодня проводятся эксперименты по встраиванию в физическое тело человека различного рода информационных устройств, предназначенных для протезирования отдельных физиологических функций (слух, зрение и др.), а также управления некоторыми процессами жизнедеятельности (например, для стимуляции работы сердца). Нет сомнения в том, что эти эксперименты будут продолжены и в будущем. Причем не только на основе генной инженерии и биотехнологий создания и использования искусственных биологических органов, но также и на основе последних достижений в области наноинформатики, мехатроники и биоинформатики. Вполне возможной представляется перспектива таких трансформаций тела человека, при которых возникнет его принципиально новый вид – **Электронный Человек (е-Номо)**. **Суть этой новой проблемы** достаточно наглядно и убедительно раскрыта в работе А. С. Нариньяни [7], с которым авто-

ру настоящей статьи посчастливилось быть лично знакомым и обсуждать эту работу еще в рукописи.

Таким образом, мы видим, что уже в самом начале XXI века человек оказался в принципиально новой для него среде жизнедеятельности, адаптация к которой приводит к существенной трансформации самого человека, его психологических, социальных, информационных и даже физиологических свойств и качеств. Эта ситуация является беспрецедентной в истории эволюции человека, и поэтому она, безусловно, заслуживает и философского осмысления, и систематизированного научного исследования.

К сожалению, в настоящее время такие исследования на необходимом уровне еще не развернуты. Анализ отдельных немногочисленных публикаций в этой области, проведенный в работе [5], показал, что системный подход в них отсутствует, а рассматриваемые вопросы являются фрагментарными и не дают целостного представления о содержании этой важной, актуальной и комплексной проблемы. Нам представляется, что для ее изучения должно быть сформировано новое научное направление – информационная антропология.

В современной научной литературе проблематика этого направления практически не разработана. Нет даже более или менее четкого определения объекта и предмета исследований в этой области. Да и сама предметная область еще не структурирована, а ее границы и основные направления исследований не обозначены.

Не определено также и место информационной антропологии в системе современной науки и образования. Требуется своего формирования и понятийный аппарат этого нового направления. Автор надеется, что данная работа станет одним из шагов в его изучении и послужит предметом для дальнейшего научного обсуждения.

2. Объект и предмет исследований информационной антропологии, основные направления ее исследований

В работе [5] показано, что информационная антропология должна стать наукой, которая системно изучает все информационные аспекты происхождения, эволюции и жизнедеятельности человека в современном мире.

Объектом исследований этой науки должен стать человек в информационном мире, а *предметом изучения* – закономерности и проблемы его происхождения, эволюции и жизнедеятельности в новой информационной среде обитания, включая их философские, психологические, социальные, информационные и естественно-научные аспекты.

Предложенные в этой работе определения, конечно же, требуют и научного обоснования, и соответствующей аргументации. Кроме того, необходимо определить структуру основных направлений исследований в области информационной антропологии. С этой целью представляется целесообразным провести анализ существующих представлений о содержании и основных направлениях исследований в области уже существующей науки о человеке – антропологии.

Представления Иммануила Канта о содержании исследований в области антропологии

Великий немецкий философ Иммануил Кант в свое время считал, что антропология должна быть *систематическим изложением учения о человеке*. Именно систематическим, а не фрагментарным, т. к. только системный подход к данной комплексной проблеме может сформировать целостное знание о таком сложном и многоаспектном объекте исследования, каким является человек. При этом Кант полагал, что изучение человека необходимо осуществлять с двух основных точек зрения: *физиологической и прагматической*.

Первое направление в антропологии он называл *физиологическим человековедением*. По его мнению, оно должно изучать то, что делает из человека природа, включая его телесные свойства и качества.

Второе направление можно было бы назвать *прагматическим человековедением*. Это направление, по мнению И. Канта, должно включать в себя исследования того, что человек, как свободно действующее существо, делает или может сделать из себя сам.

Эти высказывания великого философа являются очень важными и учтены нами при определении структуры исследований в области информационной антропологии.

Современные представления о структуре и содержании исследований в области антропологии

Анализ статей, имеющихся в современных энциклопедических изданиях [8], показал, что в настоящее время антропология рассматривается, главным образом, как *наука о происхождении и эволюции человека*. При этом информационные аспекты этой эволюции специально не выделяются, а информационные свойства и качества человека на необходимом уровне не изучаются. В то же время в ряде публикаций отмечается, что в настоящее время еще не выработано согласованной точки зрения на структуру предметной области антропологии как самостоятельного научного направления, и продолжается процесс ее дифференциации, в результате которого выделяются некоторые новые направления. Примером одного из них может, в частности, служить так называемая *педагогическая антропология*.

Тем не менее, в результате проведенного в работе [5] анализа было предложено выделить следующие три наиболее важных направления исследований в области современной антропологии:

- *Философская антропология*, которая изучает место человека в мире и его отношение к нему;

- *Социальная антропология*, которая изучает социальные связи человека и его отношения с другими людьми;

- *Естественно-научная антропология*, которая изучает место человека в живой природе и его телесную организацию.

В настоящее время в России наиболее активно развивается второе из отмеченных выше направлений – *социальная антропология*, которую некоторые исследователи называют также *культурной антропологией*. Внутри этого направления некоторые авторы [4] предлагают различать следующие задачи:

- Исследования структурной организации внутреннего мира человека и процессов формирования его индивидуальности;

- Изучение обусловленности внутреннего мира человека формами его социального бытия;

- Изучение связи внутреннего и внешнего мира человека, включая различные аспекты творчества и его результаты.

Результаты этого анализа также учтены нами при определении структуры исследований в области информационной антропологии. При этом необходимо отметить, что изучение внутреннего мира человека не столько социальная, сколько психологическая проблема. К сожалению, в структуре исследований современной антропологии не только информационным, но также и психологическим аспектам этой науки уделяется еще явно недостаточное внимание.

3. Основные направления исследований в области информационной антропологии

С учетом результатов проведенного анализа содержания и основных направлений исследований в области антропологии, в работе [5] предложено выделить следующие основные направления информационной антропологии как самостоятельного научного направления:

1. *Формирование философских оснований информационной антропологии.* Ключевой идеей здесь должен стать информационный подход к анализу феномена человека. Этот подход является принципиально важным, т. к. он позволяет по-новому подойти к изучению биологической, психологической и социальной природы человека, его происхождения и эволюции, а также перспектив развития в ближайшем и отдаленном будущем.

2. *Изучение психологических проблем человека в новой информационной среде его жизнедеятельности,* формирования его внутреннего мира и индивидуальности, духовных и нравственных ценностей, этических принципов и ограничений.

3. *Изучение социально-культурологических проблем человека* в новой информационной среде обитания. Ключевой здесь представляется проблема формирования личности нового типа – Человека Информационного (Homo Informaticus).

4. *Изучение информационных свойств и качеств человека,* как природных, так и приобретенных, его способности воспринимать, запоминать, понимать и передавать информацию в ее различных видах и формах, в том числе – и с использованием новых средств информатики и информационных технологий.

5. *Изучение информационных аспектов нормальных физиологических процессов* и систем жизнедеятельности человека.

6. *Изучение проблемы кибернетического протезирования* отдельных органов и функций обеспечения жизнедеятельности человека (проблема e-Номо) и перспективы формирования цивилизации киборгов.

7. *Разработка и исследование новых информационных методов и средств,* которые могут быть использованы для изучения биологической, психологической и социальной природы человека, количественной оценки

его информационных свойств и качеств как важного элемента новой информационной среды обитания людей.

Предложенная структура предметной области информационной антропологии, конечно же, требует дальнейшего научного обсуждения. Тем не менее, как будет показано ниже, эта структура представляется конструктивной, т. к. она позволяет более четко формулировать те или иные задачи исследований, группируя их в рамках каждого из указанных выше направлений. Содержание некоторых из этих задач будет кратко рассмотрено в последующих разделах настоящей работы.

4. Философские основания информационной антропологии

Информационное измерение в изучении феномена Человека

Наиболее важное концептуальное положение в области формирования философских оснований информационной антропологии состоит в том, что феномен Человека имеет четыре основных измерения: *биологическое, психологическое, социальное и информационное.*

При этом информационное измерение связано не только с социальной деятельностью человека, но также и с организацией его внутреннего мира, и с физиологическими процессами жизнедеятельности организма человека, в том числе и его головного мозга.

Информационный подход к изучению проблем происхождения и эволюции человека, а также проблем его психологической и биологической природы [9; 23] является сравнительно новым и поэтому еще не является общепризнанным. Тем не менее, полученные в последние годы новые фундаментальные результаты в области генетики, нормальной физиологии, психологии, а также биоинформатики и психологической информатики показывают, что информационная составляю-

щая в проблеме познания природы человека является определяющей и ранее явно недооценивалась.

Процессы формирования глобального информационного общества также активизируют проведение исследований, направленных на изучение философских проблем, связанных с положением человека в условиях новой информационной реальности, которая его окружает и создает не только новые беспрецедентные в истории эволюции человека возможности, но также и новые серьезные и мало изученные проблемы. Одной из них является проблема бытия человека одновременно в реальном и виртуальном мире, который начинает занимать в его жизни все большее место [10].

Другая проблема связана с возникновением таких новых понятий, как «информационная смерть» и «информационное бессмертие» человека в информационном обществе. Эта проблема обусловлена стремительным развитием внешней памяти человека и общества на электронных носителях, которая уже сегодня обладает колоссальной емкостью и содержит большое количество информации личностного характера. Это могут быть не только результаты общественной и творческой деятельности человека, но также и его сугубо персональные характеристики, позволяющие получить достаточно полное представление об особенностях его личности, привычках, манере поведения и общения.

Развитие технологий виртуальной реальности принципиально позволяет воспроизвести образ умершего человека в виртуальном пространстве, включая его манеру речи, походку и т. п. Практически нет технологических ограничений для создания образа умершего актера и обеспечения его игры в новом фильме. Такие опыты уже проводились в Великобритании и оказались успешными, хотя и вызвали волну претензий со стороны держателей наследственных прав умершего.

Еще одна философская проблема связана с перспективами *клонирования человека*. В принципиальной возможности решения этой проблемы уже нет никаких сомнений. Причем, это не столько биологическая, сколько философская, этическая и информационная проблема. Изучение генома человека показало, что он представляет собой сложнейшую информационную систему, познание принципов действия которой находится еще в самой начальной стадии [1].

Наконец, еще одна крупная философская проблема информационной антропологии, по нашему представлению, связана с *осмыслением роли человека в системе глобальной эволюции природы*. В работах [11; 12] показано, что одним из перспективных направлений в изучении этой проблемы является *информационное понимание феномена культуры* и его роли в развитии процессов глобальной эволюции.

Таким образом, научной базой для формирования философских оснований информационной антропологии, по нашему мнению, должны стать результаты исследований в области философии информации, биоинформатики, социальной информатики, а также таких новых научных направлений, как информационная культурология и глобальный эволюционизм.

5. Психологические проблемы информационной антропологии

Изучение информационных качеств человека

Наиболее актуальной задачей данного направления нам представляется *изучение информационных характеристик, свойств и качеств человека*, связанных с его психической деятельностью в процессе реализации информационных процессов общения с внешним миром. В условиях стремительного развития процессов информатизации общества актуальность этой проблемы мно-

гократно возрастает. Ведь уже сегодня количество людей, постоянно использующих новые средства информатики, информационные и коммуникационные технологии, исчисляется миллиардами. И это количество быстро возрастает.

Становление глобального информационного общества приводит к коренным изменениям практически всех элементов социального пространства, создает новые виды и средства деятельности миллионов людей на нашей планете, формирует новые привычки и стереотипы их поведения и общения, а также новые представления об уровне и качестве жизни. При этом все эти новые элементы социального пространства и деятельности людей во все большей мере становятся атрибутами их повседневной жизни и профессиональной деятельности, т. е. *элементами культуры*.

Изучать этот новый феномен в развитии культуры призвано новое комплексное научное направление, которое начало формироваться в самое последнее время и получило название *информационной культурологии*. Информационная антропология по своей социальной и философской проблематике очень близка к этому направлению и на данной стадии своего формирования вполне могла бы рассматриваться в качестве одной из его составных частей. По крайней мере, именно такая точка зрения представлена в работах [11; 12]. В этих работах сделана попытка сформулировать достаточно общее определение содержания понятия «информационная культура», которое предлагается для использования в изучении многогранного феномена развития культуры одной из важнейших форм бытия, порождаемой деятельностью человека. Информационные аспекты этой деятельности становятся доминирующими, и есть веские основания полагать, что в дальнейшем эта тенденция не только сохранится, но и будет нарастать.

Особо важную роль информационные процессы играют в психической деятельности человека, которая главным образом направлена на *формирование целей его поведения и информационное моделирование ожидаемых результатов этого поведения* в будущем.

Информационные качества человека и проблемы технологической безопасности

В связи с усложнением техносферы как среды обитания современного человека его информационные качества становятся все более важными для обеспечения как его собственной безопасности, так и безопасности окружающей природы.

Создавая сложные технологические системы, человек сам становится одним из элементов управления этими системами и, следовательно, *одним из факторов риска* в обеспечении безопасности природы и общества. Время реакции человека на информационные сигналы от средств автоматического контроля состояния и функционирования сложных систем ядерной энергетики, промышленных производств и транспортных средств оказывается в ряде случаев критическим фактором для предотвращения катастрофических последствий.

И здесь, конечно же, необходимо учитывать способности человека воспринимать и реагировать на информационные сигналы и сообщения системы контроля. Так, например, известно, что в некоторых системах оповещения военных летчиков о возникновении аварийной ситуации на воздушном судне используются голосовые сообщения. При этом используется женский голос, т. к. реакция на него у пилотов оказывается более оперативной. При высокой динамике процессов полета современной авиации сокращение времени реакции летчика на аварийный сигнал даже на несколько десятых долей секунды может оказаться решающим фактором.

Проблема манипуляции сознанием

Проблема манипуляции сознанием является сегодня одной из актуальных проблем обеспечения информационной безопасности человека и общества. Она уже достаточно широко обсуждается в научной литературе [13]. Суть проблемы состоит в том, что в настоящее время сознание миллионов людей целенаправленно деформируется в нужную сторону заинтересованными политическими, экономическими и финансовыми группировками с использованием современных средств массовой информации. Исследования показывают, что такого рода информационные воздействия оказываются весьма эффективными и позволяют навязывать людям взгляды и убеждения помимо их воли.

Особую роль здесь играет видеоинформация, распространяемая по каналам телевидения. В работах профессора В. Я. Сергина [14], показано, что эта информация воспринимается человеком одновременно не только на уровне его сознания, но и на бессознательном уровне. Иначе говоря, видеоинформация всегда поступает в подсознание человека, и воспротивиться этому он не может. Эта парадоксальная особенность психики человека практически неизвестна широкой общественности, но именно она лежит в основе современных технологий психологической манипуляции личностью. Поэтому именно телевидение является сегодня самым опасным психологическим средством для манипуляции сознанием. По существу, это мощнейшее психологическое оружие.

На второе место по значимости воздействия на психику человека в последние годы уверенно выдвигаются компьютерные технологии представления видеоинформации. Это могут быть рекламные вставки в телевизионных программах, компьютерные игры и различного рода мультимедийная информация.

Количество пользователей компьютерных систем в современном мире стреми-

тельно возрастает. Особенно активным здесь является молодое поколение, которое и подвергается сегодня массированному психологическому воздействию на свое сознание и подсознание. Это во многом содействует росту тех проявлений жестокости и агрессивности современной молодежи, которые мы все чаще наблюдаем уже сегодня.

Информационная видеоэкология – новое направление изучения проблем информационной безопасности человека

Негативное воздействие видеоинформации на психику человека не обязательно должно быть связано с использованием компьютеров, проекционных экранов или средств телевидения. В монографии [15] на многочисленных примерах показано, что на состояние психики человека оказывает воздействие любая зрительно воспринимаемая им информация. Причем, это воздействие может быть как позитивным, так и негативным, в зависимости от структуры информации, формы ее представления и эстетических параметров.

Исследования показали, что глаз человека не любит угловатых форм, совокупностей однообразных предметов и чередования контрастных пятен. Если человеку придется долго смотреть на такие изображения, то у него появляется чувство психологической усталости, желание переключить свое внимание на другие, более естественные для него зрительные формы. Так, например, если школьная учительница младших классов придет на занятия в платье из материала в черно-белую клетку и будет вести эти занятия целый день, то ее ученикам к концу занятий гарантирована повышенная зрительная усталость.

Аналогичный результат получается и в результате длительного пребывания человека в неблагоприятной для него визуальной среде производственных помещений, одно-

образных строений городских кварталов и неудачно выбранного оформления интерьеров рабочих и жилых помещений. В этих интерьерах используется много искусственных материалов: полированные стенки, стекло, пластик, пленки, гофрированный алюминий и т. п. Формируемая этими материалами визуальная среда вступает в противоречие с естественными механизмами зрительного аппарата человека и вызывает у него повышенную утомляемость.

По данным Всемирной организации здравоохранения, процессы урбанизации ведут к неуклонному росту количества психических заболеваний. Одной из причин этого является неблагоприятная визуальная среда современных городов. В ней сегодня преобладают прямые линии и угловатые формы, а здания и строения окрашены преимущественно в темно-серый цвет и имеют большое количество повторяющихся одинаковых элементов. Такая визуальная среда является противоестественной для обитания человека. Однако это обстоятельство еще не осмыслено в современном обществе, и поэтому с экологической точки зрения эта проблема практически не изучается.

6. Информационные аспекты жизнедеятельности организма человека

Человек является одним из важнейших информационных объектов мироздания по самой своей сути. Ведь даже его биологическая природа глубоко информационна. Каждая клетка организма человека постоянно хранит, использует и вырабатывает колоссальные объемы информации. Именно это и составляет сущностную основу, главное содержание жизнедеятельности человеческого организма. Непонимание этого важнейшего принципа представителями западной медицины, развитие и широкое распространение фрагментарного, механистического подхода

к организму человека, игнорирование глубинных связей между физической, информационной и психологической сферами человека, как единой целостной информационной системы, являются главными причинами того глубокого кризиса, в котором находится сегодня официальная медицинская наука и практика.

Кризис западной медицины – это весьма печальный, но вполне естественный и закономерный результат. Он является лишь одним из проявлений глобального кризиса современной цивилизации, и в первую очередь, – кризиса мировоззрения. Анализируя причины этого явления, В. В. Коновалов [16] справедливо отмечает, что современная ситуация в западной медицине во многом аналогична той, что имеет место и в других естественных науках: физике, химии, биологии. Ведь там точно так же, как и в медицине, доминирует аналитический подход, основанный на разделении целого на части. Современная медицинская наука также расчленила человека на части, которые изучаются самостоятельными, слабо связанными между собой дисциплинами. Поэтому и в лечебных учреждениях мы имеем дело с большим количеством узких специалистов, которые опираются, в основном, не на фундаментальные знания о принципах жизнедеятельности организма человека, а на свою узкопрофессиональную подготовку, медицинские приборы и достижения фармакологии.

Что же касается образа мышления современного врача-специалиста, то оно сфокусировано, главным образом, в узком секторе: «симптом – болезнь – диагноз – лекарственный препарат». Наша официальная медицина уже давно стала *медициной болезней*, а не *медициной здоровья*. И ее цель состоит не в том, чтобы улучшить здоровье человека, а в том, чтобы заглушить симптомы той или иной болезни. Отсюда и следует основной

метод современной практической медицины – *от диагноза к таблетке*. Именно он дает те результаты, которые мы сегодня наблюдаем, когда огромное количество людей обращаются за помощью в лечебные учреждения, но врачи не находят у них никаких болезней и поэтому помочь им не могут.

Существует ли выход из этой, казалось бы тупиковой, ситуации? Да, такой выход есть, но он требует формирования принципиально новой медицины – *медицины здоровья*. Формирование такой медицины, в свою очередь, требует создания научно обоснованной *теории здоровья*, которой в настоящее время в мире еще не существует. Попытки формирования этой теории, предпринимаемые на основе частных подходов, оказались принципиально несостоятельными, т. к. они не учитывали свойств и особенностей функционирования человека, как целостной системы.

Таким образом, даже решение такой, казалось бы, далекой от информационной антропологии проблемы, как проблема здоровья человека, настоятельно требует принципиально новых научно-методических подходов. И одним из них, безусловно, является информационный подход. Сильным аргументом в пользу этого вывода является тысячелетний опыт восточной медицины. Ее философской основой всегда являлось системное представление о человеке как о многоплановой сущности, в которой одинаково важными являются и физическая, и ментальная, и информационная компоненты. Восточная философия рассматривает человека как неотъемлемую часть природы, которая отражает в себе многие процессы и свойства не только биологического, но также и информационного характера, включая космические факторы.

Современная наука уже не считает такие подходы мистическими. Экспериментально доказана зависимость жизненных процессов на нашей планете от влияния космоса. Благо-

даря работам А. И. Чижевского, «земное эхо космических бурь» теперь уже не красивая метафора, а объективная реальность. И воздействие этой реальности на природу человека и процессы жизнедеятельности его организма еще предстоит изучить в будущем. Но не считаться с этим, игнорировать нашу неразрывную связь с планетой и космосом больше не удастся. Без этого человечество не сможет решить своей главной проблемы – выживания во все более сложном, динамичном и опасном мире.

Информационные аспекты клонирования живых организмов

Еще одним важным доказательством информационной природы человека, как и всех остальных объектов живой природы, являются успешно осуществленные в последние годы опыты по клонированию животных. В начале 90-х годов XX века весь мир был потрясен сообщением об успешном клонировании лягушки, а в 1996 году – и клонированием овцы по имени Долли. Затем в 1998 году по телевидению был продемонстрирован теленок, клонированный во Франции, а американский генетик Ричард Сид объявил о своем намерении осуществить эксперимент по клонированию человека. Есть публикации о том, что такие опыты уже проводятся, несмотря на то, что во многих странах клонирование человека законодательно запрещено.

При философском рассмотрении проблемы клонирования потрясает не только сам факт реальной возможности создания биологической копии человека. Впечатляет другое – ведь для передачи генетической информации в уже осуществленных опытах по клонированию животных использовались не половые, а другие клетки живого организма. В опыте с лягушкой это была клетка кишечника, а при клонировании овцы – клетка вымени. Таким образом, гипотеза о том, что *любая клетка живого организма содержит*

всю генетическую информацию об этом организме, экспериментально подтверждена.

Другими словами, важнейший принцип древней философии «Все во всем» блестяще подтвержден современными научными экспериментами. Теперь это уже не философская гипотеза, а медицинский факт, в буквальном смысле этого слова.

Информационная концепция жизнедеятельности организма человека

Актуальность использования метода информационного подхода для научного познания природы человека как целостной многоуровневой и многофункциональной информационной системы сегодня не вызывает сомнений. Она объективно выдвигается на первый план не только при исследовании психической деятельности человека, но также и при изучении свойств и закономерностей физических процессов, происходящих в его организме. Крупным вкладом в решении этой проблемы являются результаты научной школы академика РАМН К. В. Судакова [17; 18]. В них с позиций общей теории функциональных систем впервые сформулированы общие информационные принципы построения, работы и взаимодействия функциональных систем живого организма.

К. В. Судаковым введено понятие *информационной среды организма*, которая образуется в результате совокупной информационной деятельности его различных функциональных систем, и показано, что эта среда представляет собой своеобразный динамически изменяющийся «информационный каркас» организма, который в значительной степени и определяет его жизнедеятельность. Установлено, что самоорганизация функциональных систем организма в процессе онтогенеза, а также их самонастройка и функционирование в процессе его жизнедеятельности осуществляются на основе постоянно формирующихся в организме «информационных образов» тех или иных потребностей. При

этом важную роль играют существующие в организме специальные информационные механизмы для оценки степени удовлетворения этих потребностей.

Исследования показали, что передача информации внутри организма осуществляется не только посредством нервной системы, но также и на уровне межклеточного взаимодействия, осуществляемого на основе слабых магнитных полей, а также изменения физико-химических параметров отдельных тканей. Существенную роль при этом играют специальные *информационные молекулы*, циркулирующие в жидких средах организма и выступающие в качестве гумморальных посредников при передаче информации. Под их воздействием в организме и осуществляется качественно новый процесс перекодирования информации об изменении физико-химических свойств тех или иных тканей и жидких сред организма в соответствующие этим изменениям процессы возбуждения нервных тканей. При этом исходная информация о потребности организма полностью сохраняется.

Таким образом, жизнедеятельность организма строится в значительной степени на использовании *информационных эквивалентов физиологических процессов* и оценки их протекания. Это общее положение является справедливым и для человеческого организма, и для организма животных.

7. Кибернетическое протезирование отдельных органов и функций жизнедеятельности организма человека

В состав этого направления информационной антропологии должны войти исследования проблемы изменения физического тела и психологических характеристик человека, которое связано с встраиванием в его тело различного рода информационных устройств, создаваемых на основе последних достижений в области нанотехно-

логий. В работах [1; 6] показано, что такие изменения не являются плодом фантазии. Они происходят уже сегодня. Проводятся опыты по внедрению в организм человека различного рода датчиков и эффекторов, а также нано- и молекулярных роботов. Разрабатываются методы коррекции психики человека для снижения его агрессивности, блокирования боли, мобилизации и т. п.

Поэтому в дальнейшем человечеству угрожает вполне реальная новая опасность – биологического вырождения и формирования принципиально новой, «электронной цивилизации», которая по сути будет представлять собой *цивилизацию киборгов*.

8. Новые информационные средства и методы изучения природы человека

Достижения в области развития информатики и радиоэлектроники позволяют создавать новые средства и методы для изучения природы человека, которые в последние годы начинают все более широко использоваться как в научных исследованиях, так и в практике современной медицины. Помимо традиционных методов ультразвукового и рентгеновского исследования внутренних органов человека, уже внедрены в практику такие методы, как компьютерная томография, энцелография головного мозга и сосудистой системы, а также «детектор лжи», позволяющий подтвердить или же опровергнуть правдивость тех или иных утверждений человека.

Менее известны, но уже экспериментально применяются методы «тепловидения» (академик Ю. В. Гуляев) и исследования ауры человека – его биополя, создаваемого излучениями клеток организма и имеющего преимущественно электромагнитную природу.

Эффект Кириллиан

В конце XX века в России был открыт еще один метод визуального наблюдения процессов в живых организмах, известный под названием «эффекта Кириллиан». Он основан

на использовании специфического эффекта свечения живых организмов и растений, находящихся в высокочастотном электрическом поле. При этом был обнаружен удивительный феномен, который пока еще не получил удовлетворительного научного объяснения. Он заключается в том, что когда в электрическое поле помещается не весь живой организм, а лишь его некоторая часть, например, половина листа какого-либо растения, то наблюдается свечение всего этого организма.

Иначе говоря, информация о структуре всего организма каким-то образом сохраняется в его части, и эту структуру можно наблюдать визуально, фотографировать и исследовать. Правда, этот эффект наблюдается лишь до тех пор, пока организм остается живым, и процессы его жизнедеятельности продолжают. Засохший лист растения уже такими свойствами не обладает, и поэтому свечения не вызывает.

Какой же философский вывод следует из этого удивительного и экспериментально подтвержденного тысячами опытов открытия? Он состоит в том, что мы еще очень мало знаем об информационной сущности живой природы, которая, как оказалось, и составляет ее первооснову. Этот вывод в полной мере распространяется и на природу человека.

Энергоинформационные поля организма человека

Изучением системной сущности энергоинформационных полей в живых организмах в России уже достаточно продолжительное время занимается НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина РАМН. В результате проведенных коллективом этого института исследований показано, что энергоинформационные отношения являются основными регуляторными процессами как внутри биобъектов, так и между отдельными живыми организмами, в том числе и между людьми и их популяциями.

В работе [18] показано, что с появлением новых технологий системного анализа и моделирования волновых структур в биобъектах на основе компьютерных технологий, резонансных и других методов, появилась реальная возможность оценки влияния на живой организм сверхмалых энергоинформационных воздействий.

Этот тип воздействия был назван авторами исследований *резонансно-полевым*. Его отличительной чертой является принадлежность к целому организму. Иначе говоря, это воздействие связано с интегральным характером информационно-энергетического поля организма, которое представляет собой суперпозицию полей различной природы, создаваемых этим организмом и отражающих весь спектр этих полей – от электронных соединений атомов до полей, создаваемых макромолекулярными комплексами и тканями.

Информационная теория функциональных систем организма человека

Эта теория разработана в России академиком П. К. Анохиным и основана на его представлениях об информационном эквиваленте внешних воздействий на живой организм. В его фундаментальных работах было показано, что во всех динамических саморегулирующихся функциональных системах живого организма постоянно циркулирует информация о состоянии их полезных для этого организма приспособительных реакций на внешние воздействия. Для этого в функциональных системах имеется специальный аппарат оценки информации – так называемый акцептор результата действия.

В настоящее время дальнейшее развитие предложенной П. К. Анохиным информационной теории функциональных систем живых организмов осуществляется коллективом ученых, входящих в состав научной школы академика К. В. Судакова. Их исследования показали, что эти системы обладают двумя универсальными свойствами –

голографичности и иерархического взаимодействия в целом организме. Некоторые важные результаты этих исследований представлены в монографиях [17; 18].

Информационная структура волнового генетического кода человека

Особое место в развитии методов изучения информационной природы человека занимают работы по изучению структуры его генетического кода. Здесь необходимо отметить работы российских ученых: А. А. Любичева, В. Н. Беклемишева, А. А. Березина, А. Г. Гурвича, П. П. Гаряева, а также опыты китайского генетика Дзяна Каньдзэна [19; 20]. В них показано, что *генетический код имеет волновую голографическую природу* и поэтому может и должен изучаться с использованием современных методов информационного и математического моделирования. Развитие этих методов и создание нового поколения супер-компьютерных систем открывает здесь новые, беспрецедентные возможности. Ведь известно, что генетический код удалось расшифровать именно благодаря использованию супер-компьютеров, производительность которых продолжает возрастать.

Так, например, созданный в 2006 году в Японии супер-компьютер, обладающий быстродействием порядка одного петафлопс (квадриллион операций в секунду), используется в этой стране для решения задач, связанных с исследованием структуры белков, и поэтому получил название *Protein Explorer*.

Энерго-информационная безопасность человека в информационном обществе как глобальная проблема

Промышленно-технологическая революция XX века существенным образом изменила энерго-информационное поле нашей планеты. Мощные электростанции, крупные промышленные производства, высоковольтные линии электропередачи, городские здания и сооружения – все эти объекты создают вокруг себя достаточно интенсивные элек-

тромагнитные поля, которые постоянно окружают современного человека и воздействуют на его организм.

Развитие информационного общества усиливает это воздействие и делает его глобальным. Ведь средства телевидения и мобильной связи сегодня имеются практически в каждой семье и регулярно используются как взрослыми, так и детьми. Причем, их количество и интенсивность использования продолжают возрастать.

Какое воздействие оказывают электромагнитные излучения этих средств на организм человека? Каков допустимый уровень этого воздействия на детей, взрослых, а также зародышей, еще находящихся в утробе матери? Какими могут быть последствия этого воздействия на человека? Ведь, как было показано ранее, это воздействие осуществляется не только на уровне функциональных систем организма человека, но также и на генетическом уровне. На все эти вопросы пока нет никаких ответов, т. к. данная проблема еще не осознана в современном обществе и поэтому системно не изучается. А ведь проблема является глобальной и представляет серьезную угрозу не только для человека, но и для всей биосферы нашей планеты.

Впервые эта проблема была поставлена автором настоящей статьи в работе [21]. Однако эта публикация не привлекла к себе внимания специалистов в области глобальных экологических проблем современности и осталась без каких-либо последствий. Надеяться же, что она как-то решится сама собой также нет оснований. Ведь подавляющая часть объектов энергетики и связи находится сегодня в собственности частных компаний, заинтересованных, главным образом, в получении прибыли, а не в решении экологических проблем.

Информационное моделирование – новый метод познания природы человека

В последние годы в методологии науки формируется принципиально новый метод

научного познания, основанный на использовании *информационных моделей* изучаемых объектов или явлений. Отличительная особенность этого метода состоит в том, что модель изучаемого объекта или явления строится не на основе уже известных теоретических положений, а непосредственно на использовании результатов физических наблюдений, измерений или экспериментов. Создаваемые при этом модели имитируют структуру и процессы функционирования исследуемых объектов и поэтому называются имитационными.

Изучая процессы функционирования имитационных моделей, можно выявить определенные закономерности, которые позволяют сформулировать соответствующие научные гипотезы о природе изучаемого объекта или явления и, следовательно, получить новые фундаментальные знания. Этот метод все чаще применяется в научных исследованиях самого широкого профиля и получил название **Computational Science (вычислительная наука)** [22]. Появились сообщения, что он начал использоваться и для изучения биологической и психологической природы человека. Так, например, американскими учеными построена комплексная информационная модель, которая позволяет анализировать реакцию организма человека на воздействие тех или иных химических веществ.

При построении этой модели были использованы полученные ранее результаты исследований более трех тысяч реакций белка на воздействие различных химических препаратов. Предполагается, что эта модель поможет выявить возможные побочные явления при использовании лекарственных препаратов в медицине.

Информационные модели используются также и при изучении деятельности сознания человека и оказываются при этом весьма эффективными [16].

Системы виртуальной реальности в познании информационной природы человека

Новые возможности для познания информационной природы человека появляются в связи с развитием компьютерных технологий и систем виртуальной реальности. Эти системы уже достаточно широко используются в качестве тренажеров при подготовке летчиков и космонавтов, обучении водителей железнодорожного и автомобильного транспорта, а также в индустрии развлечений. Они позволяют создавать имитацию достаточно сложной внешней информационной среды человека и обучать его поведению в этой среде. Однако сегодня ничто не мешает создавать и использовать такие системы и для других целей – изучения информационных свойств и характеристик человека, его реакции на внешнюю информацию зрительного, звукового и иного характера. К сожалению, эти возможности в современной психологии еще практически не используются.

Заключение

Информационная система «ЧЕЛОВЕК» должна занимать центральное место в общей информационной модели развития современного мира. Ведь именно через человека осуществляется взаимодействие двух других информационных систем «ПРИРОДА» и «ОБЩЕСТВО», одна из которых является естественной, а другая создана в результате деятельности человека. Кроме того, необходимо помнить о двойственном характере природы самого человека. Ведь, с одной стороны, человек – это природный организм, и поэтому он органически входит в состав информационной системы «ПРИРОДА». А, с другой стороны, человек – это первичный структурный элемент социума, и поэтому он является важнейшим компонентом информационной системы «ОБЩЕСТВО».

Эта принципиально неустранимая двойственность человеческой природы и обусловленные ею специфические особенности функционирования информационных систем «ЧЕЛОВЕК» и «ОБЩЕСТВО» должны обязательно учитываться при проведении системных исследований как проблем человека, так и проблем человеческого общества. Поэтому при анализе информационных процессов в обществе необходимо учитывать не только их социальные, экономические и научно-технические аспекты, но и биологические, а также психологические аспекты этих процессов, связанные со спецификой деятельности человека как информационной системы.

Исследование природы человека с позиций информационного подхода представляет собой актуальную и исключительно сложную проблему современной науки. Ее рассмотрение выходит за рамки настоящей работы и заслуживает самостоятельного исследования. «Неумение изучать человека заставляет нас изучать все остальное», – этот вывод философов древности остается справедливым и сегодня. Ведь, несмотря на весьма впечатляющие достижения науки в исследовании законов природы, мы лишь начинаем приближаться к постановке комплексных проблем по системному изучению человека, в том числе – и с позиций информационного подхода.

Выше было показано, что научные исследования в области информационной антропологии являются актуальными уже сегодня. Однако эта проблема является комплексной, и для своего изучения она требует привлечения специалистов в области философии, культурологи, психологии, социологии, физиологии и информатики.

Возможно, что именно философские и информационные аспекты изучения этой проблемы окажутся здесь наиболее значимыми.

Литература

1. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М.: Изд-во АСТ: ОАО «Лукс», 2004. – 349 с.
2. Колин К. К. Эволюция информатики и формирование нового комплекса наук об информации // Научно-техническая информация. – 1995. – Сер. 1, № 5. – С. 1–7.
3. Отоцкий Г. П. Информационная антропология: необходимость конструирования // Ученые записки РГСУ. – 2009. – № 1. – С. 86–89.
4. Матвиенко Д. В. Информационная культурология и информационная антропология как новые научные направления // Культурная жизнь Юга России. – 2008. – № 3. – С. 6–8.
5. Колин К. К. Информационная антропология – наука для будущего: предмет и задачи нового направления в науке и образовании: материалы Межд. науч. конференции «Цивилизация знаний» (Москва, апрель 2011 г.).
6. Нариньяни А. С. eHOMO – два в одном (Homo Sapiens в ближайшей перспективе) // Открытое образование. – 2005. – № 2(49). – С. 51–61.
7. Колин К. К. Информационная антропология: поколение Next и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 4.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000. – Т. II.
9. Колин К. К. Информационный подход как фундаментальный метод научного познания // Межотраслевая информационная служба. – 1998. – № 1. – С. 3–17.
10. Колин К. К. Виртуализация общества – новая угроза для его стабильности // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности: сб. науч. тр. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – С. 449–462.
11. Колин К. К. Информационная культурология: структура и содержание новой научной дисциплины // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2011. – № 1. – С. 7–13.
12. Колин К. К., Урсул А. Д. Информационная культурология. Предмет и задачи нового научного направления: LAP LAMBERT Academic Publishing AG & Co. KG. Germany, 2011. – 249 pp.
13. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000. – 688 с.
14. Сергин В. Я. Психоинформатика: природа познавательных и творческих способностей человека. Лекции ведущих ученых России. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2011.
15. Филин В. А. Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что – плохо. – М.: МЦ «Видеоэкология», 1997. – 320 с.
16. Коновалов В. В. Кризис медицины на рубеже XX–XXI веков // Человек. – М., 1996. – № 1.
17. Судаков К. В. Информационный феномен жизнедеятельности. – М.: РМА ПО, 1999. – 380 с.
18. Энергоинформационные поля функциональных систем. – М.: НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина РАМН, 2001. – 518 с.
19. Гаряев П. П. Волновой генетический код. – М.: ИПУ РАН, 1997. – 108 с.
20. Дзян Каньджен Биоэлектрическое поле – материальный носитель биогенетической информации // Аура-Z. – 1993. – № 3. – С. 42–54.
21. Колин К. К. Семантические проблемы информационной безопасности // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. – 2000. – № 1. – С. 67–84.
22. Колин К. К. Новая компьютерная инициатива США и задачи России в области развития информатики // Alma mater (Вестник высшей школы). – № 5. – С. 26–29.
23. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета. – М.: Изд-во Колибри, 2011. – 352 с.

УДК 008

Е. Л. Кудрина

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются проблемы диалога культур в современном мире глобализации и новой культурной политики. Особо подчеркивается определяющая роль творческих вузов в формировании новой парадигмы межкультурных коммуникаций и формировании толерантности.

Ключевые слова: диалог культур, культурная политика, университет культуры, художественное образование, толерантность.

E. L. Kudrina

DIALOGUE OF CULTURES: THE INFLUENCE ON CULTURAL POLITICS IN THE CURRENT CONDITIONS

The article deals with the problems of intercultural dialogue in the modern world of globalization and the new cultural policy. It emphasizes the crucial role of universities in forming the creative new paradigm of intercultural communication and formation of tolerance.

Keywords: dialogue of cultures, cultural policy, the university of culture, art education, tolerance.

Соответствие определяемых задач новому времени требует обоснованной корректировки культурной политики и приведения ее в соответствие с реальным социально-экономическим, социально-культурным и социально-образовательным состоянием нашего общества и тенденциями его национального и международного развития. Современный мир, все более и более приобретающий черты глобального сообщества (тесные политические, экономические, производственно-технические, информационно-коммуникационные, финансовые, культурные, образовательные и другие взаимоотношения), связывает десятки стран мира. В эти процессы втягиваются и те страны, которые еще несколько десятилетий назад находились на периферии человеческой цивилизации. Характерно это явление странам Европы и Азии. Своеобразие цивилизационной структуры – Евразии, в которой культура, во многом формировавшаяся «под

воздействием трех исторических и этнических сил: христианской Византии, приобщившей Русь к великой средиземноморской культуре, культуры исламских народов и коренного язычества» [10], характеризуется именно этим триединым взаимодействием.

Благодаря своему географическому и геополитическому положению, Россия занимает особое место во взаимодействии восточноазиатской и западноевропейской культур. Диалог культур является не только основным способом познания и уважения народов, проживающих в окружающих Россию государствах, но и выступает путем к взаимному духовному обогащению, решающим фактором содействия утверждению идеалов и практики толерантности, их сближения и консолидации на пути предотвращения конфликтов и враждебности. «Диалог культур – совокупность непосредственных отношений и связей, которые складываются между различными культурами, а также их резуль-

татов, взаимных изменений, возникающих в ходе этих отношений. Диалог культур – одна из наиболее значимых для культурной динамики форм культурной коммуникации. В процессе диалога культур происходят изменения культурных паттернов – форм социальной организации и моделей социального действия, систем ценностей и типов мировоззрения, становление новых форм культуротворчества и образа жизни. Именно в этом заключается принципиальное отличие диалога культур от простых форм экономического, культурного или политического сотрудничества, не предполагающих существенных преобразований каждой из сторон» [12].

Культурные связи, наряду с экономическими и политическими, – постоянный и существенный компонент общения между народами. Культурное взаимодействие происходит вопреки и вне зависимости от множества условий. Являясь ареной наиболее устойчивого взаимодействия народов, их взаимного обогащения и понимания, охватывая духовную жизнь общества – ту сферу, где накапливаются и сохраняются духовные ценности и знания, нормы и исторический опыт, проявляя открытость внешним влияниям и осуществляя взаимодействие как важное условие для поддержания и развития любой страны, любого народа и общества, культура определяет важнейшие приоритетные цели культурной политики:

- приобщение людей к знанию и интересу ко всему многообразию культур человечества, их духовное и интеллектуальное обогащение через это знание, воспитание толерантного отношения к иному, незнакомому, непривычному, воспитание потребности в доброжелательном культурном взаимодействии, общении, преодолении национальной, конфессиональной и социально-политической отчужденности;

- воспитание демократического и плюралистического миропонимания, осознания

взаимосвязи общечеловеческих ценностей с глубинным содержанием любой национальной культуры, понимания того, что будущее человечества определяется гармоничным сочетанием Личной свободы (как условия самореализации каждого) с культурой (как универсальным способом согласования интересов всех).

Исходя из типов культурных общностей выделяют следующие уровни взаимодействия (диалога): наднациональный, региональный, этнический, национальный, цивилизационный [3].

За последние два десятилетия произошли глубокие изменения культурной политики во многих странах, включая и европейские, и азиатские. Особое внимание в этом процессе заслуживает международная культурная политика. Следует согласиться с О. Н. Астафьевой, которая подчеркивает, что «при всем разнообразии концепций культурной политики и управленческих стратегий в сфере культуры, закрепленных в национальных законодательствах разных государств, существует еще один уровень культурной политики – надгосударственный, международный. Наиболее наглядно это подтверждается пакетом последних документов ЮНЕСКО, которые связаны с продвижением в мире идей межкультурного диалога, культурного разнообразия, культурной политики как политики для культуры. Этот уровень также просматривается в принятых более сорока лет тому назад документах и решениях разных комиссий ЮНЕСКО, не утратившими своего значения и поныне» [1].

Феномен культурной политики уже длительное время находится в поле внимания как политиков и государственных деятелей, так и исследователей. Известный французский ученый А. Моль в книге «Социодинамика культуры», изданной в Париже в 1967 году (в СССР она вышла в 1973 г.), осуществление «культурной политики» связывал с зада-

чей, стоящей перед обществом: «сознательно строить свою собственную судьбу, вместо того чтобы подчиняться спонтанным импульсам». Автор допускал решение такой задачи не только в рамках отдельных государств, но и неких «всемирных объединений», прообразом которых он считал организации типа ЮНЕСКО [13].

Эта международная организация первой дала определение понятия «культурная политика». В ходе дискуссии, проведенной под эгидой ЮНЕСКО в Монако в декабре 1967 года, было достигнуто решение: понимать под культурной политикой комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры, всю сумму сознательных и обдуманных действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время [15].

Данное определение имеет универсальный характер в рамках ведомственного подхода, принимается учеными разных стран с различными политическими системами, с разным уровнем демократии, с разной степенью влияния государства на сферу культуры. На практике оно дополняется и уточняется, адаптируясь к многообразию моделей культурной политики. Примером тому является нижеприведенное определение, данное в отношении дефиниции «государственная культурная политика»:

– «это специфическая деятельность государства, направленная на реализацию права каждого гражданина свободно участвовать в культурной жизни общества, выявление и учет культурного аспекта во всех социально-экономических проектах и обогащение культурной самобытности народов,

развитие международного культурного обмена. О последовательной культурной политике государства можно говорить только в том случае, если определены ее приоритеты и стратегия, существует необходимая законодательная база, система принятия культурно-политических решений, организационно-финансовый механизм реализации» [13].

Основными направлениями государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года являются:

- сохранение и развитие единого культурного и информационного пространства России;
- сохранение и развитие многонационального культурного наследия народов России;
- совершенствование отечественной системы художественного образования и науки;
- дальнейшая интеграция России в мировой культурный процесс и укрепление ее позитивного образа за рубежом.

Вопросам международного сотрудничества в сфере культуры посвящен раздел 4 документа «Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации», принятого Правительством Российской Федерации в 2006 году:

«4. Дальнейшая интеграция России в мировой культурный процесс и укрепление ее позитивного образа за рубежом»

Реализация дальнейшей интеграции России в мировой культурный процесс и укрепление ее позитивного образа за рубежом обусловлена необходимостью сохранения национальной культурной идентичности в условиях глобализации.

В плане международного сотрудничества приоритетным направлением является укрепление позитивного образа России путем дальнейшей интеграции в мировой

культурный процесс. Приоритетом остается сотрудничество с Росзарубежцентром при Министерстве иностранных дел Российской Федерации.

Основой этого направления является подготовка и реализация международных проектов в сфере культуры, способствующих росту престижа российской культуры, формированию позитивного образа России за рубежом. Для этого необходимо активно осуществлять продвижение классического и национального искусства народов России в форме гастролей, конкурсов, выставок, фестивалей и стажировок за рубежом.

Действенным механизмом культурного влияния должно стать международное телерадиовещание как инструмент внешней государственной политики, обеспечивающий информационное присутствие России и создание ее позитивного образа на территории других государств, в первую очередь тех, где существенную часть населения составляют русскоязычные диаспоры.

В связи с этим перспективными направлениями являются:

- сотрудничество с государствами СНГ в целях поддержки соотечественников за рубежом. Стратегическое направление этого сотрудничества – сохранение единого культурного и информационного пространства СНГ, сохранение и укрепление информационного присутствия России на пространстве СНГ и стран Балтии. Особое внимание необходимо сосредоточить на поддержке русских театров, других видов творческой деятельности на русском языке;

- осуществление деятельности (в свете подписанного Соглашения о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ, а также в развитие Декларации о гуманитарном сотрудничестве государств-участников СНГ) по созданию таких новых институтов многостороннего взаимодействия в гуманитарной сфере, как учреждение Совета по

гуманитарному сотрудничеству государств-участников СНГ, проведение на постоянной основе форума творческой интеллигенции государств-участников СНГ;

- взаимодействие с Европейским союзом и Советом Европы. Основой сотрудничества станет реализация четвертой “дорожной карты” по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты, создание Постоянного совета партнерства Россия – ЕС в области культуры, а также работа в рамках проекта “Создание культурного капитала”;

- развитие и использование современных информационных технологий для дальнейшей интеграции культурных связей и формирования позитивного образа России за рубежом;

- сотрудничество с такими авторитетными международными организациями, как ЮНЕСКО, Шанхайская организация сотрудничества, Арктический Совет, АРС-Балтика, участие в работе Конференции министров культуры стран региона Баренцева моря, Конференции министров культуры стран региона Балтийского моря, в программе “Северное измерение”, а также в деятельности Аудиовизуальной обсерватории и Всемирной сети по культурному наследию;

- участие в формировании стратегии построения в России информационного общества;

- сотрудничество в рамках Форума славянских культур по вопросам пропаганды российской культуры, сохранения материального и нематериального культурного наследия, сохранения культурного многообразия» [9].

Среди факторов, способствующих позитивному эффекту воздействия, следует выделить:

- степень дифференциации принимающей культуры. Общество, располагающее развитыми системами морали, права, худо-

жественной культуры, эстетики, философии, оказывается в состоянии адаптировать к себе функционально приемлемые нововведения, не подрывая основную культуру;

- длительность контакта — растянутое во времени воздействие вызывает не шоковое состояние и отторжение, а привыкание и постепенное приятие;

- политические условия взаимодействия [3].

Приобщение подрастающего поколения к культуре посредством одного из важных ее элементов — художественного образования является не только эффективным инструментом воздействия на личность, но и сказывается на состоянии образования в целом, изначально являющегося транслятором культурных традиций и духовно-ценностных ориентиров в структуре социально-культурного взаимодействия.

П. Сорокин выделяет в «структуре социокультурного взаимодействия» три компонента: «личность как субъект взаимодействия; общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой триады не может существовать без двух других» [11, с. 218].

Следует отметить, что художественное образование имеет ряд специфических особенностей, требующих корректного и бережного отношения к сложившимся десятилетиями традициям в подготовке кадров. На протяжении нескольких столетий профессиональное художественное образование строилось на принципах общечеловеческих, национальных, этносоциальных и личностных ценностей, определяющих индивидуализацию процесса обучения и воспитания,

необходимую для формирования собственного мира культуры творческого человека.

В настоящее время в силу отраслевой специфики подготовки кадров вузам культуры и искусств приходится находить ответ на целый ряд противоречивых требований: адекватная реакция на возрастание массовости высшего образования при обеспечении качества обучения и индивидуальности подготовки; разработка процедур контроля качества без ущерба для свободы творчества как преподавателей, так и докторантов, аспирантов и студентов; диверсификация профессиональных образовательных программ и учебно-методических комплексов в условиях резкого сокращения государственного финансирования без учета специфики нормативно-правового регулирования подготовки творческих кадров; независимость в сочетании с ответственностью и гражданственностью; сочетание высокого уровня научной, творческой работы и преподавания. Вместе с тем, современная мировая концепция образования, в корне изменяющая его парадигму, нацеливает вузы на создание каждому человеку условий для формирования и развития своего творческого потенциала через решение таких важных задач, как «научить познавать», «научить действовать», «научить жить в обществе» и просто — «научиться жить» в мире глобализации.

Осмысливая образ университета культуры и искусств, его наиболее существенных сторон деятельности, мы видим его для себя как «Университет, открывающий мир». Каждый, кто обучается сегодня в университете, открывает для себя новый удивительный мир не только благодаря специфике образовательных программ, но и благодаря тому, что сам университет, его коллектив представляют собой поликультурную среду. В ней целенаправленно культивируются дух уважения и любви к другим народам, их обычаям, традициям, миротворчество и толерантность,

радость общения, позитивное мышление и психология успешности. Все это характерно для нашего Кемеровского государственного университета культуры и искусств [6].

Вместе с тем, развитие глобально-локальных социокультурных процессов существенно влияет на национальную культурную политику, которая претерпевает качественные изменения в процессе глобализации, поэтому, чтобы плодотворно воздействовать на социокультурную динамику в той или иной стране, ее культурная политика должна отвечать тенденциям и задачам, адекватным масштабу и характеру общественных перемен [2].

Мировая экономическая система формируется как система глобальная, открытая, динамичная, основанная на знаниях, в которой социально-экономические во многом определяются активностью субъектов общества в генерации и использовании нового знания. Это предъявляет качественно новые требования к образованию как базовому институту, ответственному за производство знания. Кроме того, глобализация обостряет и выявляет специфические грани в отнюдь не новой проблеме соотношения европейской и американской культуры и культур остального, главным образом, развивающегося мира. Задействовать в этих странах западную технологию невозможно было без распространения научно-технических знаний, интеллектуальной культуры, носителями которой являются квалифицированные специалисты. Вновь создаваемая современная система образования и особенно хлынувшая западная, преимущественно американская, массовая культура, вступили в прямое противоречие с местной традиционной духовной культурой. По мнению В. К. Егорова, «в более широком плане речь надо вести даже не об американизации, о чем чаще всего и не всегда справедливо говорится, а о вестернизации. <...> Человечество, состоящее на две трети из того, что именуется не-Западом, что со-

ставляет мир Востока и Юга, никак не желает согласиться с тем, что многоликому, мозаичному и этим замечательному миру человеческой культуры будет придаваться одно лицо. И полагаю, не согласится, по крайней мере, в обозримом будущем. У человечества – убежден – общее цивилизационное будущее и будущее общекультурное, когда в самом “последнем будущем” будет утверждено многокультурье» [4].

Глобализация открывает широкие возможности для взаимного знакомства и сближения культур, исключая их противостояние и антагонистические отношения. Межкультурные контакты нередко заканчиваются сильным влиянием взаимодействующих культур друг на друга. Посредством заимствований происходит проникновение культурных новаций из одних культур в другие, где подобные новации по объективным причинам возникнуть не могли. «В основе существования и развития любой культуры, общества лежат базовые системы ценностей – выступающие связующим ядром культуры, а также связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, культурные коды, символы и образцы. Тесно связанные между собой, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми; среди прочих, ценности определяют приоритеты и векторы дальнейшего развития» [14, с. 171].

Следует подчеркнуть, что для любого общества культурные контакты имеют как положительное, так и отрицательное значение. Появление спутникового телевидения и Интернета не только значительно повышают возможности проникновения западной культуры во все страны, но и ставят под вопрос само существование не особенно сильных культур, которые могут не удержаться перед экспансией чужеродной культуры, утратить свою культурную самобытность, изменить культурную идентичность.

«Неосознаваемая в обычных ситуациях проблема идентичности актуализируется по мере контактов людей и групп с представителями других культур. В результате таких контактов складывается осознание своей идентичности, что происходит в сопоставлении “своего” и “чужого”? и именно “чужое” способствует собственному восприятию, осознанию своей самобытности. При этом, сопоставление “своего” и “чужого” может способствовать как укреплению собственной идентичности, так и привести к ее изменению или разрушению» [14, с. 172].

В периоды крупномасштабных общественных перемен, когда происходит радикальная трансформация основ функционирования социокультурных систем, люди не только испытывают чувство растерянности и неуверенности в своем будущем, но и лишаются надежных ориентиров. В это время они нуждаются в стабильных, проверенных образцах, упорядочивающих «их хаотический опыт, представление о том, кем они являются, откуда пришли и куда движутся» [14, с. 173].

Изменения являются неотъемлемым свойством культуры и включают в себя как внутреннюю трансформацию культурных явлений (их изменения во времени), так и внешние перемены (взаимодействие между собой, передвижение в пространстве и т. п.). Благодаря этому происходит поступательное движение культуры, ее переход от одного состояния к другому.

«В процессе культурных изменений рождаются, фиксируются и распространяются различные элементы культурного опыта. Значение, влияние и степень распространения этих элементов зависит во многом от источника их возникновения. В культурной антропологии принято выделять следующие источники культурной динамики: инновации, обращение к культурному наследию, заимствования, культурная диффузия» [5].

Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение заставляют говорить о процессе глобализации современной культуры. Процессы глобализации и культурной динамики, как показывает практика, не ведут к формированию единой мировой культуры.

Современная культура остается множеством самобытных культур, находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом. Необходим поиск стабильных, проверенных ориентиров, которыми чаще всего выступают элементы традиционной этнической культуры, «культурное наследие». «Обращение к культурному наследию означает использование в новых условиях достижений и исторического опыта данной культуры. Современные условия определяют необходимость постоянной “расшифровки” прежнего культурного опыта, его переоценки и приспособления к новой ситуации. Обращение к культурному наследию призвано обеспечить поддержание привычных символов, норм и ценностей, сложившихся в обществе. Следование этим образцам, проверенным многолетней практикой, обеспечивает привычные условия жизни, самобытность культуры» [14, с. 176].

Особое значение приобретают проблемы формирования толерантности в полинациональной, поликонфессиональной, полиэтнической России. «В политическом, философском, культурологическом лексиконе слово “толерантность” ныне присутствует как неизменный атрибут, своего рода данность в структуре современных научных словарей. В мышлении и социальных практиках значение этого понятия формирует особую мировоззренческую парадигму. Тематически и исторически *tolerantia* становится частью языка, фиксирующего изменение сознания и активно вторгающегося в политическое и культурное пространство» [7, с. 38].

В настоящее время в Российской Федерации созданы и работают различные центры толерантности. В Кемеровском государственном университете культуры и искусств создание Института толерантности в начале 2008 года стало важным шагом в диалоге культур, в развитии нового уровня общественно-го сознания и современной этической доктрины, претендующих на центральное место «в оси координат XXI века». Это событие явилось объединяющим началом для студентов, ученых и преподавателей самых различных дисциплин в решении проблем формирования толерантности.

Основными целями Института толерантности определены распространение идей толерантности и их формирование как составляющей профессионально-личностной культуры и компетенций в сфере культуры и искусства. В связи с этим решаются задачи формирования средствами науки, образования, искусства и просветительства культуры толерантных отношений к иным взглядам, убеждениям, духовным, эстетическим и национальным ценностям в молодежной среде; поддержки инициатив и проектов в области науки, культуры, направленных на сохранение и развитие научно-творческого взаимодействия Кузбасса с регионами России, странами СНГ, зарубежными странами.

В рамках международной деятельности Университет обеспечивает межкультурное сотрудничество и академическое партнерство с зарубежными университетами, учебно-образовательными и научно-исследовательскими центрами, с творческими и гуманитарными организациями. Международные связи установлены с Монголией, Китаем, Турцией, Германией, Польшей и др.

Культурные и научные связи Университета с Польшей:

1. В 2008 году был подписан договор о сотрудничестве между КемГУКИ и Щецинским университетом.

2. В 2008, 2010 годах в КемГУКИ прошло 2 международных научных семинара «Толерантность в пространстве межкультурных коммуникаций» в том числе и с участием ученых Института славянской филологии Щецинского университета (Йоланта Митурска-Бояновска, Роман Гаваркевич).

3. Исследования ряда преподавателей КемГУКИ в области филологии, культурологии, прошедшие экспертизу учеными из университетов Кракова, Лодзи, Варшавы, представлены в научных изданиях Польши. В свою очередь статьи ученых Института славянской филологии Щецинского университета дважды были опубликованы в научном журнале «Вестник КемГУКИ».

4. В 2008 году в рамках визита в Кемерово Первого секретаря Посольства республики Польша в Российской Федерации Малгожаты Шняк в университете прошла встреча государственного деятеля Польши с преподавателями, учеными вуза. На встрече был представлен польско-российский кинопроект «Россия – Польша. Новый взгляд». Университет провел презентацию данного проекта среди студентов вуза, а также школ Кемерова.

5. Польские священники, служащие в Кемерове в Церкви Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии, являются участниками встреч, проводимых в университете и посвященных обсуждению проблем роли духовной культуры в воспитании современной российской молодежи. В Кемеровской области действует региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество “ПОЛОНИЯ КУЗБАССА”». На территории Кемеровской области проживает 1 389 поляков (по результатам переписи 2002 года), 13 действующих католических храмов и молитвенных домов.

6. Проект 2011 года – конференция, прошедшая в КемГУКИ «Славянский мир. Диалог культур» и семинар «Noto communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций», проходящий сегодня

(21.10.2011 года), поддержанные российским фондом «Русский мир», являются продолжением направления работы и послужат укреплению наших научных и культурных контактов.

На наш взгляд, следует согласиться с суждением, что любая культура существует не сама по себе, а во взаимодействии с други-

ми культурами, поэтому необходимо видеть в иной позиции, в другой системе ценностей, в чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими собственными, но и проблемами других людей и других культур, других ценностей.

Литература

1. Астафьева О. Н. Концептуализация культурной политики: многообразие подходов и решений. Лекция 4 // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое научное издание. – 2011. – № 1.
2. Богатырева Т. Г. Синергетика глобальных социокультурных процессов и культурная политика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/D46Bogatireva.htm>
3. Диалог в культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kulturoznanie.ru?div=dop_dialog_culture
4. Егоров В. К. Культура как двигатель и тормоз глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rags10.htm>
5. Источники и механизмы изменения культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/intercult/mktr.htm>
6. Кудрина Е. Л. «Культура, основанная на знаниях» как парадигма образования / Е. Л. Кудрина, Н. И. Гендина, В. Д. Пономарев // Высшее образование в России. – 2007. – № 7. – С. 140–143.
7. Абдулатипов Р. Г. Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: коллективная монография / Р. Г. Абдулатипов, А. Е. Бусыгин, И. Д. Кобзон и др. – М.: Издательский дом МГУКИ, 2011. – 320 с.
8. Лавринова Н. Н. Сущность культурной политики [Электронный ресурс] / Опубликовано в вып. 2 (17), 2010. – Электронное научное издание «Аналитика культурологии». – Режим доступа: <http://analiculturolog.ru/archive/item/229-article>
9. Основные направления государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в Российской Федерации до 2015 года и план действий по их реализации. Принято Правительством Российской Федерации № МФ-П44-2462 от 01.06.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mkrf.ru/Базовое_законодательство/Министерство_культуры.
10. Скворцова И. С. Диалог культур. Попытка рассмотрения инновационного подхода [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://http://www.ethnoworld.ru/book-60.html>
11. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 218.
12. Социологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soclexicon.ru/dialog-kultur>
13. Феномен культурной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newsociolog.ru/newsocs-221-1.html>
14. Шаров А. В. Взаимодействие культур и проблема идентичности // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 года). Материалы выступлений / под общ. ред. И. И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 171–176.
15. Cultural policy: preliminary study. – Paris, 1969. – P. 5.

УДК 008

*В. Л. Филиппов***СМЫСЛ В КУЛЬТУРЕ В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ**

Сложность происходящих в современном мире процессов требует их всестороннего и глубокого анализа и переосмысления с тем, чтобы на научной базе позитивизировать отечественную культуру. Именно верное и грамотное понимание культурных смыслов, на наш взгляд, является залогом здоровой культуры и всестороннее развитого гармоничного общества. Несмотря на имеющийся философский материал, непосредственно в обозначенном нами аспекте данная тема ранее раскрыта не была.

Ключевые слова: философия, культура, смысл, картина мира, личность, активность, смыслообразование.

*V. L. Filippov***SENSE IN CULTURE IN THE DETAILED SYSTEM OF WORLD PHILOSOPHY**

Complicity of processes, which happen in contemporary world, demands their detailed and deep analysis and also reanalyzing them to make native culture more positive on the scientific basis. It is considered that preeminently correct and competent realization of cultural senses is the essential condition of strong culture and comprehensive development of organic society. The topic was not studied in the defined aspect in spite of existing philosophic material.

Keywords: philosophy, culture, sense, world understanding, personality, activity, sense formation.

Подчеркнем, что в интересующем нас контексте феноменология рассматривает тему конституирования сознанием «физических» вещей, что помогает понять полнее и многограннее произведения культуры, выявить и проанализировать их многообразные отношения с действительностью, исследовать их смысл. В этом активную роль играет понятие произведения как интенционального предмета, который обладает определенной формальной структурой и статусом бытия и требует специального анализа.

Ингарден произвел феноменологический анализ произведений культуры, интенциональный характер которого он считал очевидным. Интересы философа концентрировались, главным образом, на способе существования произведения искусства как интенционального предмета. Последний, по его мнению, представляет собой некий предметный смысл, или «содержание», кото-

рое осознается в переживании и посредством которого нозма относится к объекту переживания. Под нозмой (мыслью) понималась некая идеальная компонента интенционального переживания, включающая в себя целый комплекс нозматических моментов. Один и тот же объект переживания может различным образом «проявляться» («оттеняться») по мере своего осознания, поэтому одному объекту может соответствовать несколько ном, в то же время одной нозме всегда соответствует только один объект.

Отметим также, что переживания, воплощаемые в чисто интенциональные объекты, по мнению Ингардена, являются произведениями культуры («чистое бытие»). Интенциональные объекты обладают определенной формальной структурой и статусом бытия, требующими особого анализа, а действительность, реальное, не переходящее «без остатка» в идеальное, как иници-

руемое последним. Интенциональная установка сознания возникает не при восприятии любого реального предмета, а только при восприятии особого (интенционального) объекта, такого, какой заключен в произведении культуры, которое есть «чисто интенциональное произведение субъективных творческих операций автора, шире – в произведении искусства, художественном произведении как таковом. Тем самым такого рода объект «сам» инициирует интенциональность сознания, «требует» особой – эстетической – его направленности «на себя», развертывания соответствующей эстетической деятельности, складывания эстетического отношения, в котором он выступает «материалом» для этой деятельности (единство установки, деятельности, материала, предмета и продукта современной культуры).

Интересно, что Ингарден различает два вида объективности – онтическую и эпистемологическую. Онтическая характеризуется инвариантностью предмета по отношению к изменчивым познавательным переживаниям и требует своего установления онтологически. Онтичность литературного произведения «просвечивает» через его структурную многослойность (стратифицированность формальной структуры), развертываемую в восприятии во времени, т. е. в структурной многофазности (процессуальность квазивременной структуры). Структура литературного произведения двумерна и образуется последовательностью фазчастей в единстве с множеством совместно выступающих «слоев» (компонентов).

Таким образом, в произведении культуры, по мнению Ингардена, можно выделить как минимум четыре слоя:

- слой знаков и звучаний (визуальный или фонетический уровень);
- слой семантических единиц, оформляющих стиль и несущих эстетические качества;

- избирательно-предметный (содержательный) слой;

- схематизированные наглядные образы (уровень явленности объектов), соотношение с эстетическими ценностями.

Важно также подчеркнуть, что в анализе конкретных текстов современной культуры Ингарден увеличивал количество возможных слоев до двенадцати. Ученый также применил феноменологический анализ произведения культуры к произведениям литературы, живописи и музыки. Исходя из его понимания произведения культуры как интенционального предмета, любое современное произведение можно анализировать в этом ключе и сказать следующее: человеческое сознание, реализуя себя в интенсивном потоке мысли, находит свое разрешение в любом продукте современной культуры, причем не только творческом.

В культуре смысл, исходя из феноменологического понимания смысла, отождествляется с активностью сознания и формой его существования. Категория интенциональности выражает у автора произведения культуры активную направленность на предмет сознания, позволяющую и познавать предмет, и представлять его, и реконструировать. Именно реконструировать, а не конструировать, ибо здесь есть свобода творчества, что имеет огромное значение для творчества внутри культуры. Соответственно этому высказыванию, восприятие, реконструкция и осмысление продукта культуры невозможны вне категории интенциональности.

Отметим также, что интенциональный объект разными своими аспектами-планами (структурным, рецептивным, экзистенциальным, презентационным, семиотическим) постепенно вырисовывается в сознании реципиента (зрителя) в эстетическом восприятии, отсылает к актам своего творения (конституирования) автором того или иного текста культуры, но сам всегда есть реконструкция (а не конструкция).

Ингарден ввел также термин «конкретизация». При интерпретации художественного текста важно учитывать конкретизацию, т. к. она дает возможность глубже понять смысл, происходит это примерно следующим образом:

- читатель может представить внешность героев литературного произведения, он конкретизирует их с помощью своего видения, своей фантазии;
- режиссер предлагает зрителю свою конкретизацию;
- зритель видит на экране конкретно-го человека, его биологические данные как эстетический феномен;
- автор музыкального произведения создает свой мир, запечатленный в данном продукте культуры;
- слушатель, соответственно, трактует его по-своему.

Таким образом, во всех случаях за человеком стоит собственное понимание произведения культуры, которое способствует более близкому подходу к основному смыслу.

Внимание человека, воспринимающего продукт культуры, вызывает сложную гамму ответных чувств, которые инициируют собственно интенциональное (эстетическое) отношение (тем самым в эстетических суждениях и оценках всегда представлено два слоя – первичный эмоциональный и вторичный интеллектуальный). Текст культуры как потенция реальных смыслов и значений схематизируется в актах конституирования в произведении и конкретизируется в актуализирующих смыслы и значения интенциональном восприятии через продуцирование индивидуально значимых смыслов. При этом в процессе восприятия фильма осуществляется дополнение, восполнение «исходно вложенного» в кинопроизведение.

Для современной философии вопрос смысловой структуры текста культуры с позиции феноменологии весьма значителен. Выше мы отметили, что произведение

культуры можно рассматривать как интенциональный предмет, в котором действительность конституируется сознанием (сознание – смыслообразующий акт) и, исходя из этого, суждение о формировании смыслового поля культуры, рассматривая тот или иной ее конкретный текст, становится предметом феноменологического анализа. Подчеркнем также, что в данном случае текст культуры показывает процесс формирования главной темы картины и его смысла.

Таким образом, продукты современной культуры помогают человеку видеть реальный мир, при этом важно осмыслить источник смыслового значения культуры в общности культуры автора и того, кто это воспринимает. Существенным вопросом является выявление отношения текста культуры к реальности, т. к. создатели произведений культуры по-разному формируют ее смысл, что вытекает из творческой специфики самого автора.

Произведение культуры представляет собой некое единое целое. Все, что можно выяснить о том или ином тексте культуры, заключено в нем самом и несет самостоятельную ценность, имеет автономное существование и построено по законам того жанра, в эстетике которого он сотворен. В тексте культуры, таким образом, несмотря на принадлежность к определенному виду и жанру, важно понять, как формируется смысловое поле. Смысл выявляет отношение данного произведения к реальности, насколько автор углубился в действительность и как отобразил его в своем произведении.

Отметим также, что автор произведения интерпретируется как источник текстовой семантики: смыслогенез реализуется в процессе восприятия продукта культуры, актуализация тех смысловых версий произведения, которые в нем реализованы, человек, воспринимающий данный текст, сопереживает автору в процессе восприятия его произведения и побуждает к осмыслению действительности. В любом тексте культуры обстоятельства соз-

даются их автором по определенной логике, позволяющей в пределах иносказания выразить мысль с большей степенью свободы, поэтому здесь присутствует свой специфический механизм смыслообразования.

Г. Г. Гадамер считал, что понятийным является лишь то, что представляет собой законченное смысловое единство. Со своим многослойным смысловым полем, сконструированным по определенной логике, произведение культуры предстает как смысловое единство, что дает возможность воспринять не только суть самой культуры, но также понятие мироощущения автора.

Таким образом, современная культура, будучи многослойным смысловым образованием, не обладает полнотой определенности. Каждая мысль автора, каждый слой смысла того или иного нового текста культуры требует своего прочтения, т. к. суть каждого слоя смысла приводит к пониманию и толкованию происходящих в культуре процессов.

Отметим также, что в произведении культуры каждый слой смысла имеет свою завершенность, каждый слой смысла оказывается связующим звеном, с одной стороны, с новым, порождающим слоем смысла; с другой стороны, уже сформировавшимся слоями смысла или слоем смысла. Каждый слой смысла, а также слои смысла, реализуя свою самостоятельность, прочитываются при восприятии текста культуры, причем слои смысла не разделяются, устанавливается взаимосвязь всех порожденных смыслов, формируется общий смысл фильма, выступающий гарантом целостности смыслового поля и способствующий раскрытию смысла самой культуры.

Таким образом, текст культуры превращается в сложное смысловое поле, и сама культура обретает форму многослойного образования. При восприятии того или иного произведения культуры важно обратить внимание на то, что порождает каждый слой смысла, т. е., что является смыслообразую-

щим стержнем, что выражает и какой смысл вносит в формирование общего смысла данного текста культуры. Смыслообразующим стержнем могут быть следующие факторы:

- прежде всего, авторская установка, которая реализует себя в теме произведения культуры;
- темы, которые исследуются для объяснения главной темы;
- суть того или иного мифологического образа;
- элементы жанра, составляющие художественную форму – символ, аллегория, метафора, парадокс, фантазмагория, различные формы комизма;
- эстетические категории (трагическое и комическое);
- соотношение реальных и ирреальных миров;
- та или иная религиозная система координат;
- изобразительно-выразительные средства и т. д.

При создании смыслового поля произведения культуры важен фактор, который определяется жизненным опытом его автора. Чем большее количество тем вводит автор в тот или иной создаваемый им текст культуры, тем сложнее становится и воспринимается данное единое произведение, соответственно, смысловое поле становится многослойным. С другой стороны, каждая тема может быть сложной и состоять из своих слоев смысла, причем при синтезе разных тем происходит наслоение друг на друга разных слоев смысла. Они объединяются в одно целое и формируют общий смысл данного произведения культуры, раскрывая главную тему фильма и выражая суть самой культуры.

Отметим также, что в произведении культуры творческое и смысловое поля объединяются, слои смысла нового текста культуры, а также суть тех или иных образов в ходе восприятия данного продукта культуры преобразуются в авторскую концепцию,

формируя общую картину художественного пространства, или, иными словами, творческую картину мира.

Важно также отметить, что смыслообразование в картине мира строится из взаимообогащающего «соперничества смыслов», порождающих новые смыслы в ходе их восприятия зрителем. Поэтому важно развернуть подтекст того или иного произведения культуры как соперничество смыслов, а не как момент их независимого сосуществования. В процессе восприятия произведения культуры особенно важно отношение «человек, создающий текст культуры – и человек, его воспринимающий». Со своей стороны, тот, кто воспринимает, «считывая» слои смысла, ощущает некое «соперничество смыслов» в данном произведении, воспринимает предлагаемый ему продукт сообразно своему индивидуальному опыту. Таким образом, личный опыт предстает в качестве своеобразного инструмента процесса прочтения и трактовки произведения культуры.

Анализируя смыслообразование в картине мира, необходимо выделить следующие отличительные особенности, позволяющие так или иначе интерпретировать ту или иную картину мира:

- фактор времени: бытование и реализация прошлого, настоящего и будущего;
- фактор пространства: масштаб и четкость пространственных границ;
- фактор многозначности и активности восприятия;
- фактор подверженности многозначным трактовкам и рефлексии;
- фактор оперирования религиозными, мифологическими и иррациональными категориями;
- фактор личностной стабильности или же незащищенности и уязвимости личности;
- фактор тенденции к позитивности или негативности анализа и интерпретации;
- фактор открытости и закрытости, а также способности к адаптации и развитию.

Нередко в произведении культуры человек, его воспринимающий, наталкивается на довольно труднодостижимый текст, особенно если переплетение разных тем, событий и понятий создают сложности для его восприятия. Некие зашифрованные, потаенные смыслы, смысловая непредсказуемость автора усложняет восприятие, что требует проникновения в текст подтекст данного произведения культуры, а также непосредственно самой культуры, понимания ее знаковых особенностей и тенденций.

Смысл произведения культуры воспринимается в интеллектуальном контакте читателя-слушателя-зрителя и автора. При этом интерес вызывает вопрос: какой диалог ведет автор с тем, кто его воспринимает, как он воспринял смысл данного произведения культуры? Отметим также, что целостное понимание смысла произведения культуры активизирует того, кто его воспринимает, порождая новые смыслы прочтения.

В смысловом поле произведения культуры, повторим, смыслообразующим фактором, прежде всего, являются художественные особенности. Художник, мыслящий себя и природу в качестве различных субстанций, дифференцированно воспринимающий окружающий мир, уже в силу этого не сможет отождествлять явления человеческого и природного мира: он уподобляет их, сравнивает, переносит в художественных целях свойства одного явления на другое, но отчетливо осознает их качественное различие. Этому служат характерные для произведения культуры художественные средства – символ, аллегория, метафора, апелляция к мифологическим персонажам и национальным героям, а также игра мировыми сюжетами культуры. Все это не только создает сложную конструкцию данного произведения культуры, но и активно формируют смысловое поле мировой культуры в целом.

Анализируя функционирование и репродукцию смысла в культуре, необходимо

остановиться вкратце на том вкладе, который внесла в исследование данного вопроса герменевтика, рассматривающаяся преимущественно как учение о постижении смысла интерпретируемых текстов. Главные принципы герменевтики были сформулированы В. Дильтеем. Он разделил мир на две части: с одной стороны – мир природы, который требует объяснения, получаемое с помощью естественных наук. С другой стороны – мир человеческой истории (сюда Дильтей относит литературные факты), который требует понимания. Разница между объяснением и пониманием заключается в том, что когда человек объясняет – это уже вторичный момент, некий объект действует на человека, и он объясняет то, что понял в исследовании объекта. Эта вторичность сразу делает факт не совсем достоверным – именно поэтому необходима «чистота опыта», именно поэтому необходим эксперимент, воспроизводимость опыта как обязательное условие объяснения мира. Дильтей отмечал, что мир человеческой истории может быть исследован с применением методов вчувствования, вживания, сопереживания, по его мнению, иного пути для проникновения в мир человеческих эмоций, в мир человеческих чувств нет.

Отметим, что метод вчувствования (вживания, сопереживания) связан с реконструкцией внутреннего мира изучаемого объекта,

будь то историческое событие или персонаж художественного произведения. Он подразумевает реконструкцию внутреннего мира персонажа, а впоследствии перенесения его в собственный мир, что довольно сложно. Г. Гадамер писал: «Понимая, что говорит культура и искусство, человек недвусмысленно встречается с самим собой... Язык культуры... обращен к интимному самопониманию всех и каждого».

Необходимо также подчеркнуть, что творческий индивидуум всегда находился в сложных взаимоотношениях с действительностью. Он проявляет себя по-разному, исходя из своего духовного, нравственного и морального состояния; соответственно, создаваемые им образы имеют разный характер, они могут быть положительными или отрицательными, а также же различными по степени наполненности смыслами. Художественный образ каждого из них, рожденный творческой фантазией конкретного автора или мировой культуры в целом, или же реально существующий тип человека вносит в смысловое поле культуры свою сущность. Все это помогает автору данного произведения культуры раскрыть задуманную тему, показать свое отношение к изображаемым явлениям, а также внести свой неоценимый вклад в формирование смыслового поля культуры.

Литература

1. Боров Ю. Эстетика. – М., 1988.
2. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. – М.: Прогресс, 1991. – С. 262–263.
3. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – 207 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002. – 318 с.
5. Фуко М. Слова и вещи. – Археология гуманитарных наук. – М., 1977. – 488 с.
6. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / Время и бытие. – М., 1993. – С. 63–176.
7. Хаксли О. Искусство и банальность. – СПб., 1963. – 264 с.
8. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб., 1998. – 432 с.
9. Элиаде М. Космос и история. – М., 1987. – 311 с.

С. Б. Синецкий

РОЛЬ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ XXI ВЕКА

В статье обосновывается возрастание роли технических средств коммуникации в осуществлении глобальной культурной политики. Дается сравнение возможностей традиционных средств массовой информации и технических устройств коммуникации (мобильные коммуникаторы, компьютеры, флэш-накопители, ТВ-приемники) по донесению сообщений и акцентированию внимания пользователей. Обосновывается необходимость использования технических средств в качестве регуляторов поведения и деятельности людей в период ослабления регулирующих возможностей культуры.

Ключевые слова: культурная политика, ускорение исторического времени, средства массовой информации, технические средства коммуникации, ценностно-нормативное регулирование, административное регулирование.

S. B. Sinetsky

ROLE OF TECHNICAL MEANS IN IMPLEMENTATION OF GLOBAL CULTURAL POLICY OF THE 21ST CENTURY

The growing role of technical means of communication in carrying out global cultural policy is reviewed in the article. The author compares capabilities of the traditional mass media and technical communicatory devices (mobile communicators, computers, flash drives, TV sets) in message delivery and focusing users' attention. The need to use technical devices as human behavior and activity regulators during a period of declining of regulatory abilities of culture is clarified.

Keywords: cultural policy, acceleration of historical time, mass media, technical means of communication, axiological and normative regulation, administrative regulation.

Проблематика данной статьи вытекает из активно прогрессирующих социокультурных изменений, которые С. Капица обозначил как «цивилизационный переход», вызванный ускорением исторического времени, в свою очередь, предопределенным ростом населения планеты [3]. Данные изменения нередко называют «кризисом культуры», указывая на явное ослабление ее регулирующих функций. Известно, что само формирование культуры (в любых ее проявлениях) есть процесс. И чем меньше времени он занимает, тем меньше вероятность ее сформированности (устойчивости). Ускорение исторического времени уменьшает длительность социаль-

ных процессов, а, следовательно, уменьшаются шансы культуры. При продолжении тенденции ускорения исторического времени будущее человечества становится неопределенным в силу прерывания воспроизводства и отмирания практик, на освоение которых требуется время, превышающее либо время актуальности самих практик, либо время сосредоточения, необходимое человеку на их освоение.

В этих условиях объективно повышается роль управления культурными процессами, призванного не допустить хаоса, сохранить преемственность при переходе к новым социальным реалиям. Речь о культурной поли-

тике как целенаправленной, перспективно (долгосрочно) ориентированной деятельности, обеспечивающей развитие общества (его части) в рамках обоснованно отобранных и искусственно внедряемых культурных норм, пропагандируемых ценностей.

Ситуация осложняется тем, что существенный прирост населения планеты в XXI веке (с 6,7 до 10,1 млрд чел.) произойдет, в основном, за счет стран третьего мира, цивилизационно находящихся на индустриальной или даже аграрной стадиях развития. Численность населения 49 беднейших стран планеты удвоится и достигнет 1,7 млрд. человек. Перенаселенность многих стран (не обязательно именно беднейших) весьма вероятно приведет к интенсификации перемещения избыточной части их населения за пределы формальных государственных границ. Формы такого перемещения весьма разнообразны, но уже сегодня понятно, что мультикультурные общества весьма неустойчивы и обладают внутренним напряжением, нередко прорывающемся наружу в виде жестоких социальных конфликтов. Среди огромного количества подтверждающих примеров здесь достаточно вспомнить хотя бы ситуацию массовых волнений на национальной почве в таких считающихся стабильными и экономически благополучными странах, как Франция (осень 2005 г.) и Великобритания (лето 2011 г.). Необходимо предвидеть дополнительное усиление неопределенности и военных рисков в силу наложения междоцивилизационных кризисов на ускорение времени изменений.

Смысл культурной политики на глобальном, межгосударственном и международном уровне заключается в том, чтобы удержать человечество от хаоса и самоуничтожения до завершения периода нестабильности, сформировать систему норм и ценностей будущего, с учетом перспек-

тив научно-технического прогресса, формирующего свойства и качества нового человека.

Проблема осуществления культурной политики на международном уровне заключается, в том числе, в снижении эффективности традиционных каналов коммуникации в силу их «медленности», сложности освоения (особенно текстовых форматов), неудобного доступа к ним (усилия на приобретение, подстройка под расписание), архаичного интерактива и т. п. Тем более что необходимые сообщения (messages) не просто нужно доносить до максимального количества населения разных стран, но и удерживать внимание, активизировать восприятие и обеспечивать лояльность. Традиционным средствам массовой информации, а также системам образования становится все труднее справляться с данной задачей.

Нам представляется, что СМИ остаются важным, но, все же, теперь вспомогательным ресурсом культурного политика. Все большую роль в содержательном и организационном аспектах построения эффективных коммуникаций начинают играть современные технические средства. Интенсивное развитие информационных технологий, появление многофункциональных технических устройств, обеспечивающих разнообразные виды и типы коммуникации, делают их самостоятельным фактором эффективности культурной политики. Если на исходе XX века мобильный телефон выполнял роль именно телефона (остальные функции были вторичны), а ноутбук был всего лишь переносным компьютером, то по истечении первого десятилетия XXI века их возможности принципиально изменились. Удешевление владения устройством, увеличение скорости и рост беспроводного сегмента передачи данных во-первых:

- сделали подобные устройства неотъемлемым атрибутом жителей (способных пользоваться устройствами) большинства стран;

- принципиально изменили статус провайдеров, сделав их потенциально более влиятельными, чем редакции традиционных средств массовой информации.

Базовые информационные пакеты в универсальной форме (с учетом, языковых различий получателей) могут распространяться через технические устройства массового пользования. В современных технических устройствах – флэш-накопителях, смартфонах, телевизорах, компьютерах и др. существуют локализованные объемы памяти, заполняемые производителем по своему усмотрению. Как правило, это рекламный или развлекательный контент. В отличие от обращения к СМИ, подобными устройствами, а, в большинстве случаев, сразу несколькими устройствами (флэш-накопитель, смартфон, ноутбук и т. д.), обладает большинство жителей планеты. Люди приобретают данные устройства независимо от персональных характеристик, влияющих на выбор СМИ. Конечно, могут быть индивидуальные предпочтения по конкретным маркам и моделям устройств, однако это практически не влияет на получаемые коммуникативные возможности в силу идентичности функций устройств одного вида.

Выделенный в каждом устройстве объем памяти вполне может быть заполнен неудаляемым, но обновляемым по инициативе провайдера контентом, проводящим идеи реализуемой культурной политики. Данный контент должен формировать сознание, эмоции, чувства и, в конечном итоге – ценности, продвигаемые культурным политиком.

Принятие решения об использовании указанных технических средств в целях глобальной культурной политики – дело руководителей государств. Выделение объемов памяти под конкретный контент – дело производителей. Формирование контента – дело международного экспертного сообщества. Техническое обновление контента – дело провайдеров, операторов связи и т. п. На-

пример, это может быть набор фотографий, фильмов, музыкальных композиций, текстовых и аудиокomentarиев, вызывающих положительные эмоции и теплые чувства к представителям различных культур и цивилизаций. Таким образом, каждый обладатель практически любого современного технического устройства будет иметь возможность без затруднений ознакомиться с культурными образцами, созданными представителями других сообществ. В предыдущие эпохи культурные образцы, например, устного народного творчества передавались из уст в уста – в колыбельных или трудовых песнях, которые знали все представители одного сообщества. Сегодня мы имеем возможность создать аналог данной культурной коммуникации (в форме соответствующей программы) на уровне планеты. Преимущества такого подхода в следующем:

- во-первых, информация помещается на любые устройства любых производителей, т. е. неизбежно (принудительно) попадает к любому пользователю устройства;

- во-вторых, производителей подобной техники существенно меньше, чем СМИ, что облегчает переговорный процесс. Безусловно, с производителями потребуется разъяснительная работа. В то же время не исключено, что в силу важности и масштабности преследуемых целей, убеждение производителей сведется к принятию нормативных актов, обязывающих размещать утвержденные пакеты информации на производимых устройствах. Объем занимаемой памяти (размер обязательного контента) может быть привязан к объему памяти устройства, например, можно будет занимать не более 5 % памяти устройства;

- в-третьих, данный контент изначально может устанавливаться в память искусственного интеллекта или, в имплантируемые непосредственно в организм человека, устройства памяти и запоминания.

Однако главные возможности техники не в простой доставке и хранении информации. Ведь изначально владелец устройства не будет мотивирован на ознакомление с ней. Техника приобретает самостоятельное значение при осуществлении культурной политики, т. к. позволяет начать моделирование любых событий и процессов истории, настоящего или гипотетического будущего для виртуального включения в них человека и переживания заданных эмоций. Последнее приведет к формированию личностного (чувственного) отношения к виртуально прожитому событию и выработке требуемого ценностного ряда. Человек сможет изучать историю, находясь непосредственно в гуще имитируемых событий. Сможет корректировать прошлое или «проигрывать» свои будущие действия, заново воспроизводя вчерашний день или моделируя завтрашний.

Отчеты о просмотрах контента (или его фрагментов) и участии в виртуальных событиях могут автоматически (встроенная функция устройств) направляться провайдером (операторам связи), которые по договоренности с производителем техники, а в итоге, с субъектом культурной политики, будут обязаны поощрять данные действия пользователя: премиально снижать стоимость трафика, высылать новые сюжеты по интересам пользователя и т. п. Нас не должна пугать подобная подконтрольность владельца устройства. Она существует уже сегодня. Достаточно выйти в Интернет, как местоположение пользователя (включая адрес) становится известно всем его активированным контактам. Подобной функцией обладают мобильные переговорные устройства последних моделей, сообщая местонахождение аппарата (абонента) оператору связи. Причем эта функция, как правило, не отключаема абонентом.

С определенной периодичностью контент целиком или фрагментарно может обновляться (например, один раз в полгода), исходя из отчетов о просмотрах или из

иных оснований целеполагания культурного политика. Обновление позволит постоянно совершенствовать воздействие на потребителя, акцентируя внимание на более актуальных в текущей ситуации посланиях. Причем такое обновление будет синхронным для всех обладателей устройств, независимо от того, в какой стране они находятся. Такая синхронность поможет облегчить взаимопонимание, поиск «общего языка» представителями различных стран и культур.

Технические устройства все в большей степени должны брать на себя контрольные функции, что вполне сочетаемо с искусственным интеллектом, активно разрабатываемым и прогнозируемо совместимым с человеческим интеллектом. Административное регулирование уже сейчас занимает все больше и больше мест в любых организационно-коммуникационных процессах, постепенно замещая ценностно-нормативное (собственно культурное). Где-то еще ценностно-нормативное регулирование существует автономно, где-то сочетается с административным, но последнее, в ситуациях нестабильности, является более действенным.

Если же взглянуть на современную организацию жизни шире, то нетрудно заметить, что нормативные и ценностные основания отношений заменяются административными предписаниями практически во всех социальных институтах, экономических процессах. Еще несколько десятков лет назад мы не знали о брачных контрактах (отношения регулировались традицией и общественным мнением) или производственных (в широком смысле) стандартах качества ISO, или законодательстве, регулирующем взаимоотношения родителей и несовершеннолетних детей (приоритет традиционно отдавался родителям), а сегодня эти и тысячи других регламентаций разного уровня и сфер применения стали неотъемлемой частью жизни развитых стран. Выработка предписаний превратилась

в самостоятельный вид деятельности, имманентный любой отрасли и почти любой организации. И тенденция эта лишь усиливается.

Контроль исполнения предписаний в большинстве областей жизни социума все более будет перекладываться на технику: автомобиль не тронется с места, пока водитель не пристегнется ремнем безопасности. Невозможно будет превысить скорость, поскольку автомобиль будет сканировать ограничивающие ее знаки (игнорируя обратные действия водителя). Видеосистема автоматически пришлет человеку штраф за выброшенный мимо урны мусор. Компьютер отключится при попытке посещения ребенком или иным, ограниченным в правах пользователем, запретного сайта (а отчет о попыт-

ке проникновения немедленно пошлет «куда следует»).

Что ж, картина для современного человека непривычная. Однако **ускорение исторического времени, и рост количества населения затрудняют процессы самоорганизации и требуют усиления административных организационных мер впредь до наступления периода стабильности.** Так, в процессе комплексного воздействия на человека с помощью технических средств: обеспечения доступа к унифицированному информационному контенту, включения в виртуальную событийность, современные формы принуждения постепенно будут вновь формироваться нормы и ценности, в своем сочетании определяющие жизненное устройство.

Литература

1. Все ГОСТы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vsegost.com/>. – Загл. с экрана.
2. Зацепилин Ю. В. Тихая революция в СМИ. – Челябинск. – 2009. – № 3. – С. 4–7.
3. Капица С. Пружина времени сжимается [Электронный ресурс] // Мир, Который Мы Натворили. – Режим доступа: http://finalbible.com/books_articles/world/7_spring_time.html. – Загл. с экрана.
4. Клочкова М. С. Метрология, стандартизация, сертификация: Основные вехи истории стандартизации [Электронный ресурс]. – Институт экономики и права Ивана Кушнера. – Режим доступа: <http://be5.biz/ekonomika/mkms/02.htm>. – Загл. с экрана.
5. World Population to reach 10 billion by 2100 if Fertility in all Countries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://esa.un.org/unpd/wpp/Other-Information/Press_Release_WPP2010.pdf. – Загл. с экрана.

УДК 32.019.5

А. В. Андреев

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные социальные и политические проблемы, возникшие в различных странах на рубеже XXI столетия вследствие «информационной революции». Она в корне изменяет ситуацию в области политических коммуникаций. Система государственного управления изменяется в направлении фрагментации и децентрализации. Все это делает модель резонансного управления актуальной.

Ключевые слова: информационная революция, глобальное информационное общество, политический процесс, политические коммуникации, резонансное управление.

A. V. Andreev

NEW INFORMATION TECHNOLOGIES AND NEW MODELS OF POLITICAL GOVERNANCE

This article considers the actual social and political problems arising in various countries on the threshold of XXI century because of the «the Information Revolution». It radically changes a situation in the political communications field. But the state governance system is deeply changing in direction of fragmentation and decentralization. It makes the Resonant Governance model actual and adequate.

Keywords: the Information Revolution, the Global Information Society, political process, political communications, the Resonant Governance.

«Информационная революция» как глобальный вызов и шанс

Понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений – ключевой элемент понимания современного мира. Данные изменения сегодня преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, хотя и другие силы и факторы – такие, как политика, война и революции – также могут вызывать масштабные социальные изменения. Одним из ключевых факторов современных изменений является так называемая «информационная революция», радикально изменяющая не только сферу информационных технологий и коммуникаций, но и сферу политики, власти и управления.

Однако масштабная экспансия новых информационных технологий на рубеже XX–XXI веков качественно изменила ситуацию, сделав актуальным осмысление политических последствий «информационной революции». Быстрое распространение локальных и глобальных коммуникационных сетей создает принципиально новое качество информационного обмена, в том числе и международного, а также создает принципиально новые средства воздействия на общественное мнение. Формирование в этих условиях публичного пространства Online бросает вызов традиционным масс-медиа и спо-

собствует активному вовлечению рядовых пользователей Интернета в политико-коммуникационный процесс, подтверждая тем самым тезис Ю. Хабермаса о сетевом публичном пространстве как о «сфере политического» [6, с. 225].

В итоге информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которого практически сопоставимы с использованием традиционных ресурсов. Доступ к информационным базам становится одним из факторов социально-экономического развития государств. В свою очередь, формирование системы сетевых связей между относительно автономными системами (самоорганизации и управления) ослабляет возможность современных государств адекватно реагировать на всю совокупность современных вызовов. В этой связи встает вопрос о поиске новых типов политического порядка, новых форм власти и господства, а также новых технологий властвования и управления, позволяющих успешно решать проблемы общественного развития.

Большое значение для политической науки сегодня имеет поиск теоретической модели или концепции, способной отразить заметно усложнившееся устройство глобального мира. Одними из наиболее известных в этом отношении являются модель «мягкой

власти» (**soft power**), автором которой является Дж. Най [9; 10], а также «теория турбулентности» Дж. Розенау [13].

Дж. Най и его коллеги рассматривают «информационную революцию» как ключевой фактор современных политических трансформаций, а знание – как особую разновидность власти и инструмент глобального влияния: «Знание, более чем когда-либо ранее, представляет собой власть. Та страна, которая успешнее других осуществит информационную революцию, становится сильнее всех остальных» [10, с. 20].

Наряду с этим, новые информационные технологии способны существенно трансформировать современные властные практики, выступая как «ускоритель экономического и политического развития», способствуя утверждению жестких форм власти – например, с помощью новых военных технологий и средств ведения войны. С другой стороны, информация может рассматриваться как базис для возникновения так называемой «мягкой власти» которая может быть описана как «способность достичь желаемых результатов в политике скорее через привлечение, нежели через принуждение. Данная модель работает, убеждает других следовать за собой, побуждая их принять нормы и институты, которые формируют желательное поведение» [10, с. 21].

В то же время, не все государства воспользовались в равной степени этими изменениями, и воздействие «информационной революции» на распределение влияния между государствами на международной арене порождает комплексные и неоднозначные эффекты [7].

Во-первых, государства, имеющие более сильную экономику, имеют более высокие шансы использовать новые информационные технологии в собственных интересах.

Во-вторых, многим из государств стало намного легче и дешевле выполнять передачу информации через многообразные технические каналы, осуществляя таким образом политическое давление, расширяя и укрепляя свою власть и влияние.

В-третьих, «информационная революция» приводит к умножению и изменению источников власти, к утверждению ее структурного многообразия. В конечном итоге, новые формы власти и новые способы ее использования ведут не к перераспределению власти в мировом масштабе, и не к «выравниванию» существующих иерархий, но к усилению «малых центров власти» [7, с. 9–16].

В свою очередь, Розенау и Джонсон также предлагают собственное видение результатов и последствий «информационной революции» для всей системы политических отношений [13, с. 58].

По их мнению, ситуация «турбулентности», предполагающая кризис и глубокую трансформацию «традиционных» властных форм и структур, затрагивает сегодня все три основных уровня политического: глобальный, национальный, индивидуальный.

Так, на уровне международной политики одним из следствий «информационной революции» стало обострение проблемы ответственности между устоявшимся нормативно-правовыми определениями демократии и сформированным на базе современных «теорий массовой коммуникации» пониманием природы власти на основе «глобальных сетей влияния», допускающим, в том числе, и недемократические формы господства.

У государств, с одной стороны, возникают новые возможности в сфере политики безопасности, связанные с усилением инструментов надзора за гражданами, развитием технологий «информационной войны», а также с увеличением потенциала информационно-пропагандистского влияния

на другие государства. С другой стороны, новые информационные технологии активно способствуют формированию так называемого «мультицентричного мира», следствием чего является активизация и заметное увеличение численности так называемых «неправительственных акторов», действующих в таких сферах деятельности, как защита прав человека и защита окружающей среды.

В свою очередь, на «микроуровне» информационная революция означает резкое повышение коммуникационных возможностей для отдельных индивидов. Информационные и коммуникационные технологии формируют не только новые возможности в деле накопления отдельными людьми знаний о мире, но формирование многообразных сетевых связей между индивидами на глобальном уровне.

Новые информационные технологии ставят под сомнение традиционные иерархические взаимоотношения между государством и гражданином. Они стимулируют развитие информационных сетей, а формирующиеся сетевые структуры, в свою очередь, подрывают влияние централизованных (top-down) иерархий. Благодаря Интернету граждане получают возможность вступать в различные виды коллективного взаимодействия для противодействия влиянию иерархических структур.

Таким образом, среди наиболее значимых результатов «революции» в сфере информационных технологий и средств массовой коммуникации Розенау и Джонсон соответственно выделяют: на макроуровне (мировая политика) – ослабление национальных государств, имеющее своим следствием формирование так называемого «мультицентричного мира», на микроуровне (отдельные граждане и их объединения) – повышение возможностей налаживания межличностной коммуникации и выстраивания «сете-

вых связей», и на условно объединяющем их «микромакроуровне» (взаимоотношения граждан и государственных институтов) – заметное увеличение возможностей граждан посредством «коллективных интеракций» существенно ослабить влияние традиционных структур господства, поставив под сомнение их легитимность.

В то же время, концепция Дж. Ная, как и «теория турбулентности» Дж. Розенау не содержат в себе ответа на принципиальный вопрос о том, какие модели политического порядка, связанные с ними формы власти и модели государственного управления соответствуют новой политической реальности, формирующейся сегодня вследствие эффектов «информационной революции». Следует отметить, что «информационная революция» лишь обострила дискуссию о возможных путях и способах преодоления противоречий между эффективностью и легитимностью в системе государственного и политического управления. Одним из следствий этой дискуссии стало признание актуализирующихся противоречий между принципом технической рациональности, положенным в основу деятельности новых средств массовой коммуникации с одной стороны, и принципом демократической легитимности – с другой. Преодоление этого противоречия сегодня возможно двумя основными путями: посредством последовательной «технологизации» политики усилиями государства с заметным ослаблением автономии публичной сферы, что неизбежно ведет к торжеству манипулятивных технологий в отношении граждан, либо посредством последовательного расширения автономии публичного пространства Online, что неизбежно ведет к размыванию традиционных форм господства, контроля и авторитета, и представляет собой радикальный вызов современному государственному порядку. Обе обозначенные

альтернативы получили наиболее глубокое рассмотрение в творчестве некоторых представителей французской школы политической философии, анализу взглядов которых уделяет особое внимание автор.

«Технологическая» и «политическая» модели власти

Противопоставление «технологической» и «политической» моделей организации властных отношений составляет значимый элемент французской традиции политической философии. Обе модели задают определенные общие векторы для понимания современных тенденций развития систем государственного и политического управления.

Французский философ-классик М. Фуко, характеризуя современные тренды, в частности, полагал, что сегодня именно «государство служит политическим выражением централизованной и централизующей власти... Вопрос о постоянном вмешательстве государства в общественную жизнь, даже не принимающем форму закона, является отличительной чертой нашей современной политики» [4, с. 278]. Речь идет о технологизированном управлении рисками при сочетании государственного менеджмента со способностью власти мыслить и анализировать. М. Фуко склонялся к тому, что власть «принадлежит не столько к порядку столкновения двух противников... сколько к порядку управления», т. е. к «комплексу учреждений, процедур, исследований и анализов, расчетов и тактик, позволяющих претворять в жизнь очень специфическую форму власти, основной целью которой является население, основной формой знания – политическая экономика, а преимущественным техническим инструментом – аппараты безопасности» [3, с. 20]. Такая власть, согласно Фуко, постепенно «превращается в какую-то машину, у которой нет владельца» [4, с. 235].

Неустранимость власти определяется тем, что она базируется на двух механизмах – суверенитета и дисциплины. Характерно, что у Фуко государственный суверенитет определяется как «новая матрица рациональности» [3, с. 145]. В другом месте Фуко отмечает, что «все остальные типы отношений власти определенным образом соотносятся с государством... Отношения власти становятся все более правительственными, т. е. разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительство государственных институтов» [3, с. 187].

Философ Ж. Рансьер продолжает эту линию рассуждения, указывая на важнейшую структурную характеристику современных обществ – «управление без политики». Он называет это состояние «постдемократией», которая «редуцирует народ к сумме подсчитываемых без остатка частей населения, к группам по интересам и по мнениям, равновесие коих обеспечивается государством». «Постдемократия» «ограничивает демократию возможностью образования консенсуса», при которой «общество само по себе непротиворечиво, самодостаточно и идентично самому себе» [1, с. 128]. В результате «все больше доминирует дискурс управления, менеджмента... Все становится управляемым: семья, финансы, свободное время», а политика «уходит в тень», как бы «стирается» [2, с. 56].

«Деполитизированная власть» стремится к максимально возможному сужению сферы политического. Близкое по смыслу понятие «постполитика», используемое исследователем Постмодерна С. Жижекком, предполагает замену политики суррогатом, лишенным сущности. Этот термин описывает ситуацию «политики без политики», дефицита собственного политического в виде конфликтов и борьбы [14].

При этом институциональные мутации содержат в себе еще один важный компонент – они неотделимы от виртуализации и симуляции. Предложенный Бодрийяром концепт «симулякра» в этом контексте выступает в качестве необходимого элемента «пост-политики». За распространением симулякра некоторые исследователи закономерно усматривают усиление возможностей манипулирования, когда с помощью технологической власти «устанавливается и поддерживается состояние господства» [3, с. 268].

По мнению Рансьера, необходимо вернуть политику в «пространство власти», сделать власть «снова политической». Таким образом, концепт «политической власти» представляет собой альтернативу технологической власти. Здесь уместно снова обратиться к наследию М. Фуко. Политика, по его убеждению, возникает не только по факту дебатов – она появляется тогда, когда речь заходит о пересмотре принципов формирования институтов и учреждении новых форм социального порядка. Подобный характер политики предполагает высокую долю неопределенности и риска, поскольку любая новизна включает в себя нечто, выходящее за пределы текущего опыта и институционального порядка.

В свою очередь, с точки зрения Ж. Рансьера, политика возникает, когда имеет место неопределенность с идентичностями и оспариваются доминирующие «субъектные позиции». Таким образом, политика предполагает протест, множественность и анархичность, она не обладает свойствами места, времени и «естественной субъектности» [11, с. 129]. Для нее характерна не преемственность, а конфликты, расколы и противоречия, открывающие дорогу политическим инновациям.

Поэтому, согласно Ж. Рансьеру, политика – это эмансипация, «контрвласть», вы-

зов доминирующей власти, которая склонна оставить «все как есть». Политические субъекты – это те, кто не удовлетворен статус-кво и кто стремится изменить существующие «правила игры». Политика, таким образом, предполагает создание новой реальности через сопротивление, несогласие и даже бунт, она означает конец формируемого государственными институтами политического порядка.

Подобное постмодернистское понимание природы политики соответствует описанным нами ранее реалиям, неразрывно связанным с протекающими сегодня процессами глобализации и «информационной революции». В то же время, описываемые французскими исследователями варианты не содержат разрешения дилеммы «технологическая эффективность и управляемость – расширение информационной и политической свободы». Поэтому, принимая во внимание предложенное ими видение перспективных форм власти, соответствующим реалиям «глобального информационного общества», автор попытается предложить собственную модель государственного и политического управления, предполагающую сохранение управляемости политическими процессами при сохранении автономии публичного пространства Online – модель резонансного управления.

Модель резонансного управления

Каким же образом государству следует формировать новый подход к управлению в эпоху информационной революции и глобальных информационных технологий? На взгляд автора, уникальность политических коммуникаций, опирающихся на современные технологии, состоит в их резонансности, основанной на принципе обратных связей, а также на принципиальной способности государственной политики выражать

различные социально-групповые интересы, артикулируемые с помощью публичной сферы. Эффективность публичной политики власти сегодня во многом зависит от способности управлять общественными резонансами и моделировать последние, обеспечивая необходимое информационное сопровождение властно-политических решений.

В этих условиях особое значение приобретает грамотное формирование и управление уже возникшими в публичном пространстве политическими резонансами. Политические решения, принимаемые государственной властью, неизбежно вызывают определенные резонансы в общественном мнении, создавая благоприятную либо неблагоприятную информационную среду для осуществления политики в той или иной сфере (социальная, экономическая, культурно-информационная). Формируя с помощью политических резонансов необходимую для себя повестку дня и благоприятное отношение населения к своей политике, власть закрепляет свое доминирование в публичной сфере и подтверждает свою способность управлять политическими процессами.

Политические резонансы создаются или преобразуются с помощью медиа-событий, формируемых самой властью или связанными с ними СМИ. Все вышеназванные стратегии в борьбе за публичное пространство могут использоваться и оппозицией. От того, кто точнее, оперативнее и гибче формирует резонансы зависит доминирование власти или оппозиции в публичном пространстве. Грамотное и своевременное инициирование и управление политическими резонансами позволяет, в свою очередь, управлять общественными настроениями и ожиданиями, публичной сферой, и – в конечном итоге – политической ситуацией в стране и в мире.

Исходя из этого, можно заключить, что ключевыми условиями эффективности фор-

мирования и управления политических резонансов соответственно являются:

1. Своевременность медиа-воздействий (в идеале лучше играть на опережение, моделируя желательное состояние общественного мнения).

2. Их комплексность, системность, способность отразить широкий круг волнующих людей проблем.

3. Их достоверность, адекватность складывающейся ситуации.

4. Их плотность и интенсивность, позволяющие поместить нужную информацию в центр общественного внимания и восприятия, вытеснив на периферию этого восприятия нежелательные мнения и установки.

5. Их когерентность (транслируемая информация и итоговая «картина событий» не должны быть внутренне противоречивыми).

6. Ясная формулировка позиции (мнения) власти, выдвижение позитивной и правдоподобной альтернативы существующим вызовам и проблемам.

Таким образом, по мнению автора, предлагаемая модель резонансного управления содержит ответ на современные социально-политические изменения, связанные с процессами глобализации, ослаблением централизованных государств, фрагментацией власти, а также с распространением информационных технологий и формированием глобальных информационных сетей. Ее внедрение и использование, как полагает автор, позволит государственной власти гибко реагировать на запросы общества и различных групп, реализовывать комплексные политические стратегии, своевременно нейтрализующие существующие вызовы и угрозы. Это, в свою очередь, позволит повысить общую эффективность государственной политики и управления в новых условиях – как на индивидуальном, так и на национальном и глобальном уровнях.

Литература

1. Демократия как политическая форма. Беседуют Ж. Рансьер, Ж.-Ф. Шеврье, С. Ваних // Политическая, философия, искусство. – М., осень 2002. – № 1. – С. 125–131.
2. Рансьер Ж. До и после 11 сентября: разрыв в символическом строе? // Мир в войне. – М.: Прагматика культуры, 2003. – С. 47–57.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2006. – Ч. 3. – 311 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2006. – Ч. 2. – 318 с.
5. Фуко М. Нужно защищать общество. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.
6. Habermas U. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. – Frankfurt am Main, 1990. – 380 s.
7. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs 77. – 1998. – № 2 (January / February). – P. 81–94.
8. Keohane R. O., Nye J. S. Die Informationsrevolution. Staat und Macht im Zeitalter globaler Information // Internationale Politik. – 2000. – Nr. – S. 9–16.
9. Nye J. S. Bound to lead – The Changing Nature of American Power. – New York Basic Books, 1990. – 314 p.
10. Nye J., Owens W. A. America's Information Edge // Foreign Affairs 75. – 1996. – № 2 (March / April). – P. 20–36.
11. Ranciere J. The Politics of Aesthetics. – London&New York: Continuum, 2004. – 240 p.
12. Ranciere J. Hatred of Democracy. – London&New York: Verso, 2006. – 106 p.
13. Rosenau J. N., Johnson D. Informational Technologies and Turbulence in World Politics // Allison J. E. (Eds.). Technology, Development and Democracy. – Albany, SUNY Press, 2002. – P. 55–78.
14. Zizek S. The Universal Exception. Selected Writings. Vol. 2. – London&–New York: Continuum, 2006. – 196 p.

УДК 304.4

М. В. Белозёрова

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НА ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

В статье отражена многоаспектность понятий «мультикультурность», «мультикультурализм», «толерантность», проанализирован комплекс проблем, характерных для мультикультурного общества, рассмотрены основные принципы реализации мультикультурной политики и формирования толерантности в Российской Федерации на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: мультикультурная политика, толерантность, межкультурное взаимодействие.

М. V. Belozeroва

MULTICULTURAL POLICY AND TOLERANCE: THE PROBLEM OF FORMING AT THE FEDERAL AND THE REGIONAL LEVEL

The essay is devoted to the problem of multicultural aspects of modern policy and society in Russian Federation. The author characterized several interpretation such categories as the «tolerance» and the «multiculturalism» in Russian historiography. The Tolerance formation's been investigated on two levels, federal and regional.

Keywords: multicultural policy, tolerance, the intercultural interaction.

Понятия «мультикультурность», «мультикультурализм» как социальные явления многоаспектны в своих трактовках, что во многом определяется иерархическим характером соподчиненности социальных институтов, в рамках которых эта форма общественного взаимодействия проявляется. Его анализ можно проводить на различных уровнях – межгосударственном, федеральном, региональном.

Термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-е годы в период конфронтации и поиска путей управления бикультурной (англо-французской) страной. Официальное политическое признание он получил в 1971 году [1].

Рассматривая понятия «мультикультурный», «мультикультурализм», «мультикультурные общества», «мультикультурность», следует отметить, что ими обозначают феномен, который имеет давнее происхождение. Общества, которые сейчас называют мультикультурными, ранее именовались мультинациональными, мультиэтническими, мультирелигиозными, мультирасовыми. Они рассматривались как проявления «культурного плюрализма», «культурных различий». С точки зрения О. С. Головачевой, «мультикультурность» и «мультикультурализм» в настоящее время употребляются в трех контекстах [1]:

1) в политическом, в рамках которого приводятся аргументы «за» или «против» политики мультикультурализма и соответствующего способа управления;

2) в эмпирическом (дескриптивный или аналитический) – имеет место в научных трудах и в общественных дебатах, затрагивающих различные проявления культурной неоднородности общества, и наиболее тесно связан с появлением «мультикультурных обществ»;

3) в социальной и политической философии применительно к вопросам социально-

го и политического порядка и прав человека в условиях неоднородности культуры того или иного общества.

Не выходя за рамки предложенных определений, под «мультикультурностью» мы понимаем наличие в обществе множества различных этнокультурных групп, под «мультикультурализмом» – мирное сосуществование различных этнических и религиозных сообществ, каждое из которых является носителем особой культуры. Вслед за У. Новотным, под «мультикультурностью» мы также понимаем не только уважение к «другому», толерантность, но и конструктивное взаимодействие, конвергенцию (процесс сближения, стабилизации, компромисс) разнообразных культур на основе взаимного признания их достижений и глубинных общих корней, «...возможность совместного переживания глубоких духовных состояний людьми разных конфессий и атеистических установок...» [2].

Анализ мультикультурности и мультикультуризма как формы общественного взаимодействия можно проводить на различных уровнях – межгосударственном, федеральном, региональном

В настоящее время предложенное понимание мультикультурности и мультикультуризма становится крайне важным, т. к. этнические и культурные различия, противостояние конфессий становятся поводом для нетерпимости, зарождения опасности непонимания и формирования различного рода предубеждений к людям иной национальности, другой культуры, вероисповедания. В ряде случаев нетерпимость принимает крайние формы экстремизма и ксенофобии. Поэтому не случайно «отказ» от «политики мультикультурности» в ряде европейских стран (Германии, Великобритании и Франции [3, 4]) Президент РФ Д. А. Медведев признал неподходящим для России. В част-

ности, он подчеркнул, что «...Россия не сохранится как государство без межнационального единства..., оно исчезнет» [5].

Сегодня в российском обществе наблюдается возрастающий интерес к проблемам мультикультурности и формирования толерантности. Он связан с рядом факторов: с полиэтничностью и поликультурностью государства, его социальной стратификацией, нарастанием миграционных процессов.

На федеральном уровне это проявляется в осознании представителями государственных органов и национальных элит факта, что Российское государство изначально формировалось как многонациональное, многоконфессиональное и поликультурное, что наложило отпечаток на его историю, культуру, язык, межнациональные и конфессиональные связи. Почти все народы вплоть до начала XX столетия сохраняли традиционный образ жизни, культуру, религиозные верования, нормы обычного права. До Октября 1917 года обострение межнациональных отношений в национальных районах, как правило, являлось реакцией на попытки государства унифицировать правовую систему и судопроизводство (согласование традиционных правовых систем народов России с общероссийской), ограничить национальные формы самоуправления. Однако требований выхода из состава России не было (за исключением Украины в XVII – начале XVIII веков) [6, с. 25, 27].

В советское время проводился государственный курс на ускоренные темпы интеграции национальных меньшинств в структуру модернизируемого общества, как правило, без учета региональной и этнической специфики, традиционных форм хозяйствования народов, экологического фактора некоторых регионов. Высокие темпы изменения социально-экономической структуры при нерешенности ряда социальных проблем

способствовали росту этнического самосознания, стремлению сохранить и развивать традиционную культуру, верования, родной язык [7, с. 3, 8]. В результате культурные различия в обществе не только не сгладились и не исчезли, но, наоборот, стали нарастать. Особенно это стало заметно с конца 1980-х – в 1990-е годы.

Социально-экономические реформы 1990-х годов привели к резкой стратификации российского общества, что, с нашей точки зрения, во многом способствовало формированию устойчивого мнения, что проводимый государством политический курс, в том числе и в сфере национальной политики, игнорирует, а иногда и входит в противоречие с этническими интересами населения [7, с. 3]. К тому же обозначенные факторы стали своеобразным «катализатором» возникновения и развития «национальных», «скинхедовских» и тому подобных «движений».

Миграции населения (межрегионального характера и из бывших республик СССР, ныне стран СНГ) также в определенной степени дестабилизирует обстановку. Миграционные процессы во многом определяются факторами экономического порядка и могут рассматриваться как риски для экономического, социального и культурного развития любой страны, в том числе и России. С одной стороны, за счет мигрантов восполняется недостаток в трудовых ресурсах, с другой – так называемая «замещающая» миграция имеет негативные стороны. Это психологическая дезориентация, появление и распространение девиантных форм поведения, маргинализация в среде мигрантов. Все это может угрожать их этнокультурной идентичности.

Но проблема заключается еще и в том, что мигранты концентрируются в районах, где не прослеживается отток местного населения, т. е. в мегаполисах, в густонаселенных

районах, где в достаточной степени хорошо развита инфраструктура. В результате растут цены на жилье, мигранты занимают трудовые места, среди местного населения возможен рост безработицы, падение уровня жизни, и как следствие – формирование негативного отношения к мигрантам, открытые столкновения и драки между представителями различных этносов (например, события в Кандопоге – апрель 2006 года, в Москве – декабрь 2010 года) [8; 9].

Для Российской Федерации значимой проблемой является и так называемая «маятниковая» миграция – регулярные передвижения населения из одного населенного пункта в другой на работу или учёбу, ее регулярность соответствует режиму трудовой деятельности или учёбы. Для крупных городов России характерна маятниковая миграция молодежи из национальных районов Кавказа, Севера, Сибири и Дальнего Востока для получения среднего специального и высшего образования.

Перед всеми категориями мигрантов встает задача адаптации к социокультурной среде крупного города как промышленного, научного и культурного центра, учебного заведения, иноэтничной и инокультурной среде.

Таким образом, в настоящее время в России уже сформировался комплекс проблем, характерных для мультикультурного государства. Для их решения, прежде всего, необходима целенаправленная политика как на государственном, так и региональном уровнях.

На федеральном уровне Конституция РФ 1993 года закрепляет структуру государства и предусматривает ряд прав для сохранения и развития национальной структуры: право на сохранение родного языка, определение прав коренных малочисленных народов, запрещение пропаганды социального, расового, национального или языкового пре-

восходства [10, ст. 26, 29]. В течение 1990–2010-х годов в рамках мультикультурной политики РФ был принят ряд федеральных законов (например, «О национально-культурной автономии», Концепция государственной национальной политики РФ по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе и др.). На основе некоторых из них на региональном уровне также были приняты нормативно-правовые документы, предусматривающие сохранение и развитие национальной культуры этносов, проживающих в данном регионе.

Рассматривая реализацию мультикультурной политики на межрегиональном и внутрирегиональном уровнях, по мнению ряда исследователей, наиболее явным ее признаком являются национально-культурные автономии (НКА) [1; 11] как средство «выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан» и как форма их национально-культурного самоопределения. НКА представляет собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям. На основе добровольной самоорганизации они самостоятельно решают вопросы сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры [12]. К 2002 году были созданы и прошли регистрацию 14 национально-культурных автономий федерального уровня (украинская, немецкая, корейская, белорусская, татарская, сербская, лезгинская, еврейская, азербайджанская, татарская, казахская), более 100 НКА регионального и более 200 местного уровней [1].

Помимо НКА в регионах активно действуют национальные культурные и общественные объединения, национально-культурные центры и ассоциации, что во многом определяет региональную специфику проявления мультикультурности и толерантности.

В качестве примера рассмотрим деятельность национальных объединений в Кемеровской области (Кузбассе), на территории которой проживают представители более 100 этносов, два из которых – шорцы и телеуты – отнесены к категории коренных малочисленных народов РФ. По данным на 2011 год, в регионе действует 43 национальных объединения, деятельность которых затрагивает многие сферы общественной жизни. Это защита социально-трудовых прав и интересов, воспитание и сохранение духовности и нравственности молодежи, воспитание толерантности, сохранение и укрепление исторических традиций, культурного и национального наследия и многое другое.

Национально-культурные и национально-общественные организации в Кемеровской области создавались неравномерно, этот процесс не завершён вплоть до настоящего времени. Первые объединения были созданы в 1989–1993 годах. Среди них особое место принадлежало национальным ассоциациям коренных малочисленных народов – Ассоциации шорского народа и Ассоциации телеутского народа «Эне-Байат». Уже на начальной стадии своей деятельности они представляли интересы коренных народов и выступили своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами [13, с. 71]. Были сформированы и механизмы взаимодействия: проведение конференций, семинаров, съездов коренных народов, участие в разработке программ социально-экономического развития отдельных этносов и т. п. Несмотря на внутреннюю противоречивость, взаимодействие национальных ассоциаций и региональных органов власти было в достаточной степени эффективным. Результатом стало расширение правового поля деятельности ассоциаций, возможность обозначить свое отношение в решении социально-экономических проблем, используя механизм включения

отдельных пунктов программных документов ассоциаций в региональные и федеральные программы развития коренных малочисленных народов. К 2010 году приоритеты ассоциаций изменились. Возможно, это объясняется стратегической линией региональных и местных органов власти: с середины 1990-х годов произошла переориентация их работы на проблемы культуры [14].

Кроме национальных ассоциаций в Кемеровской области организовывались культурно-этнографические центры, национальные музеи, национальные благотворительные и религиозные организации, творческие коллективы. Значительную роль в их формировании играли представители городской национальной интеллигенции [7, с. 33]. Основные цели этих объединений – возрождение, сохранение и развитие самобытной культуры, традиций и обычаев этносов, национальных языков.

Таким образом, практическая деятельность национальных общественных и культурных объединений на региональном уровне органически вписывается в федеральную концепцию национальной политики. В результате, как на федеральном, так и региональном уровнях государством реализуются основные принципы мультикультурализма – сохранение и развитие культуры различных этносов, защита их прав и интересов.

Помимо политических решений сегодня для нашего государства большое значение имеет определение основных ориентиров, приемлемых для всех населяющих нашу страну народов и социальных групп. Одним из таких ориентиров может стать толерантность, отвечающая интересам страны в целом и реализуемая через культуру, пропаганду, образ жизни и традиции сохранения мира в многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном государстве. Она может содействовать поиску компромиссов,

преодолению конфликтов, предотвращению конфронтаций и войн. Проблемы мирного сосуществования представителей различных этносов, конфессий, культур, адаптации мигрантов, как нам мыслится, взаимосвязаны с воспитанием толерантности как потребности и готовности к конструктивному взаимодействию с людьми независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, мировоззрения, как воспитание миролюбия, как формирование негативного отношения к насилию и агрессии в любой форме, уважения и признания к себе и к людям, к их культуре.

Во многих регионах РФ накоплен значительный опыт по формированию толерантности – это разработка и реализация программ по развитию толерантности среди молодежи, создание центров толерантности, организация и проведение выставок, арт-проектов, круглых столов, научно-практических семинаров и т. д.

В этом отношении представляется интересным опыт одного из ведущих вузов Кузбасса – Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Одними из стратегических приоритетов в университете являются формирование основ толерантности в студенческой и преподавательской среде и осуществление проектов по сохранению и развитию мирового культурного наследия национальных культур. Это тем более необходимо, т. к. в вузе помимо русскоязычных студентов обучаются представители коренных народов Сибири и Дальнего Востока – алтайцы, хакасы, шорцы, телеуты, тувинцы (маятниковая миграция).

Значительную роль в решении поставленных задач играет созданный в 2008 году научно-исследовательский институт толерантности и межкультурных коммуникаций. Цель деятельности НИИ – развитие и укрепление межкультурной коммуникации,

формирование толерантности, преодоление разрыва между технократической и гуманитарной культурами, продвижение русского языка, объединяющего разные культуры народов России, его изучение иноязычными и иностранными студентами.

Специфика вуза как университета культуры и искусств определила и специфику основных направлений деятельности НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций (научное и просветительское), и реализуемых проектов (научные проекты: «История и культура коренных народов Южной Сибири», «Национальная мозаика Кузбасса», «Русский язык в пространстве межкультурного диалога», «Толерантность в мультикультурном обществе: региональный аспект»; просветительские проекты: «Диалог культур», «Большое чтение в Кузбассе»). Подробно с мероприятиями НИИ можно ознакомиться на официальном сайте Кемеровского государственного университета культуры и искусств: www.kemguki.ru (Творчество, НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций).

В заключении отметим, что в российской действительности толерантность сегодня может сыграть важную роль как одна из основ демократического процесса и процесса укрепления позиций Российской Федерации в международном сообществе с имиджем государства, ориентированного на мирное, конструктивное сотрудничество. В то же время важно понимать, что только эмоционального декларирования принципов толерантности недостаточно. Важно научиться самим и помочь другим видеть и понимать толерантность не как беспринципность, а как глубинное понимание мира, культуры. Любое общество, которое не является однородным с этнической, социальной и культурной точек зрения нуждаются в толерантности для того, чтобы обеспечить себе стабильность.

Современная Россия имеет шанс nasledовать эти традиции и опыт межнационального и межкультурного сотрудничества и дружбы. Несомненно, значительная роль в этом отводится целенаправленной и взвешенной федеральной и региональной политике. Однако существенную помощь в этом,

на наш взгляд, может оказать формирование качественно нового информационного поля по обмену накапливаемым в субъектах РФ опытом конструктивного решения возникающих социальных проблем с учетом многогранности этнических и культурных интересов.

Литература

1. Головачева О. С. Мультикультурализм как модель поликультурного общества и его применимость в современной России // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/art.php>. – Загл. с экрана.
2. Новотный У. Мультикультурность и ненасилие новые парадигмы в международных, социальных и межличностных отношениях / Центр гуманистических исследований в Москве (Moscow Center of Humanist Studies – Centro de Estudios Humanistas de Moscú) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yandex.ru/yandsearch?text>. – Загл. с экрана.
3. «Политика мультикультурности провалилась и в Британии» // Война и мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/>. – Загл. с экрана.
4. «Кэмерон отверг политику мультикультурности» // Русский Дом Балтии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruskijdombaltii.lv/index.php>. – Загл. с экрана.
5. «Дмитрий Медведев: В России краха мультикультурности нет» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://info.samosozidanie.ru/vera-i-religiya/news>. – Загл. с экрана.
6. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. – М.: Изд-во «Наука», 2003. – 378 с.
7. Белозёрова М. В. Проблемы интеграции и национального самоопределения коренных народов Южной Сибири (1920-е гг. – начало XXI в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск: Томский государственный университет, 2008. – 56 с.
8. «Эхо Москвы»: Заявление Общественной палаты по поводу событий в Кандопоге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=467395>. – Загл. с экрана.
9. Фалалеев М. Скорбь и провокация // Российская газета. Федеральный выпуск. – 13.12.2010 г. – № 5360 (281) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/12/11/fanaty-site.html>. – Загл. с экрана.
10. Конституция Российской Федерации (Принята 12 декабря 1993 г.).
11. Суконкина Т. Н. Формирование мультикультурного общества в регионе // «Регионология». [Электронный ресурс]. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/520>. – Загл. с экрана.
12. Федеральный Закон «О национально-культурной автономии». 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – М., 1996. – № 25.
13. Белозёрова М. В. К проблеме проявления сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского гос. ун-та. – Томск. – 2008. – № 312. – С. 69–73.
14. Белозёрова М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2007. – С. 265–270.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

RESULTS OF SCIENTIFIC RESEARCH

УДК 94(571.17:492):341.232.7

Ю. А. Агеева

ХУДОЖЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ С КОРОЛЕВСТВОМ НИДЕРЛАНДОВ В 2000-е ГОДЫ

В статье на основе проведенной исследовательской работы автор приводит фактологическую канву кузбасско-голландского культурного партнерства в художественной сфере и студенческой мобильности. Изложенная информация впервые представлена в комплексе, что дает возможность увидеть сотрудничество по заявленным направлениям в полном масштабе.

Ключевые слова: Кемеровская область, Нидерланды, культурное сотрудничество, художественная сфера, студенты.

J. A. Ageeva

CULTURAL COOPERATION BETWEEN KUZBASS AND THE NETHERLANDS IN ARTS AND IN STUDENT'S MOBILITY IN 2000-S.

The article, based on the conducted research, gives a factual outline of the Kuzbass-Dutch cultural partnership in arts and student's mobility. The complex presentation of information makes possible to see the full scale cooperation for the first time.

Keywords: Kuzbass, The Netherlands, cultural cooperation, arts, students.

Культурное взаимодействие Кузбасса и Голландии в художественной сфере и в направлении студенческой мобильности, имевшее место в 2000-е годы, проходило в рамках сотрудничества области с голландским Фондом STAG и международной политики Нидерландов по поддержке лучших студентов из зарубежных вузов.

В 2008 году с 22 мая по 22 августа в Кемеровском областном музее изобразительных искусств проходила выставка «Пейзажи Голландии». На экспозиции было представлено 68 произведений художников из Нидер-

ландов [11]. Мероприятие инициировал фонд STAG в лице председателя Питера ван дер Тоорна. Финансовые затраты взяла на себя голландская сторона.

«Для большинства россиян Нидерланды ассоциируются с ветряными мельницами, деревянными башмаками, тюльпанами, сыром, футболистами и т. д. Отчасти это правда. Поэтому цель данной выставки – показать интерпретации голландского пейзажа, написанного голландскими же художниками, использовавшими разнообразный материал и технику. Они постарались воплотить лич-

ное видение пейзажа художественными средствами», – так прокомментировал суть мероприятия Питер ван дер Тоорн.

Кузбасским зрителям были показаны просторные и плоские пейзажи **Андре Хеелхуда** с акцентом на линию горизонта и яркие краски, представленные в картинах *«Деревенская церковь в полях»*, *«Дом на развилке дорог»*, *«Летний день»*; картины **Аннет Хилтерман**, написанные на голландском острове Терсхеллинг, *«Побережье Северного моря»*, *«Только что исчезло»*, *«Мелководье»*, *«Дюны, покрытые вереском»*; произведения **Дика Карлье**, выполненные акварелью, *«Хижин рыбаков»*, *«Вид на город Дордрехт»*, *«Верфь около Роттердама»*, *«Центр Делфта с ратушей»*; масляные полотна **Франс ван Веена** *«Мне нравится смотреть»*, *«Время замерло»*, *«Схеллерланде»*, *«В мыслях о Голландии»*; реалистичные работы **Хейке Хогстинс** *«Трио коров»*, *«Любопытные юные леди»*, *«Флеермаден»*, *«Сон в камыше»*; комбинация пейзажей и стихов в работах **Хэрарда Рама** *«Полдеры»*, *«Лимбург»*, *«Льняное поле»*; картины **Инеке Калис** портовой тематики, выполненные в технике трафаретной печати, *«Рычаги»*, *«Порт»*, пейзажи **Ян Холленберга** в технике гравюры и ксилографии *«Зима в Урсеме»*, *«Заводь»*, *«Мельницы недалеко от Рустенбурга»*, картины **Йаукье Пейс**, написанные углем, пастелью, чернилами, акрилом, *«Зеленые сады зимой»*, *«Река Эйсл после наводнения»*, *«Сад пастора»*; панорама Роттердама на картинах **Роналда Хайнена** и др.

Выставку «Пейзажи Голландии» открыли официальные представители двух стран: советник посла Нидерландов в России по вопросам культуры, образования и науки Тиммен Каувенар, заместитель главы г. Кемерово по социальным вопросам И. Ф. Федорова, заместитель губернатора Кемеровской области по вопросам образования С. А. Муравьев. На открытии выставки также присутствовали пять голландских художников.

В Кемерове гостей из Голландии ждала насыщенная культурно-просветительская программа. Художники провели мастер-классы для студентов КемГУКИ, приняли участие в интерплэнэре в музее-заповеднике «Томская Писаница», посетили угольный разрез «Черниговский», где получили возможность запечатлеть местные пейзажи. В рамках проводимой Кемеровским областным музеем изобразительных искусств программы «Шаг к Свободе» голландские художники посетили пятую исправительную колонию г. Кемерово, где провели занятие по основам живописи для группы осужденных.

Отметим, что выставка «Пейзажи Голландии» стала первым международным проектом, состоявшимся в Кемеровском музее изобразительных искусств. «Музей получил выставочный проект очень высокого уровня, выставка отлично посещалась. Несомненно, для Кузбасса это было событие в культурной жизни, если учесть тесные исторические связи с Голландией и то, что впервые был показан такой масштабный пласт «современного искусства» высокого качества из другой страны», – так оценила проект Е. Митрофанова, заместитель директора музея по развитию.

Выставка широко освещалась в СМИ на областном и местном уровне. «Кемерово получил новый импульс постигать богатую традициями художественную жизнь Голландии... художников, выставяющих в Кемеровском музее изобразительных искусств свои полотна, мы вполне можем звать «близкими голландцами», – писала в те дни о выставке газета «Кузбасс» [16].

«Данная выставка является приглашением для кузбасских художников – представить в Нидерландах собственное видение пейзажа, что будет способствовать изменению мнения голландцев о Сибири, как о месте, где расположены только шахты, повсюду тайга и лежит снег», – заявил Питер ван дер Тоорн [10]. Но кемеровские музейщики и ху-

дожники были не готовы к такому повороту событий в силу невозможности дать ответный визит по финансовым соображениям. Как вариант воплощения в жизнь подобных международных проектов можно было бы рассматривать участие в грантовых конкурсах. Но, по словам Е. Митрофановой, музейщики этот вопрос никогда не поднимали [6].

Логическим добавлением к рассматриваемому эпизоду является мнение профессиональной кемеровской художницы Е. Н. Осиповой, назвавшей ситуацию с художественным творчеством в Кузбассе «тупиковой». По ее словам, «художественные процессы сейчас в стране идут очень активно! Везде не без проблем, но такого ощущения безысходности, как у нас, нет нигде. Люди не ходят на выставки, а те, кто должны заниматься культурой, ей не занимаются» [5].

Выставка в Кемерове положила начало международному проекту «Сыграй на Панораме» (Play the Panorama), инициированному голландским художником Роналдом Хайне-ном. Во время своего визита Роналд Хайнен продемонстрировал кемеровским коллегам собственную разработку «Relay travelogue», представляющую собой бумажный свиток на двух катушках. Этот своеобразный мольберт путешественника предназначен для запечатления длинных многометровых панорам. Голландец предложил местным художникам передавать этот инструмент из рук в руки, для того чтобы каждый мог оставить на нем свой рисунок. Правило было одно – последующий пейзаж должен был логически вытекать из предыдущего, создавая таким образом одну непрерывную панораму. К проекту подключились художники со всего Кузбасса: И. Грошева и Е. Маркелова из Новокузнецка; Т. Кудинова, С. Анцупова из Белово; И. Пискунова, В. Карпенко, Ю. Каличкина, Т. Костина, А. Усолкина, Д. Лебедева из Кемерово; С. Екимочкин из Междуреченска; Д. Соболевская из Шевелев. Начало кемеровской па-

норама изобразил Роналд Хайнен. Результат работы выложен на сайте проекта.

Гуманитарный аспект кузбасско-голландского культурного сотрудничества представлен деятельностью студентов двух стран. Кузбасская сторона активно проявила себя в процессе обучения в вузах Нидерландов и развития профессиональных навыков. Голландские студенты в Кузбассе в рамках поддержки Фонда STAG исследовали тему кузбасско-голландского культурного наследия и внесли свой вклад в развитие двусторонних отношений.

Среди кузбасских студентов наивысшую активность в этом направлении проявили студенты факультета РГФ КемГУ в лице Е. Трибушиной и Ю. Шарпинской, принявшие участие в голландской стипендиальной программе Гюйгенса (Huygens). Программа дает возможность иностранным студентам, имеющим отличные академические показатели, обучаться или проводить исследовательскую работу в одном из университетов или высших школ Королевства Нидерландов.

Наибольшими успехами из всех кузбасских студентов отличилась Е. Трибушина. Еще будучи студенткой КемГУ, она преподавала голландский язык в рамках специальных курсов. В 1998 году Е. Трибушина проходила языковую стажировку в Бельгии. В 2003 году Е. Трибушина принимала участие в качестве переводчика в российско-голландском семинаре, проходившем в Нидерландах по вопросам сохранения кузбасско-голландского культурного наследия. В 2004 году Е. Трибушина становится участником стипендиальной программы Гюйгенса и уезжает в Голландию с целью сбора информации по теме своей диссертационной работы. В 2006 году Е. Трибушина с отличием заканчивает Свободный университет Амстердама. С 2006–2008 годы учится в Университете Лейдена и получает степень доктора наук (PHD). В своей про-

фессиональной деятельности в Нидерландах Е. Трибушинина специализируется на психолингвистике детской речи.

В 2010 году международный исследовательский проект, участие в котором приняли ученые Утрехтского университета, в числе которых и кемеровчанка Е. Трибушинина, а также специалисты из Центра лингвистических исследований (Берлин) и РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург), получил грант от Европейской комиссии в размере 300 тыс. евро. Проект базировался на теме языкового профиля русско-немецких и русско-голландских детей-билингвов. Е. Трибушинина пригласила также к сотрудничеству Кемеровскую школу-интернат № 22, специализирующуюся на детях с тяжелыми нарушениями речи. «Языковые способности двуязычных детей обычно исследуются с помощью тестов, разработанных для монолингвов, несмотря на то, что двуязычное развитие принципиально отличается от одноязычного. Недостаток знаний по проблемам билингвизма и отсутствие тестов для билингвов часто приводят к тому, что логопеды ставят двуязычным детям диагноз “общее недоразвитие речи”. Поэтому ученые различных стран пытаются выяснить, чем же именно нормальное двуязычное развитие отличается от недоразвития речи», – пояснила суть проекта Е. Трибушинина [7].

Ю. Шарпинская, выпускница РГФ, при поддержке Фонда STAG и по программе Гюйгенса, в течение 10 месяцев проходила обучение и практику на факультете истории искусств и архитектуры Свободного университета Амстердама. Ю. Шарпинская обучалась на отделении архитектуры и градостроительства, в университетском расписании которого значились четыре профильных предмета. Помимо этого студентам была представлена возможность выбрать дополнительные дисциплины. Ю. Шарпинская предпочла предметы, связанные с языками и

межкультурной коммуникацией. Свой статус в Университете Амстердама Ю. Шарпинская определила как «приглашенный студент» (guest student), что подразумевало под собой одногодичную стажировку. Практику по теме периодов в архитектуре и урбанизме Ю. Шарпинская проходила в Берлине. В 2004 году в рамках практики по истории, искусству и архитектуре России Ю. Шарпинская организовала поездку трех преподавателей из Нидерландов по России. Были посещены Москва, Санкт-Петербург, города Золотого кольца и Сибири, включая Кемерово. Параллельно с обучением в голландском вузе Ю. Шарпинская посещала переводческую школу, активно сотрудничала с неправительственными организациями, например, с «Инициативой перемен» (Initiatives of Change), а также участвовала в благотворительной деятельности.

«Это был потрясающий опыт! С нами работали отличные преподаватели! Ребята в группе были очень дружные. Меня приглашали остаться в магистратуре, но я отказалась, но до сих пор поддерживаю тесный контакт с преподавателями и одноклассниками», – вспоминала Ю. Шарпинская о своем голландском опыте [8]. С 2005 года Ю. Шарпинская работает в компании «Русал», крупнейшем в мире производителе алюминия и одном из крупнейших производителей глинозема.

Выпускница КузГТУ А. Моисеева при поддержке Фонда STAG с 2005 по 2007 годы проходила обучение по магистерской программе в Делфтском Университете (Architecture, Urbanism and Building Sciences). С 2007 года А. Моисеева продолжила свое обучение в аспирантуре (PHD) Технического университета Эйховена на факультете (Department of the Built Environment) по специализации «Организация городского пространства и системы дизайна» (Urban Management & Design Systems). Исследовательская работа А. Моисеевой направлена на изучение пространственно-временного пове-

дения (Space-Time Behavior). За время учебы А. Моисеева написала ряд научных статей, стала участником международных конференций [1].

В этой связи интересно мнение президента Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий О. Усковой: «Для России, являющейся одним из основных поставщиков интеллектуальных ресурсов, такая политика оборачивается серьезными потерями. Интеллектуальный уровень страны определяется не общим количеством, а количеством качества. Известный французский математик Блез Паскаль говорил: «Достаточно уехать 300 интеллектуалам, и Франция превратится в страну идиотов». Сегодня мы находимся в такой же ситуации. Если из России уедут креативно мыслящие ученые, количество которых тоже не очень велико, то мы станем абсолютно беспомощной в технологическом отношении страной, и ни о какой политике инновационного развития нельзя будет вести и речи... Необходимо создать национальный фонд научных талантов, целью которого станет составление и ведение реестра наиболее талантливых и одаренных российских молодых ученых с предоставлением им особых условий для ведения научной деятельности» [14].

Голландские студенты в Кузбассе занимались исследованием кузбасско-голландских культурных связей.

В 2004 году с февраля по май в Кемерове с архивными материалами по истории АИК «Кузбасс» в музее «Красная Горка» работал голландский студент из Академии Рейнвардта Мариус Брейн. Практика студента из Нидерландов проходила в рамках сотрудничества голландского Фонда STAG с Кемеровской областью согласно подписанному в 1996 году Протоколу о намерениях. «Я давным-давно хотел попасть в Россию, в Кемерово, уже лет пять, как об этом мечтал... Нам, голландцам, интересна история голландских граждан,

которые здесь когда-то работали», – рассказал в интервью местной газете студент-практикант [15].

До приезда в Кемерово Мариус Брейн уже имел опыт работы в музеях Голландии. Так, например, в 2001 году он стажировался в городской мастерской по восстановлению документов, где отреставрировал несколько афиш и печатных изданий [12].

Итогом работы Мариуса Брейна в музее «Красная Горка» стала систематизация архивных материалов, связанных с АИК «Кузбасс». Также в ходе кемеровской практики Мариусом были изготовлены демонстрационные макеты приборов, которые используются в работе голландскими музейщиками. В планах у Мариуса было намерение использовать изученный материал в научных целях. Но из-за нехватки денежных средств задумка в жизнь не воплотилась.

В 2005 году Кузбассе при финансовой поддержке Фонда STAG стартовал международный проект обмеров здания Школы, участие в котором приняли голландские студенты Делфтского университета Ерун Кейвелаар и Даан Диилеман. Как вспоминали голландцы: «Сначала русские с изумлением и недоверием отнеслись к нашему исследованию старых зданий. Им было непонятно – зачем мы здесь? Но в ответ мы привели такой пример, сравнив историческое культурное наследие со сломанным кольцом, унаследованным от любимого дедушки, которое нужно отремонтировать, а не выбрасывать, чтобы купить новое» [3].

Результатом практической деятельности голландских участников стали выполненные чертежи здания, исследовательские разыскания и рекомендации по реставрационным мероприятиям. Состояние здания голландские студенты оценили как неудовлетворительное. По их мнению, большая часть проблем лежит в фундаменте здания, который необходимо зафиксировать, чтобы он более не смещался.

ся. Интересно предположение голландских студентов о том, что в здании сохранилось несколько оригинальных дверей [2].

Гости из Голландии работали совместно с учащимися КузГТУ под кураторством кемеровского архитектора И. В. Захаровой. В этой связи интересно привести выдержку из интервью голландского студента Даана Диилемана кемеровскому телеканалу, в котором он сообщил, что «...в этом международном проекте техническая подкованность русских участников и голландская скрупулезность в сочетании с детальностью дали положительный результат» [9].

Голландская студентка Софи Пэнзер проходила стажировку в КузГТУ. За время своего пребывания в Кемерове Софи Пэнзер была проведена комплексная исследовательская работа по анализу исторического района Красной Горки. Был проведен анализ зданий и их функций, рельефа, климатических условий, образа жизни, исторического развития. Чтобы картина по Красной Горке была более объективной, Софи исследовала ситуацию в целом по городу, познакомилась с генеральным планом развития Кемерово и привела сравнительные характеристики по анализируемым параметрам. В своем заключительном докладе голландская студентка сделала акцент на необходимости улучшения инфраструктурной и социокультурной составляющих столицы Кузбасса, необходимости реставрации памятников культуры [4].

Таким образом, контакты в художественной сфере носили практически односторонний характер, выразившийся в представлении своего творчества голландской стороной. Отметим, что мероприятия в культурной сфере Кузбасса с голландским участием стали своего рода открытием новых форм культурной реальности в жизни края. К таким событиям, в первую очередь, необходимо отнести выставку голландских художников в Кемерове. Это был первый международный про-

ект такого уровня, состоявшийся в Кузбассе. Участники мероприятия с обеих сторон получили колоссальный опыт культурной кооперации. Голландская сторона в лице Фонда STAG планировала продолжение и развитие этого партнерства. Но с кемеровской стороны, по причине финансовой несостоятельности учреждения культуры и отсутствия реально работающего механизма поддержки культурной отрасли, ответа не последовало.

Продолжение художественный проект получил благодаря инициативе голландского художника, привлечшего к участию в нем художников со всего Кузбасса.

Гуманитарный аспект кузбасско-голландского культурного партнерства, представленный деятельностью студентов двух стран, имел свои особенности. Во-первых, в Нидерланды по специальным международным программам уехали одни из лучших студентов Кузбасса. Во-вторых, в отличие от своих голландских коллег кузбасские студенты в большинстве своем остались на постоянное место жительства в Нидерландах. Это обстоятельство еще раз остро ставит проблему «утечки мозгов» из России и необходимости эффективной политики поддержки молодых специалистов. По некоторым оценкам, за период с 1999 по 2004 год, Россию покинули 25,000 ученых, а 30,000 ежегодно работают по системе контрактов за рубежом, что составляет примерно 5–6 % от общего научного потенциала страны. Можно выявить несколько причин «утечки мозгов»: слабая обеспеченность материально-технической и приборной базы, недостаточное внимание государства и общества в сфере научных исследований, низкий уровень оплаты труда как молодого ученого, так и ученого высшей квалификации, слабая интеграция фундаментальной науки с государственными и частными предприятиями, низкий престиж статуса ученого в России.

Литература

1. Anastasia Moiseeva. Employee page [Электронный ресурс] // Официальный сайт Университета Эйдоховена. – Режим доступа: https://venus.tue.nl/epcgi/ep_detail.opl?taal=US&fac_id=97&voor_org_id=&rn=19971451
2. Info School by Jeroen Keuvelaar (Info Restaurations Kemerovo) // ТА Фонда STAG. – С. 18.
3. Siberischetoestanden [Электронный ресурс] // Официальный сайт еженедельного журнала Делфтского Технологического университета. – Режим доступа: <http://www.google.ru/url?sa=t&source=web&cd=6&ved=0CEIQFjAF&url=http%3A%2F%2Fwww.delta.tudelft.nl%2Fartikel%2F15117&rct=j&q=Siberische%20toestanden&ei=L5CeToOxF4mA>
4. Verslag Sophy // ТА Фонда STAG.
5. Агеева Ю. А. О Турции, творчестве и чувашской лесной поляне [Электронный ресурс]. – Информационно-развлекательный портал г. Кемерово. – Режим доступа: <http://gazeta.a42.ru/lenta/show/8619.html>
6. Из беседы с Е. Митрофановой (октябрь 2010) // ЛА автора.
7. Из интервью с Е. Трибушининой (август 2011) // ЛА автора.
8. Из интервью с Ю. Шарпинской (август, 2011) // ЛА автора.
9. Из телеинтервью голландских студентов кемеровскому телевидению // ТА Фонда STAG.
10. Пейзажи Голландии: рекламный буклет. – Кемерово: Агентство рекламных форм, 2008.
11. Пейзажи Голландии [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кемеровского виртуального музея изобразительных искусств. – Режим доступа: <http://kemizo.ru/exhibition.html?id=89>
12. Резюме М. Брейна // Научный архив МАУ «Музей-заповедник “Красная Горка”».
13. Сыграй на Панораме. Сибирь [Электронный ресурс] // Официальная русскоязычная версия проекта «Сыграй на Панораме». – Режим доступа: <http://panographia.com/frames-ru.html>
14. Утечка мозгов: Брейн-хантеры [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Ведомости». – Режим доступа: <http://vedomosti.ru/newspaper/article/251767/breijnhantery>
15. Фомина Т. В. Кемерово как на Марс // Томь. – 2004. – № 24. – С. 8.
16. Штраус О. Голландия где-то рядом // Кузбасс. – 2008. – 22 мая.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART STUDIES

УДК 7

О. В. Синельникова

ПОЭТИКА РУССКИХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ РОДИОНА ЩЕДРИНА

Статья посвящена воплощению русских национальных традиций в творчестве Родиона Щедрина – одного из выдающихся отечественных композиторов второй половины XX – начала XXI века. Главное внимание в статье уделяется интерпретации сюжетов и образов русской истории, классической литературы, православной культуры, музыкальной стилистике народного творчества.

Ключевые слова: Родион Щедрин, современное композиторское творчество, музыкальный жанр и стиль, новаторство, русские традиции.

O. V. Sinelnikova

POETICS OF THE RUSSIAN TRADITIONS IN THE CREATIVE WORK OF RODION SHCHEDRIN

The article is devoted to the use of the Russian folk traditions in the creative work of Rodion Shchedrin, one of the renowned modern composers at the turn of the 20th–21st centuries. The article gives interpretation of subjects and images in Russian history, classical literature, Orthodox culture, musical stylistics of folk art.

Keywords: Rodion Shchedrin, contemporary composing creative work, musical genre and style, innovation, Russian tradition.

Родиона Щедрина по праву называют классиком отечественной музыки XX века. Его творческий путь начался в середине прошлого столетия и счастливо продолжается в наши дни. Щедрин уже внес огромный вклад в сокровищницу мировой музыкальной культуры современности, создав выдающиеся произведения практически во всех музыкальных жанрах. Но, судя по интенсивности его творческого процесса, этот композитор представит поклонникам своего таланта еще не одно яркое и новаторское сочинение, свидетельство чему – премьеры последних лет: 2006 год – хоровая опера «Боярыня Морозова»; 2007 – «Романтические дуэты» для фортепиано в 4 руки, «На посошок» для шести виолончелей и альтовой блокфлейты (или для флейты, гобоя, кларнета, трубы и виолы),

«Старинные мелодии русских песен» для виолончели и фортепиано; 2008 – «Лирические сцены» для струнного квартета, «Бельканто на русский лад» для виолончели и фортепиано, «Эпиграф графа Толстого к роману “Анна Каренина”», «Виват!» – Санкт-Петербургская увертюра для симфонического оркестра; 2009 – Концерт для гобоя с оркестром, «Поездка в Айзенштадт» для скрипки и фортепиано, Семь экспромтов для фортепиано «Простые страницы», Симфонический фрагмент «Гейлигенштадское завещание», Симфоническая фреска «Литовская сага»; 2010 – Двойной концерт «Романтическое приношение» для фортепиано, виолончели и оркестра, «Dies irae» по гравюрам на дереве Альбрехта Дюрера «Апокалипсис» для 3 органов и 3 труб, Этюд Чайковского для фортепиано.

Щедрин обладает редкостным даром сочетать в своих произведениях остросовременный язык и технику композиции с опорой на традиционные элементы русской музыкальной культуры, что позволило ему легко вписаться в мировое музыкальное пространство и, в то же время, остаться художником, с ярко выраженными национальными признаками стиля. В произведениях Щедрина очень сильна новаторская линия. Он во многом был первым, будь то использование частушки в академических музыкальных жанрах (Первый фортепианный концерт и «Озорные частушки») или пения оркестрантов в симфонических произведениях («Стихира...», «Старинная музыка российских провинциальных цирков»), параллельная драматургия в опере («Мертвые души») или пространственные эффекты в инструментальной музыке («Геометрия звука»), создание балетов на сюжеты А. Чехова («Чайка», «Дама с собачкой») или мюзикла на русский сюжет, но на японском языке («Нина и 12 месяцев»).

Разнообразие замыслов Щедрина практически не знает границ. При этом национально-русская основа сохраняется в его музыке во все периоды творчества. Русскую тему он развивает значительно шире, чем кто-либо из композиторов его поколения. Переезд Щедрина в Мюнхен в 1990 году не приглушил, а, наоборот, усилил эту мощную линию его творчества. Она берет начало уже в самых ранних произведениях Щедрина 50–60-х годов (опера «Не только любовь», балет «Конек-Горбунок», Первый фортепианный концерт, Первая симфония, «Озорные частушки»), продолжается в сочинениях 70-х и 80-х (опера «Мертвые души», балет «Анна Каренина», Третий и Четвертый концерты для оркестра) и не прекращается в опусах, созданных совсем недавно (Третья симфония «Лица русских сказок», вокальный цикл «Век мой, зверь мой», хоровая опера «Боярыня Морозова»). Подчеркнуто национальный колорит его музыки определяется,

в первую очередь, содержательно-смысловым уровнем, общим замыслом, компонентами которого выступает сюжет, программа и образный строй произведения в соединении с имманентно музыкальными ориентирами.

Русская тема, в свою очередь, разветвляется на множество направлений, каждое из которых могло бы составить область самостоятельного исследования: сюжеты русских писателей в операх и балетах; образы русской истории; традиции православной культуры; воплощение русского фольклора в произведениях разных жанров. Рассмотрим в общих чертах каждое из них.

Верность русской классической литературе проходит сквозной линией через все творчество Щедрина. Почти все его сценические произведения написаны на сюжеты русских писателей. Щедрин – один из немногих современных композиторов, кто не боится обращаться к величайшим шедеврам русской литературы. Он считает, что «температура ощущений» в опере должна быть не 36, а 39 и 40 градусов. В немалой степени этому способствует избранный сюжет. Среди таковых – «Евгений Онегин» и «История Пугачева» А. Пушкина («Строфы из «Евгения Онегина» и «Казнь Пугачева» для смешанного хора), «Мертвые души Н. Гоголя (опера, поставленная в 1977 году в Большом театре), «Анна Каренина» Л. Толстого (балет, поставленный в 1971 году в Большом театре), «Чайка» и «Дама с собачкой» А. Чехова (балеты, поставленные в 1980 и 1985 годах), «Лолита» Н. Набокова (опера, поставленная в 1994 году в Стокгольме). Что касается Н. Лескова – одного из самых любимых писателей Щедрина, то образы его сочинений стимулировали рождение трех музыкальных произведений: русской литургии «Запечатленный ангел», оперы для концертной сцены «Очарованный странник» и «Притчи» (*Parabola concertante*) для виолончели соло, струнного оркестра и литавр. Причем, необходимо отметить, что почти во всех названных операх и балетах

(кроме «Анны Карениной») Щедрин сам выступал и как автор (или соавтор) либретто.

Подход к каждому литературному произведению глубоко индивидуален. В таких грандиозных романах, как «Мертвые души» и «Анна Каренина» композитор сумел выделить особые сквозные линии сюжета, которые стало возможно реализовать в музыкальной драматургии. Не пытаясь охватить весь роман, Щедрин назвал балет «Анна Каренина» «лирическими сценами», подобно тому, как это сделал П. И. Чайковский в опере «Евгений Онегин». В «Мертвых душах» Щедрин впервые на оперной сцене показал возможности параллельной драматургии с одновременным развитием образов помещиков и народа. Щедрин стал одним из первых композиторов, кто обратился к творчеству Чехова. Но и к этой «потайной двери» композитор подбирает собственный ключ, демонстрируя свое видение чеховских образов. Прочтение Щедриным «Лолиты» Набокова – самого популярного и самого скандального романа писателя – тоже глубоко своеобразно. Определив ее жанр как **«grand opera»**, автор подчеркивает здесь исключительную важность текста, который в узловых моментах на сцене дается в виде разговорной речи. Это сближает оперу с *drama per musica* и с мюзиклом. Интимность обстановки и сила драматических переживаний героев вызывают ассоциации с веристскими операми. Особенно трудно поддаются переводу из литературного в музыкальное пространство повести Н. Лескова – писателя яркого и самобытного таланта. Сложная жанровая природа произведений писателя, базирующаяся на соединении сказа, притчи и хроники, драматургия состояния, а не становления; самобытный литературный язык его героев со множеством старых, давно не употребительных слов и выражений – все это сложно передать в опере. Однако Щедрин именно в творчестве Лескова находит интонации, родственные его собственным.

Русская история предстает в произведениях Щедрина, окрашенных трагическими тонами. Они составляют отдельную группу сочинений, где композитор использует наиболее сильные музыкальные, литературные, театральные и кинематографические средства, чтобы показать жестокие испытания, выпавшие на долю русского народа: Вторая симфония, пронизанная воспоминаниями о войне, поэма для смешанного хора «Казнь Пугачева» на слова А. Пушкина из «Истории Пугачева», «Российские фотографии» для струнного оркестра с драматическим центром «Сталин-коктейль» (III часть), вокальный цикл на стихи О. Мандельштама «Век мой, зверь мой» с фрагментами дневниковых записей А. Ахматовой, повествующих об аресте Мандельштама, наконец, хоровой диптих на стихи А. Вознесенского («Век двадцатый», «Беженка»), где осмысливаются трагические события XX века. Особенно выделяется в этом ряду совсем недавняя премьера хоровой оперы «Боярыня Морозова», где Щедрин омузыкаливает трагическую страницу истории церковного раскола и возникновения старообрядчества на Руси.

Православная тематика зазвучала наиболее ярко в произведениях Щедрина 1988 года, созданных специально к этой знаменательной дате – «Стихире на 1000-летие Крещения Руси» для симфонического оркестра и «Запечатленном ангеле» для смешанного хора и свирели. Но скрытое религиозное начало присутствовало и в других его сочинениях советского периода, не связанных напрямую с религиозными источниками (сюжетом или цитатами церковных песнопений). Таковы «Звоны» и «Автопортрет» для симфонического оркестра, «Фрески Дионисия» для 9 инструментов, цикл фортепианных пьес «Тетрадь для юношества», одухотворенные стилистикой знаменного распева, поэтикой колокольного звона и возвышенным звучанием молитвенно-хоральных эпизодов. Роль

этих музыкальных символов православной культуры в творчестве Щедрина с каждым новым произведением становится все более очевидной, хотя собственно церковных произведений, соответствующих канонам литургической службы композитор не писал.

В последние годы православная линия творчества Щедрина развивается и крепнет. Реализуются, наконец, мечты и долго вынашиваемые замыслы: 19 декабря 2002 года в Нью-Йорке прошла премьера оперы для концертной сцены на сюжет Н. Лескова «Очарованный странник», а 25 октября 2006 года в Москве состоялась премьера хоровой оперы «Боярыня Морозова». Не остается сомнений в том, что это направление творчества стало наиболее органичным для композитора. Можно сказать, что сочинения, навеянные православными источниками (текстами и музыкальными образцами) или сюжетами русской литературы, пронизанными религиозной атмосферой, принадлежат к наиболее вдохновенным и впечатляющим творениям Щедрина. В появлении данных опусов материализуется духовная и творческая потребность автора, отнюдь не уникальная для нашего времени. Музыку на сакральные темы пишут многие. Без особого преувеличения можно говорить о ренессансе религиозной музыкальной традиции.

В чем причины прорастания этой линии в творчестве Щедрина? Только ли в тенденциях современной отечественной музыки, которая повернулась, наконец, к православным традициям? Есть, пожалуй, обстоятельства и более значимые для композитора. Все начинается с детства. По словам Щедрина, в его семье отношение к русской православной культуре было глубинным и искренним. Вся семья происходит из духовенства. Дед служил священником в маленьком городке Алексин Тульской губернии на Оке. Он пользовался большим уважением прихожан: даже тропинку к церкви, где он отправлял службу, окрестили «щедринкой». Отец

Щедрина и семь его братьев окончили Тульскую духовную семинарию. Самый старший брат Иван Михайлович (дядя композитора) впоследствии в ней же преподавал и служил регентом. Все сыновья священника из Алексина были одарены яркими музыкальными способностями, но только один – Константин Михайлович, отец Родиона Щедрина – стал профессиональным музыкантом-педагогом, окончив Московскую консерваторию. Мать композитора Конкордия Ивановна была глубоко верующим человеком и воспитывала своих детей в духе православия, хотя в советском тоталитарном государстве это было непросто. Такова вкратце история семьи, которая способствовала становлению его личностных и профессиональных качеств композитора. Очевидно, что они проявились со временем в его музыкальных замыслах.

На этом не завершается духовное воспитание композитора. Было еще обучение в Московском хоровом училище А. Свешникова, куда мальчика приняли в 1944 году. Щедрин вспоминал, что там была пройдена почти вся хоровая музыка, преимущественно духовная. Причем Свешников, сильно рискуя, обращался к духовным произведениям русских композиторов – Д. Бортнянского, П. Чайковского, С. Рахманинова, П. Чеснокова, А. Гречанинова, А. Кастальского. Во избежание репрессий, Свешникову приходилось заменять слова церковных молитв на какие-нибудь ничего не значащие подтекстовки. Аналогично поступали с исполнением песнопений О. Лассо, духовных кантат И. С. Баха, фрагментов ораторий И. Гайдна, библейские тексты которых специально переводились на русский язык, причем переводы отличались немногословием. Цель Свешникова, однако, была достигнута – ученики впитали особую возвышенную поэтику и молитвенную атмосферу хоровой духовной музыки, усвоили интонационный строй русских православных песнопений, научились понимать особенности таких непреходящих явлений,

как знаменных распев и партесное пение. Позже, будучи уже зрелым композитором, Щедрин осмысливал структуру и жанровый состав православной литургии, что привело его к созданию «Запечатленного ангела».

Музыкальные произведения, созданные в наше время и обращенные к православным традициям, либо прямо принадлежат к культовому обиходу и предназначены для храмового пространства, либо интерпретируют духовные тексты и напевы (подлинные или стилизованные) в условиях светских жанров и концертного исполнения. Сочинения Щедрина относятся ко второму роду. «Стихира...», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник» и «Боярыня Морозова» – те композиции, где связи с православной культурой особенно очевидны. Симптоматично, что два произведения написаны на сюжеты Лескова. В них реализуется удивительное слияние православного мирозерцания писателя и композитора, во многом сформированного в детстве. Предки Лескова тоже были священниками.

Одно из самых последних соприкосновений Щедрина с православной темой – «Боярыня Морозова» – «русская хоровая опера» по определению автора. На самом деле, в ней нет оркестра, только труба и группа ударных. Зато хор – и участник, и комментатор событий, и средство звукописи. Не потому ли опера названа «хоровой», что в православных церквях запрещено использование музыкальных инструментов? В ответах на вопросы журналистов Р. Щедрин отмечал, что история старообрядчества в России чрезвычайно противоречива, и он очень давно хотел подступить к этому сюжету. В качестве литературной основы произведения взяты церковные книги «Житие протопопа Авакума им самим написанное» и «Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марьи Даниловой». Помимо других источников, огромную роль для Щедрина сыграла книга, изданная

в 1971 году в Мюнхене на русском языке: С. А. Зеньковский «История старообрядчества в России»¹.

Основываясь на четырех наиболее значимых сочинениях композитора этой линии творчества, но и не ограничиваясь ими, очертим контуры, организующие «территорию сакрального» в опусах Щедрина.

1. В первую очередь, это сюжет или замысел, который стимулирует поиски композитора в области, если не церковной музыки как таковой, то, во всяком случае, тяготеющей к ней.

2. Все названные произведения имеют непосредственную (или опосредованную, как в «Стихире») связь с каноническим текстом (или текстами). Хотя есть эпизоды в «Очарованном страннике» и «Запечатленном ангеле», где Щедрин использует тексты из произведений Лескова, но это все же молитвы, только молитвы, сотворенные в сознании народа русского, православного. К примеру, текст «Ангел Господень, да прольются стопы твоя», на котором строится I и IX части хорового цикла Щедрина, взят не из церковнопевческой книги, а из 6-й главы повести Лескова (молитва кузнеца Мароя); а молитва Ивана в татарском плену – один из выразительнейших эпизодов оперы «Очарованный странник» – также построена на фразах писателя.

3. Органичная и стабильная жанрово-интонационная модель в музыке Щедрина – это знаменный распев. Цитированный только единожды, этот феномен древнерусского певческого искусства, тем не менее, постоянно присутствует в сочинениях Щедрина в виде интонационных моделей-попевок, причем в сочинениях в полной мере светских, концертных и даже не связанных по замыслу с религиозной тематикой. Например, пьеса

¹ Недавно этот труд вышел в России: Зеньковский С. А. Русское Старообрядчество. – М., 2006. – Т. I и II. – 688 с.

«Знаменный распев» в фортепианном цикле «Тетрадь для юношества» или интонации знаменного распева в «Автопортрете» и «Звонах». В обращении Щедрина к древнерусскому церковному пению хотелось бы особенно подчеркнуть тонкое чувство стиля композитора. В круговерти и суматохе конца XX и начале XXI века автор умеет проникнуть в несуетный немятежный, тихий и умиротворенный круг древнерусской монодии с ее особым отношением к звуку.

4. Важная составляющая часть звукового мира Щедрина – колокольные звоны, интерпретируемые в самых разнообразных тембровых красках. То композитор вводит в партитуру настоящие церковные колокола («Очарованный странник»), то имитирует их звучание разными инструментами – фортепиано («Русские трезвоны» из «Тетради для юношества», II часть Четвертого фортепианного концерта), струнным оркестром («Российские фотографии»). Здесь остается вспомнить колокольность С. Рахманинова, столь многообразно переданную тембровым колоритом рояля.

5. Наконец, еще одна, казалось бы, неожиданная составная часть православной линии творчества Щедрина (но если знать родословную композитора, то она не выглядит столь уж неожиданной) – это ориентация на драматургию, смысл и суть церковной литургии. Это происходит только в одном произведении, так и названном «Русская литургия», которая, однако, не в полной степени соответствует канонам православной службы и вряд ли сможет принадлежать религиозному культовому обиходу. Но автор и не стремится к этому в своем желании выразить духовную семантику православной литургической службы с концертной сцены.

В результате, все произведения Щедрина, в большей или меньшей степени связанные с православной духовной культурой, в свою очередь, группируются вокруг определенных

образно-содержательных ориентиров. Отметим главные:

- интерес к древнерусскому певческому и иконописному искусству («Поэтория», «Знаменный распев» из «Тетради для юношества», «Казнь Пугачева», «Стихира на 1000-летие Крещения Руси», «Фрески Дионисия», «Запечатленный ангел», «Очарованный странник»);

- поэтика колокольного звона в инструментальной и вокальной музыке (Второй концерт для оркестра «Звоны», «Поэтория», «Русские трезвоны» из «Тетради для юношества», «Казнь Пугачева», II часть Четвертого фортепианного концерта, «Российские фотографии» IV часть);

- творчество Н. Лескова («Запечатленный ангел», «Очарованный странник»);

- старообрядчество в русском православии («Запечатленный ангел», «Боярыня Морозова»).

Особенно многочисленную группу образуют произведения Щедрина, связанные с фольклорными истоками. Музыкально-этнографическая экспедиция консерваторских лет в Вологодскую область и неофольклорная волна в отечественной музыке 50–60-х годов – первые стимулы к возникновению этого направления в его творчестве. Были еще и впечатления детства с поездками в Алексин и вслушиванием в переключки пастушьих свирелей за рекой. Ранние произведения композитора ошеломляют настроенного на серьезный лад слушателя задорными частушечными мотивами, ворвавшимися в академические музыкальные жанры (Первый фортепианный концерт, Первая симфония, «Озорные частушки», «Не только любовь»). Казалось бы, неофольклорная волна была исчерпана в творчестве Щедрина 50–60-х годов. Действительно, в 70–80-е годы фольклорные прообразы уходят на второй план, проявляясь лишь в отдельных сочинениях: «Русские деревни» и «Стирала женщина белье» для смешанного хора, пьесы из форте-

пианного цикла «Тетрадь для юношества». В произведениях Щедрина 90-х годов это направление раскрывается в другом качестве и вновь становится одним из приоритетных для композитора. Контакты с народным творчеством становятся более разнообразными, и фольклорная линия принимает различные содержательные формы:

1) произведения, замыслы которых изначально ориентированы на использование народно-песенного музыкального материала, подлинного и стилизованного («Хороводы», «Величание», «Четыре русские песни», «Очарованный странник», пьесы «Деревенская плакальщица» и «Величальная» из цикла «Тетрадь для юношества», фортепианная транскрипция «Частушки», «Таня-Катя»);

2) русская сказка в творчестве Щедрина (Третья симфония «Лица русских сказок», мюзикл «Нина и 12 месяцев», «Хрустальные гусли», «Ледяной дом»);

3) звучание свирели и наигрышей пастухов («Три пастуха», «Вологодские свирели», «Пастораль», «Музыка издалека», Виолончельный концерт, «Запечатленный ангел», «Очарованный странник»).

Ощутимо расширяется круг фольклорных жанров, отраженных в произведениях Щедрина последних десятилетий. Кроме частушки и плача появляются плясовая, хороводная, игровая, обрядовая-величальная, былина, протяжная лирическая песня, ста-

ринный русский романс городской народно-песенной традиции, кант, инструментальный наигрыш. В начале нового столетия, на новом витке развития отечественного музыкального искусства, композитор пытается вернуться к наиболее архаичным пластам, национальным истокам, из которых берет начало полноводная река великой русской музыкальной культуры.

Русская тема – одна из главных констант творчества Щедрина, источник сюжетов, образов и музыкально-языковых средств. Русское начало неотделимо от творческой индивидуальности композитора. Примеры воплощения Щедриным православной и фольклорной тем в своем творчестве весьма различны. В одном случае он акцентирует сюжет (житийная история или художественная проза Лескова, русская народная сказка), в другом – его волнуют исключительно музыкальные ориентиры (знаменный распев, колокольный звон, жанры частушки, плача, хороводных песен). При всем этом очевидно одно – Щедрин наследует лучшие традиции русской музыки. Его творчество уже стало важным продолжающим звеном в цепочке Глинка – Балакирев – Мусоргский – Римский-Корсаков – Чайковский – Лядов – Танеев – Рахманинов – Свиридов – тех композиторов, кто не мыслил себя и свою музыку в отрыве от величайших достояний русской народной и православной культуры.

УДК 78.08

С. С. Гончаренко

ФРАКТАЛЫ В МУЗЫКЕ КЛОДА ДЕБЮССИ

В статье рассмотрены фракталы в композициях К. Дебюсси – симметрия подобия, которую обеспечивают конструктивные функции отдельных звуков, интервалов, созвучий, кратких мотивов. На микроструктурах строятся остинатные блоки, разветвления на страты в музыкальной ткани, неполные и нерегулярные репризы. Показано, что программность Дебюсси, которая отражает идею множественной дробности во времени и пространстве, имеет и предшественников, и продолжателей.

Ключевые слова: программность, композиция, фрактал, микроструктура, мультипликация, остинато, итерация

S. S. Goncharenko

FRACTALS IN MUSIC OF CLAUDE DEBUSSY

The article focuses on the fractals in music of C. Debussy, symmetry of similarity created by constructive functions of separate sounds, intervals, chords, and short motifs. Blocks of ostinato, branching on strata in musical texture, reduced and irregular reprises are based on microstructures. The author assumes that Debussy's program style, which reflects the idea of fractional multiplication of time and space (chronotope), has both: predecessors and followers.

Keywords: Program, composition, fractal, microstructure, multiplication, ostinato, iteration.

*Музыка – математика таинственная,
и элементы ее входят в состав Бесконечности.
К. Дебюсси*

Одна из позитивных сторон воздействия научно-технического прогресса на искусство и искусствоведение, в том числе на музыковедение, состоит, на наш взгляд, в его кларитивной функции. Многое из того, что композиторами-новаторами найдено интуитивно и с позиции традиционной теории музыки не поддается удовлетворительному объяснению, может быть осмыслено при обращении к опыту смежных искусств, получивших развитие в XX столетии, например экранных искусств. В частности, метод анализа монтажного принципа в музыкальной композиции, представленного в творчестве И. Стравинского, Г. Канчели, Р. Щедрина, других крупнейших мастеров современности, складывается на основе внимательного изучения творческого наследия С. Эйзенштейна. Теоретически обосновывая принцип монтажа, широко используемый им в практике, кинорежиссер приводит многочисленные примеры из литературы и искусства прошлых эпох. Предпосылки монтажной техники он видит в природе «чувственного мышления», априори присущего человеку и определяющего специфику восточного сознания, естественно дополняемого мышлением логическим, особенно развитым в европейской культуре.

Сегодня, благодаря открытиям в естественных науках, внедрению в сферу творческой деятельности компьютерных технологий проявляются принципы, ранее откристаллизовавшиеся в авангардных музыкальных направлениях прошлого столетия. Так, творческую мысль композиторов и музыковедов стимулирует открытие *фракталов* и их использование в компьютерной графике [2]. Понятие «фрактал» (от лат. fractus – дробленный) было введено в 1975 году математиком Бенуа Мандельбротом для обозначения структур, состоящих из частей, «которые в каком-то смысле подобны целому» [1]. Весьма сложные объекты, «создание которых невозможно без помощи компьютера, привлекают неизменный интерес людей, чрезвычайно от математики далеких, привлекают своей завораживающей и повторяющейся красотой, подобной очарованию сменяющих друг друга картинок в детском калейдоскопе. Последования сходных изображений погружают зрителя в волшебный ирреальный мир, кружат голову идеей **бесконечного повторения, тождества и подобия** – в масштабе, пространстве и времени» (там же, выделено мной. – С. Г.).

В настоящее время фрактальный подход применяется в физике, химии, синерге-

тике, литературоведении и других науках. В музыкознании его использование направляет к обоснованию «особого ощущения пространства и времени, бесконечно длящегося», которое создается средствами сверхмногоголосия, микрополифонии и сонористики [6, с. 156]. Среди композиторов, начавших последовательно разрабатывать творческие идеи, которые привели к подобным результатам, в числе первых называют имя Клода Дебюсси [Там же, с. 155].

Музыкальное целое создавалось Дебюсси на основе тончайших наблюдений за процессами, происходящими в объективном мире: в явлениях природы, искусства, театральных, балетных сценах или цирковых номерах. Он категорически отрицал типизированные классические формы, называя их «административными». Произведения его воспринимались, а порой воспринимаются и сейчас, как аморфные, лишённые четкой структуры. Однако сам композитор неоднократно подчеркивал свое стремление к точности высказывания, для него особенно важны были «ясность и собранность в выражении и форме» [8, с. 57]. Добиваясь тщательно отделки музыкальной композиции, он несколько дней мог размышлять о том, стоит ли вернуть в партитуру два – три такта, прежде им самим исключённых. Об этом он неоднократно писал издателям своих сочинений (см., например, письмо к Ж. Дюрану от 22 июля 1915 г. [4, с. 236]).

Поразительно сходство творческих установок композитора с мыслями Б. Мандельброта. Оно определяется их пиететом к природе, осознанием ее объективной многомерности, бесконечности каждого элемента. Композитор призывал музыкантов следить за движениями стихий: воды, воздуха, огня, улавливать тончайшие оттенки этих движений, прислушиваться к космическим вибрациям. «Музыка ответственна за движение вод, за игру воздушных течений, колеблемых изменчивым ветром, нет ниче-

го музыкальнее солнечного заката! Для тех, кто умеет смотреть с волнением, – это самый прекрасный урок развития материала, урок, записанный в книге, недостаточно изучаемой музыкантами, – я имею в виду книгу Природы...» [8, с. 140].

В апелляции к природе в ее первозданности как источнику вдохновения Б. Мандельброт словно солидаризируется с К. Дебюсси. Основоположник фрактальной геометрии называет свою теорию «морфологией бесформенного» [3]. Для Б. Мандельброта: «облака – не сферы, горы – не конусы, береговые линии – не окружности, древесная кора не гладкая, молния распространяется не по прямой». Он утверждал, что «многие объекты в Природе настолько иррегулярны и фрагментированы, что по сравнению с Евклидом (термин, который в его работе означает всю стандартную геометрию. – С. Г.) Природа обладает не просто большей сложностью, а сложностью совершенно иного уровня. Число различных масштабов длины природных объектов для всех практических целей бесконечно» [там же]. Произведения К. Дебюсси, рассмотренные на уровне микроструктур, также предстают своеобразно упорядоченными, глубоко продуманными, совершенными. К ним вполне применимо высказывание Б. Мандельброта: «При фрактальном подходе хаос перестает быть синонимом беспорядка и обретает тонкую структуру». Их строжайшую конструктивную логику доказывают исследования последнего времени [5; 9; 10].

В теории Мандельброта фрактал – это «бесконечно самоподобная геометрическая фигура, каждый фрагмент которой повторяется при уменьшении масштаба» [12]. Главными свойствами фракталов называют следующие: 1) дробление объектов бесконечно, содержит произвольно малые величины; 2) многоуровнево проявление **симметрии подобия**, она наблюдается и в равновеликих объектах дробления, и в масштабно соизмеримых; 3) возможна и точность пропорций

фракталов, и приближительность, также, как регулярность и нерегулярность в их распределении.

Все эти свойства обнаруживаются в музыкальном формообразовании К. Дебюсси. Одно из проявлений фрактальности у Дебюсси допустимо определить как **принцип мультипликации**. В данном случае имеется в виду видение мира как бы через «множества», сквозь призму дробной множественности объектов. Мультипликация афиширована автором в программных обозначениях его произведений, многие из которых являются существительными во множественном числе. Необычайная импрессионистическая образность на долгое время словно «заслонила» для многих музыкантов и любителей музыки конструктивную функцию такой программности Дебюсси.

Метод «умножения» в оформлении целого из ряда подобных друг другу составляющих проявляется на нескольких уровнях:

1. В программных названиях циклических произведений или сборников.

2. В программных названиях отдельных самостоятельных пьес, или пьес, входящих в сборник или цикл.

Заглавия подчеркивают некое подобие, объединяющее пьесы разного характера, которые имеют, тем не менее, общую основу. Многоуровневое подобие в корреляции сходного в программности, музыкальной драматургии и композиции существенно отличает циклы Дебюсси как от сонатно-симфонической цикличности, так и от сюитной. Оно придает произведениям Дебюсси единство на основе изоморфизма. Как правило, в одном произведении имеется два уровня корреляции подобного. В симфоническом триптихе «Образы» – три уровня подобия: его вторая часть «Иберия» состоит из трех частей. Следующая таблица, иллюстрирует описанную закономерность.

Таблица 1

Программные названия Дебюсси

Названия циклов	Названия пьес в циклах
Симфонические циклы	
<i>Ноктюрны</i>	<i>Облака. Празднества. Сирены</i>
<i>Море – симфонические эскизы</i>	<i>От зари до полудня на море. Игра волн. Диалог ветра и моря</i>
<i>Образы</i>	<i>Печальные жиги. Иберия (По улицам и дорогам. Ароматы ночи. Утро праздничного дня). Весенние хороводы</i>
Фортепианные циклы	
<i>Прелюдии</i> (из 24-х 10 названий во множественном числе)	<i>1. Дельфийские танцовщицы. 2. Паруса (Покрывала). 4. Звуки и ароматы. 5. Холмы Анакапри. 6. Шаги на снегу. 12. Менестрели. 13. Туманы. 14. Мертвые листья. 16. Феи – прелестные танцовщицы. 23. Чередующиеся терции</i>
<i>Этюды, Арабески</i>	
<i>Эстампы</i>	<i>Пагоды. Сады под дождем</i>
<i>Образы. 1 тетрадь</i>	<i>Отражения</i>
<i>Образы. 2 тетрадь</i>	<i>Колокола сквозь листву. Золотые рыбки</i>
<i>6 античных эпиграфов. Ящик с игрушками</i>	
<i>«Галантные празднества»</i>	<i>№ 1. Простушки</i>
<i>Вне цикла</i>	<i>Маски (пьеса для фортепиано). Балет Игры</i>

Если в названии пьесы существительное дано не во множественном, а в единственном числе, оно все-таки таково, что вызывает пространственные ассоциации, образы, складывающиеся из многих повторяющихся элементов. Это детали портрета – длинные девичьи волосы «цвета льна», пейзажа – ветки кустарника; это движение воздушных масс, рождающее колыхание трав на равнине, шелест листвы деревьев; это потоки воздуха, разносящие ароматы и звуки, вызывающие легкое колыхание водной глади или вздымающее морские волны во время шторма; это разноцветные букеты и клумбы из огней фейерверка, которые гаснут, раскрашивая синеву вечернего неба, струи света, стремительно взлетающие и медленно падающие.

Показательны краткие вербальные авторские ремарки в нотном тексте, которые передают утонченность в восприятии окружающего мира и подчеркивают фрактальность аудиального и визуального образов: «безгранично многообразный ритм моря», «рассыпающийся смех сирен», «пляшущий ритм атмосферы», «смешение музыки со светящейся пылью», «видение, «проходящее сквозь праздник и сливающееся с ним», «тихо и печально плывущие облака» и пр.

В музыке многоуровневая фрактальность проявляется, прежде всего, в тематической множественности композиции. Число самостоятельных темообразований в миниатюрах Дебюсси, как правило, не менее трех, но порой оно приближается к десяти (в прелюдиях *Терраса свиданий при лунном свете* их 5, *Фей – прелестные танцовщицы* – 8). В крупных композициях их гораздо больше. *Прелюдия к полуденному отдыху фавна* имеет 9 темообразований, *Ароматы ночи* – 12, *Весенние хороводы* – 15, *Игры* – 16).

На первый взгляд, техника распределения тематических элементов напоминает patchwork – лоскутное шитье. Сопоставление

кратких фрагментов в их последовательности или в одновременности не случайно характеризуется исследователями как монтаж [5; 7]. Так, Э. Денисов описывает монтаж трех мотивов в прелюдии *Паруса*. К группе монтажных он относит прелюдии *Ветер на равнине*, *Что видел западный ветер*, *Туманы*, *Прерванная серенада* и другие. Однако на поверку оказывается, что сопоставляемые элементы имеют общую звуковысотную основу. В качестве «строительного материала» композитор использует простейшие элементы звуковысотной организации – отдельный звук, конструктивный интервал или небольшой набор конструктивных интервалов, созвучие, группу созвучий. Различные по ритмическому и фактурному оформлению тематические элементы базируются на одном звукоряде (целотонике в прелюдии *Паруса*) или наборе из нескольких конструктивных интервалов (ч. 5 и м. 2 в прелюдии *Фей – прелестные танцовщицы*, ум. 5, ч. 5, м. 2, б. 2 в прелюдии *Фейерверк* и т. д.). Из них «произрастают», «собираются» все детали отдельных частей и целого.

Прямые ассоциации с фрактальными геометрическими фигурами вызывает специфически используемый Дебюсси принцип **остинато**. В текучей музыкальной ткани особое значение приобретают оstinатные блоки, построенные на повторении отдельного звука или звука, дублированного в какой-либо интервал (секунду, терцию, квинту, октаву) или ритмофактурной формулы, представленной в виде фигурации. На основе оstinато выстраиваются многослойные комплексы – полиостинатные блоки. Границы между ними определяются по смене оstinато, перемене функций фактурных компонентов. Такова конструктивная роль оstinато.

Вся композиция выстраивается порой как цепь оstinатных блоков, благодаря чему устанавливается подобие ее разделов. Вари-

рование остигато в гармонических, ритмических, мелодических фигурациях организует динамический профиль формы. Оркестровая фактура меняется у Дебюсси буквально через несколько тактов, каждый из слоев полиостинатного блока, образующий самостоятельный фактурно-ритмический рисунок, в любой момент может разделиться, гетерофонно «разветвиться» на голоса или слои, производность которых очевидна.

Пристрастие к применению *divisi* – специфическое качество в оркестровой фактуре Дебюсси. Яркий пример *Сирены* – третья часть *Ноктюрнов*, где композитор применяет прием «умножения голосов», разделяя, расщепляя музыкальную ткань на семь, восемь и более слоев. Кроме общепринятых *divisi* первых и вторых скрипок и альтов он применяет *divisi* виолончелей и контрабасов (тт. 40–53, 59–66, 83–90). Используя характерный тембр валторн, он поручает самостоятельные партии трем и четырем валторнам (тт. 46–47, 61–62, 65–80, 101–111). Он трактует голос как инструментальный тембр в звучании восьми сопрано и восьми меццо-сопрано, разделяя их на группы. Причем смена группировок соответствует смене кратких тематических элементов. Тембровое варьирование, сочетание в одновременности нескольких близких по тембру голосов и слоев либо ритмическое орнаментальное варьирование в разных голосах и слоях одной звуковысотной формулы создают мерцающее, вибрирующее звучание.

Возрастание (путем разветвления) числа слоев, планов, пластов или их последовательное сокращение выполняют динамическую, развивающую функцию. Форма произведений, построенная как цепь последовательных остигатных блоков на нескольких родственных темообразованиях, имеет генезис в двухтемных и многотемных классических вариациях (*Затонувший собор*, *Фейерверк*,

Сирены). Правда, в них не действует такая номенклатурная для классико-романтической музыки структурная единица, как период. Техника остигатности Дебюсси, базирующаяся на повторении и варьировании микроячеек, поистине виртуозна и, в известном смысле, предвосхищает репетитивность в паттерновых композициях минималистов.

Благодаря объединяющей роли звуковысотности в развертывании формы господствует симметрия подобия. Она проявляется в унификации горизонтали и вертикали, в стирании различий между фоном и рельефом в фактуре, в плавных «перетеканиях» фона в рельеф и обратно, в интонационном родстве коротких мотивов, фраз и протяженных мелодических линий. Принцип итерации, состоящий в процедуре повторения некоторых явлений или действий, которая дает похожие результаты, но не всегда одинаковые, например, увеличивающиеся или уменьшающиеся в масштабах, в музыке Дебюсси выражается не только в подобии друг другу частей целого, связанных принципом остигатности (*Шаги на снегу*). Стоит специально отметить характерное для формообразования Дебюсси функциональное подобие разделов. Нанизывание тематического материала, его рассредоточенность по всей композиции сглаживает разницу между участками начального экспонирования и серединными разделами. Новые темообразования могут внедряться в завершающие этапы формы.

Симметрия подобия проявляется также в соотношении частей и целого. На композиционном уровне – в крупных масштабах, в строении всей пьесы наблюдается воспроизведения абриса формы, заявленной на этапе экспонирования. Например, в прелюдии *Ундина* – это рондообразность, в прелюдиях *Паруса*, *Терраса свиданий при лунном свете* – зеркальная симметрия.

В композициях Дебюсси важны и периодичность тематического повтора, создаю-

щего черты трехчастной формы или формы рондо, и зеркальная симметрия, характерная для концентрической формы. Однако правилом является нерегулярность повторений рефрена, частичные (редуцированные) или смешанные репризы. Репризные участки отличаются от экспозиционных значительным сокращением материала, порой какой-либо участок представлен лишь характерными «микроэлементами»: кратким мотивом, деталью фактуры в виде фигурации или трели и пр. Типичны перестановки и новые сочетания микротематических ячеек (прелюдии *Паруса*, *Терраса свиданий...* и др.).

В таких прелюдиях, как *Дельфийские танцовщицы*, *Ундина*, логика тематического процесса отражает движение от дробных построений к более крупным. Протяженные мелодические линии появляются только в центральных разделах. Далее возможен обратный путь – раздробление на множество мелких тематических ячеек. Фрактальный принцип служит воплощению характерного для Дебюсси драматургического комплекса: «рождение – существование – угасание» [11].

Свойственная музыке Дебюсси визуально-пространственная ассоциативность имеет глубокие национальные корни. Дробная множественность видимого пейзажа воплощается в живописи французских художников – современников композитора, например, в дивизионизме Ж. Сера, пуантилистичности его пейзажей. Многократная повторяемость сходных образов типична для современной композитору поэзии. Она проявляется в названиях поэтического цикла *Галантные празднества* П. Верлена, стихотворения *Волосы* П. Луиса, *Полевые цветы* А. Широ. В каждой из строф стихотворения П. Верлена *Лунный свет*, на текст которого написан романс Дебюсси, по два существительных во множественном числе: маски, тени, птицы, водные струи.

Твоя душа – акварельный пейзаж,
Где бродят пленительные маски,
Под звуки лютни томно танцуют –
То тени из чудесной сказки...

В спокойном блеске – нега и печаль,
Дремлющих птиц наполняет истома;
Взметаясь, с плачем падает эмаль
Огромных струй на мрамор водоема.

Во французской музыке есть и более ранние предтечи и аналоги подобного взгляда во внешний мир, который предстает как совокупность бесчисленных множеств. Эпоха французских клавесинистов Ж. Ф. Рамо, Ф. Куперена дает немало ярких примеров программности подобного рода: у Ж. Ф. Рамо – через связи с балаганными ярмарочными представлениями, у Ф. Куперена – с придворными церемониями, праздниками, балами и карнавалами.

Карнавалы, шествия, вереницы персонажей наполняют купереновские сюиты (orders). Множественность, возведенная в степень – типичная черта его творчества. Идея множественности как основной структурный принцип композиции проявляется в его музыке, как и у Дебюсси, на нескольких уровнях. Общее количество сюит – 27. Число частей в сюитах порой также превышает два десятка. В сюите часто сочетаются черты смешанной циклизации: она включает номера, обозначенные как танцы, а также пьесы с программными названиями. Танцевальная и программная «сюиты в сюите» могут представлять самостоятельные субциклы. Большая часть пьес построена как многочастное рондо. Характерны и их программные названия. В некоторых случаях аналогии с названиями произведений Дебюсси совершенно очевидны. В предлагаемой ниже таблице приведены, главным образом, пьесы Ф. Куперена, только в двух случаях фигурируют пьесы Ж. Ф. Рамо. Имя композитора в этих случаях заключено в квадратные скобки.

Таблица 2

Программность французских клавесинистов и Дебюсси

Каталогизируемые элементы	Французские клавесинисты	Дебюсси
Карнавалы, праздники, танцы	<i>Развлечения монастыря Сен-Жермен (1 ор.). Развлечения (7 ор.). Вакханалии (4 ор.). Безумства или маски Домино (11 ор.)</i>	<i>Празднества, Весенние хороводы. Маски</i>
Групповые портреты 1. Персонажи, объединяемые по роду занятий, служители культа 2. Артисты 3. Мифологические, фантастические и аллегорические персонажи 4. Пейзажи	<i>1. Матросы из Прованса (3 ор.). Жнецы (6 ор.). Пряильщицы (11 ор.). Попы и попады (19 ор.). Весталки (16 ор.). 2. Артисты (19 ор.). Жонглеры, Акробаты (11 ор.). 3. Циклопы [Рамо], Амазонки (10 ор.). Блуждающие призраки (25 ор.)</i>	<i>2. Менестрели. 3. Сирены. Феи – прелестные танцовщицы</i>
5. Движения природных стихий: воды, воздуха	<i>4. Цветущие фруктовые сады (15 ор.). Тростники (13 ор.). Бабочки (2 ор.), Мошки (6 ор.). 5. Испарения (15 ор.). Волны (5 ор.). Вихри [Рамо]</i>	<i>4. Сады под дождем. Облака. Холмы Анакапри. Шаги на снегу. Мертвые листья. Колокола сквозь листву. 5. Море. Что видел западный ветер. Ветер на равнине. Звуки и ароматы в вечернем воздухе реют. Золотые рыбки</i>
6. Продукты деятельности человека, игрушки	<i>6. Украшения (5 ор.). Маленькие ветряные мельницы (17 ор.)</i>	<i>Пагоды. Дельфийские танцовщицы. Ящик с игрушками</i>

Общим для Куперена и Дебюсси является объективированный отстраненный подход в наблюдениях за окружающими реальными явлениями и предметами. Человек предстает либо на сцене: в балете, театре, в эстрадно-цирковом представлении, либо в изображении на старинном барельефе. Он, как правило, в маске (*Менестрели, Маски*) или одет для танца (*Дельфийские танцовщицы*). Но, в отличие от Куперена, образы людей у Дебюсси еще дальше от реальности. Часто объектив камеры словно установлен вдалеке, она снимает человека в атмосфере праздничного гулянья, шествия – в толпе, в хороводе, на улицах, дорогах, площадях. Фигура человека предстает как дробная часть

общего, в праздничном шуме, в светящейся пыли фейерверка.

Как утверждает Л. Кокорева, автор недавно вышедшей в свет отечественной монографии о французском композиторе, «карнавальная поэтика» – одно из проявлений художественного сознания Дебюсси [9, с. 12]. Она считает, что для «XX века Дебюсси оказался пророком новой эстетической концепции, в которой мир карнавала стал предметом философского осмысления и художественного преломления» [Там же, с. 302].

Найденные им композиционно-драматургические принципы «прорастают», «ветвятся» в музыке последующих поколений композиторов. Принцип циклической фор-

мы, построенной на основе «умножения», почти в одно время с Дебюсси, продолжает молодой К. Шимановский. Двухуровневую дробную множественность, хотя и не столь последовательно, как у Дебюсси, имеют его фортепианные произведения: *Метопы* (1. *Остров сирен*. 2. *Калипсо*. 3. *Навсикая* – 1915); *Маски* (1. *Шехерезада*. 2. *Шут Тантрис*. 3. *Серенада Дон Жуана* – 1915); и камерно-ансамблевые: *Мифы* – 3 поэмы для скрипки и ф-п. (1. *Фонтаны Аретузы*. 2. *Нарцисс*, *Дриада и Пан* – 1916).

Традиции Дебюсси в разветвленности тематического развития, многослойности фактуры развиты Б. Бартоком, И. Стравинским. Всепроникающее значение для формообразования принципов оstinatности и полиостинатности, уже в новом качестве, демонстрирует творчество О. Мессиана. Но, пожалуй, последовательнее всего, как в отношении содержания программы, так и в конструктивном отношении, красочно-колористические новации Дебюсси, его визуально-пространственная образность воплощается в творчестве Д. Лигети. Приведем названия его произведений: *Glissandi*, *electronic music* (1957), *Apparitions* (*Видения* – 1959), *Atmosphères* (*Атмосферы* – 1961), *Aventures* (*Приключения* – 1962), *Nouvelles Aventures* (*Новые приключения* – 1965), *Harmonies* (*Гармонии* – 1967), *Ramifications* (*Разветвления* – 1969),

Melodien (*Мелодии* – 1971), *Clocks and Clouds* (*Часы и облака* – 1973), Симфоническая поэма для 100 метрономов (1962).

Декларирование множественного характера музыкальной образности в программных заголовках подкрепляется у Лигети сложнейшей техникой мультипликации в фактуре сверхмногоголосия. Разумеется, и программность, ориентированная скорее на виртуальное, чем на реальное пространство, и композиторская техника микрополифонии Д. Лигети несут в себе уже новые качества фрактальности.

«Музыка и поэзия – единственные искусства, движущиеся в пространстве... <...> мне кажется, что в этой мысли заложены возможности мечты для будущих поколений», – писал К. Дебюсси [8, с. 33]. Этими словами он предсказал, в сущности, тенденцию к аудиовизуальному творчеству, свидетелями бурного развития которого мы являемся. Расслоение в **mix-art проектах** художественного целого на текстовые страты, дополняющие друг друга, отражают уже новое многоаспектное мировидение на рубеже XX–XXI столетий. И в содержательно-смысловом плане, и в композиционно-структурном идея множественной дробности Клода Дебюсси находит продолжение в художественном творчестве наших дней.

Литература

1. Бонч-Осмоловская Т. Фракталы в литературе: В поисках утраченного оригинала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liter.net/=Bonch-Osmolovskaya/>
2. Волошинов А. В. Красота фракталов и фрактальность красоты // Электроника. Музыка. Свет: Мат-лы межд. науч. конф. – Казань, 1996. – С. 146–150.
3. Данилов Ю. Красота фракталов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_317.htm от 30.03.03.
4. Дебюсси К. Избранные письма. – Л.: Музыка, 1986.
5. Денисов Э. О некоторых особенностях композиционной техники Клода Дебюсси // Современная музыка и проблемы эволюции композиторской техники. – М., 1986. – С. 90–111.
6. Исакова Т. А. Музыкальное пространство-время во фрактальном измерении // Электроника. Музыка. Свет: Мат-лы межд. науч. конф. – Казань, 1996. – С. 150–156.

7. Исакова С. Клод Дебюсси: Образ пространства в музыкальном времени // Внемузыкальные компоненты композиторского текста. – Уфа, 2002. – С. 86–100.
8. Дебюсси Клод Статьи, рецензии, беседы. – М.; Л.: Музыка, 1964.
9. Кокорева Л. Клод Дебюсси. – М.: Музыка, 2010.
10. Лаул Р. Принципы формообразования в симфонических произведениях Дебюсси // Дебюсси и музыка XX века. – Л., 1983. – С. 39–63.
11. Цуканова О. Фактура Клода Дебюсси в его «Образах» для оркестра (дипломная работа). Московская консерватория. – 1974. Цит. по: В. Холопова. О прототипах функций музыкальной формы // Проблемы музыкальной науки. – М., 1979. – Вып. 4. – С. 20.
12. ru.wikipedia.org/wiki/Фрактал.

УДК 7

Д. В. Логунова

И. СТРАВИНСКИЙ И А. ОНЕГГЕР: МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья посвящена мелодраме «Персефона» И. Стравинского и драматической оратории «Жанна д'Арк на костре» А. Онеггера. Оба произведения представляют собой музыкально-театральные миксты, в которых драматическая декламация выступает на паритетных началах с музыкой. В статье рассматриваются новаторские черты в сюжетах, жанрах, функции декламации в музыкальной драматургии произведений.

Ключевые слова: мелодрама, драматическая оратория, декламация, мелодекламация, мистерия, сакрализация, жанровый микст.

D. V. Logunova

STRAVINSKY AND A. HONEGGER: MUSICAL AND THEATRICAL INNOVATIONS IN 1930S

The article is devoted to the melodrama «Persephone» by Igor Stravinsky and the dramatic oratorio «Jeanne d'Arc at the stake» by Arthur Honegger. Both works represent a mixed music and drama genre in which dramatic recitation stands on a par with music. The author considers the innovative features of plot, genre, and functions of the declamation in dramaturgy of these works.

Keywords: melodrama, dramatic oratorio, recitation, melodeklamatsiya, mystery, sacred, mixed genre.

Первая треть XX столетия представляет собой период активных исканий композиторов в области выразительных средств, техник композиций, музыкальных жанров. В этот период рождаются новые типы спектакля, включающие в себя синтез элементов из разных видов искусства. Этот процесс отчетливо обозначается во Франции,

где театральная жизнь приобретает широкий размах. Под воздействием тенденции к скрещиванию разных типов художественного творчества, среди которых особенно активным становится внедрение элементов драматического театра, преобразуются ранее сложившиеся и веками функционировавшие жанры музыкального искусства. Важную

роль в этом процессе играет внедрение в музыкальные произведения драматического текста – декламации.

«Интеграция речи и музыки» – ведущее направление в деятельности Онеггера, швейцарца по происхождению [1, с. 110]. Стравинский в ряде сценических произведений «русского периода» использует слово произнесенное. В 30-е годы XX века именно на французской почве реализовалось тяготение обоих композиторов к синтезу речевой декламации и музыки. Они создают сочинения, где сценическая речь органично вписана в музыкальную драматургию, и мастерство синтеза разных видов искусства отличается особой отточенностью – это «Персефона» (1934) Стравинского и «Жанна д'Арк на костре» (1935) Онеггера.

Оба произведения были созданы в Париже в атмосфере музыкально-театральных новаций. Они явились результатом сотрудничества композиторов с известной драматической актрисой и танцовщицей Идой Рубинштейн, которая стала первой исполнительницей заглавных партий в обоих произведениях. Их целостная художественная концепция складывалась также в сотрудничестве композиторов с известными французскими поэтами и драматургами, написавшими либретто: А. Жидом (для «Персефоны») и П. Клоделем (для «Жанны д'Арк»). Драматурги обращаются к «серьезным» сюжетам: в одном случае это миф, в другом – факты из французской истории; причем, события, положенные в основу сюжета, ими переосмысливаются. Центральной фигурой становится фигура женщины – мифическая либо историческая.

Миф о Персефоне, изложенный в гимне Гомера «К Деметре», в мелодраме реализуется в трех частях: I часть «Персефона похищенная», II часть «Персефона в преисподней», III часть «Возвращенная Персефона». Значительно переосмыслены события, о которых повествует Гомер. Перед слушателем-

зрителем разворачивается многократно повторяющаяся история о путешествии Персефоны с Земли в Подземный мир и обратно. Дочь Деметры становится главной героиней. В сценарии А. Жида она не похищается Плутоном, а добровольно уходит в другой мир. Снимая бытовые и комические сцены гомеровского гимна, помещая в центр событий Персефону, авторы мелодрамы тем самым акцентируют идею, заложенную в древнем мифе: «амбивалентного единства жизни и смерти» [2, с. 78], возрождения через смерть. В новой интерпретации миф приобретает черты классицистской драмы: главная героиня должна сделать выбор между чувством и долгом. Все происходящее преломлено через христианскую идею сострадания и самопожертвования во имя других.

В «Жанне д'Арк», состоящей из Пролога и 11 сцен, раскрывается трагическая судьба Орлеанской девы. П. Клодель «сосредоточил внимание на образе Жанны <...> преодолевающей зло, насилие, предательство силой своей любви к народу, к родине. Символический образ Жанны, разрывающей свои цепи в предсмертную минуту, стал драматургическим стержнем всего произведения» [3, с. 93]. Образ Жанны д'Арк раскрывается с разных сторон – эпической (как героини-освободительницы), лирико-психологической (как девушки с тонкой душевной организацией). Все события, и близкие по времени (суд, обвинения народа, разыгрывание судьбы Жанны в карты), и более отдаленные (коронование Карла, детство героини, осознание ею своей миссии), а также момент сожжения на костре – кульминационное завершение жизни девушки – преломлены через воспоминания той, которая стала после сожжения святой.

Общей в концепции двух произведений является идея жертвенности (в оратории Онеггера идея смерти ради других заложена в самой исторической основе сюжета, в «Персефоне» она привносится авторами

мелодрамы). Обобщенно философский план произведений связан с коловращением, создает параллели с явлениями природы. В мелодраме Стравинского уход дочери Деметры из земного мира и ее возвращение связаны с увяданием и расцветом природы. В оратории Онеггера приход весны олицетворяет возрождение надежды на объединение Франции и на ее победу над Англией в Столетней войне.

Под воздействием тенденции к скрещиванию разных типов художественного творчества, среди которых особенно активным становится внедрение элементов драматического театра, преобразуются ранее сложившиеся и веками функционировавшие жанры музыкального искусства. В рассматриваемых произведениях существенным является взаимодействие нескольких жанров, возникают «микстовые жанровые структуры». При этом «речевые и вокальные роли значимы в равной степени» [1, с. 111]. В то же время каждое из двух произведений содержит свой комплекс черт и приемов, заимствованных из нескольких видов искусства, в структуре каждого доминируют разные жанровые составляющие.

В идейно-художественной концепции и драматургии «Персефоны» объединены черты классической мелодрамы и романтической. От эпохи классицизма она унаследовала античный миф как основу сюжета, хор в роли комментатора событий, использование минимального количества главных персонажей. В произведении Стравинского участвуют один певец – тенор (жрец Эвмолп), четыре мимиста (Деметра, Триптолем, Плутон, Меркурий), декламирует главная героиня – Персефона. Черты мелодрамы XIX века проявляются в личностном аспекте в трактовке главного образа. Известные по историческим образцам особенности мелодрамы предстают у Стравинского в новом качестве.

Существенно обновляется интерпретация сюжета. Новым для жанра мелодрамы стало то, что на поверхность сценарной дра-

матургии выходит связь мифа с ритуалом. Композитор и либреттист воссоздали черты элевсинской мистерии в полифункциональности партии Эвмолпа и некоторых сюжетных мотивах. Мелодрама превращается в некое символическое действо о тайной связи между живым и мертвым миром, о физическом и духовном очищении. Нововведением Стравинского, помимо включения в мелодраму фигуры повествователя и жреца Эвмолпа, является трактовка хора не только как рассказчика, комментатора, но и как участника действия, вступающего в диалог с героиней (хоры нимф и хоры теней умерших).

В «Жанне д'Арк на костре» Онеггера – масштабном полотне о национально-освободительной борьбе французского народа и о героическом подвиге его дочери – ведущим является ораториальный жанр. Однако он также предстает в новом качестве. Произведение рассчитано на сценическое воплощение, в отличие от концертного жанра оратории. При весомой роли хора, центральным действующим лицом является Жанна д'Арк; образ народа раскрывается через взаимоотношения с ней. Повествование значительно динамизировано, что связано с экспрессивной подачей образа главной героини, с двойной функцией партии брата Доминика – не только повествующего о событиях (подобно евангелисту в «Страстях» или *testo* в итальянской кантате и оратории), но и активно вступающего в диалог с Жанной. Композитор отказывается от номерной структуры традиционной оратории в пользу сквозного развития драматического действия.

Как и в мелодраме Стравинского, в оратории Онеггера многие исследователи отмечают черты мистерии [3; 4]. Но в «Персефоне» – это элевсинская мистерия эпохи античности, которая представляла собой обряды инициации в культах богинь плодородия Деметры и Персефоны. Введенная по инициативе Стравинского партия жреца Эвмолпа соответствует роли иерофанта в обряде, название должности которого (*ta iera*

fainwn) в переводе с греческого указывает на обязанность показывать и объяснять посвященным таинственные святыни культа. Как и участники ритуала, жрец Эвмолп надевает маски, «озвучивая» мимирующих персонажей. Упоминания о морском берегу в конце II части и факеле в III части вызывают ассоциации с важными моментами мистерии – очищением посвященных в морских водах и факельным шествием.

В «Жанне...» присутствуют черты средневековой мистерии, в ней целая группа религиозно-мистических персонажей – это Святая Жанна, брат Доминик, Святые Маргарита и Катерина, Богородица. Подобно мистериям Средневековья в «Жанне д'Арк» происходит борьба добра и зла, столкновение сил небесных и адских, библейских действующих лиц, которые видятся Жанне, и враждебных ей сил. Из средневековой религиозной драмы перенесены в ораторию комедийно-сатирические сцены, свойственный некоторым мистериям принцип мультилингвизма, сосуществуют элементы язычества и христианской веры. На наличие мистерийных литературных форм в произведении Онеггера указывает Л. Раппопорт [3].

В обоих сочинениях в той или иной мере заложена идея перемещения из мира земного в мир богов (подземный в «Персефоне», небесный в «Жанне д'Арк на костре»). В связи с этим в них особую роль приобретает хроно-топ, характерный для мистерийного театра. В «Персефоне» Стравинского усиливается визуально-пространственный аспект во время видений противоположного мира, которые встают в воображении главной героини. В оратории Онеггера, помимо постоянных переключений из мира небесного в мир земной, авторами преднамеренно нарушается ход времени – сценическое развитие идет от поздних к более ранним событиям, а завершается произведение героической смертью Орлеанской девы. Порой возникает ощущение того, что в один момент спрессовано прошлое, настоящее и будущее.

Качественно новые черты традиционным музыкальным жанрам придает «значимость и эмоциональная мощь текста» (выражение П. Клоделя), произносимого актерами со сцены. В центре внимания авторов персонажи, показанные средствами драматического театра. Декламация (художественное произнесение текста) получает сквозное развитие на протяжении всего спектакля, активно внедряясь в музыкальную ткань. Драматическая игра, произнесенное декламационное слово – главные выразительные средства характеристики Персефоны и Жанны.

В произведении Стравинского средствами декламации характеризуется только одна героиня – Персефона. Приемы декламации выделяют ее среди других персонажей. Этот образ преподносится как некий объективный «абсолют» возвышенного утонченного плана (чему способствует и рафинированная инструментовка). Основная характеристика героини воплощена в музыкальной теме, сопровождающей декламационные высказывания Персефоны. Она представляет собой контрапунктическое сочетание двух элементов: нисходящих плавных мотивов, удвоенных в терцию, и мелодических фраз в диапазоне м. 10 из последовательности нисходящих ч. 4. Второй элемент представляет собой отдаленный вариант одной из составляющей комплекса «музыки ада», в остром пунктирном ритме, с широкими мелодическими ходами часто на диссонирующие интервалы, staccato, выдержанным органым пунктом в басу, тембром арфы, символизирующим смерть и холод.

Музыкальная тема Персефоны показывает героиню как дитя двух миров – земного и подземного. Она проводится лишь два раза, в ее первом и последнем монологах. Вместе с центральными монологами два монолога из крайних сцен на сюжетном и музыкальном уровнях реализуют логическую триаду «тезис – антитезис – синтез». Тезисом является идея жизни, антитезисом – смерть,

синтезом – идея возрождения через смерть. Это выражается в контрапунктическом соединении в последней части музыкального материала первого монолога (тема Персефоны) и третьего (тема музыки ада).

В оратории Онеггера в отличие от мелодрамы Стравинского декламация поручена не одному, а многим персонажам. Локально, т. е. в рамках одной сцены, средствами драматической декламации охарактеризованы Чтец (Пролог), Герольд, Церемонимейстер (4-я сцена), Герольд III, четыре туза (6-я сцена), Зерно, Мамаша винных бочек, крестьяне (8-я сцена), священник (11-я сцена). Эпизоды с участием этих героев являются чисто драматическими, они прерывают развитие основной музыкально-драматургической линии оратории. Только средствами декламации на протяжении всей композиции характеризуется брат Доминик. Тем самым его фигура приобретает особое значение. Его роль можно сравнить с ролью евангелиста-рассказчика в «Страстях»: он поясняет Жанне (и слушателям) историю ее жизни. В то же время он является активным действующим лицом: ведет диалог с Жанной, воздействует на ее психологическое состояние, выступает как медиум, вызывающий у девушки видения прошлого. Средствами вокального интонирования, только пением, характеризуются персонажи из библии – Богородица, Святая Маргарита, Святая Катерина, что возвышает их над другими действующими лицами. Пение и речь сочетаются в партии хора (народные сцены), судьи и Клирика. В партии главной героини представлен весь спектр речевого и вокального интонирования.

Средствами речи произнесенной композитор рельефно маркирует драматургические пласты, связанные с пространственно-временной организацией художественного целого. Так, в 9-й сцене воспоминания Жанны о детстве оформлены в мелодекламацию – произнесение текста в сопровождении с музыкой; в момент возвращения к на-

стоящему композитор обращается в партии героини к выразительным возможностям ритмодекламации.

На композиционно-драматургическом уровне декламация в «Персефоне» выполняет *смысло- и целостнообразующую функцию*. Фразы героини, звучащие без музыкального сопровождения, акцентируют важные переломные моменты в драматургии. Так, например, во 2-й сцене «Персефоны» после достаточно протяженного инструментального фрагмента, во время которого героине подносят дары (испить из чаши воду реке забвения Леты; надеть венец – «в нем все, чем богаты земля и ад»), следует ее декламационное высказывание. Слова Персефоны являются реакцией на происходящее во время музыки пантомимическое действие. При этом яркий контраст между двумя разнородными сегментами выделяет эту сцену – это переломный момент: отказ от даров, которые дали бы ей власть и богатство в мире Плутона, но лишили бы возможности вернуться к матери и живым людям.

Концептуальное значение имеет и мелодекламация. В эпизодах ее концентрации – в монологах Персефоны – раскрывается идея пространственного перемещения главной героини. Находясь в одном мире, она видит мир иной и сострадает ему; христианский мотив сострадания был важен для драматурга и композитора. Путешествия Персефоны происходят в соответствии с объективным равномерным ритмом природы, что соотносится с космическими законами Вселенной, воплощает идею циклической обратимости. В смысловом отношении распределение монологов зеркально симметрично: в двух крайних монологах Персефона, находясь в земном мире, говорит о желании попасть мир мертвых; в центральных – она вспоминает о мире людей, находясь в царстве Аида. В масштабном отношении монологи организуют метр высшего порядка.

В партии Персефоны и во всей композиции преобладает статика, что обуслов-

лено, помимо свойств драматургии, формообразованием: используются вариантно-строфические формы чаще с репризным заключением, остигатные формы. Особенно это характерно для крайних частей. Динамика достигается средствами монтажа. Благодаря включению реплик героев в повествование Персефоны создается диалог между ней и нимфами с тенями. Так как музыкальный материал реплик и последующих разделов идентичен (вариантные преобразования не меняют его сущности), главным стимулом движения становится контраст между словом пропетым и произносимым. Наибольший динамизм свойственен II части. Он достигается благодаря учащению ритма в появлении монологов в конце II части, наличию большого количества реплик и тирад, вопросительных конструкций; использованию типичных для жанра мелодрамы XVIII века приемов: речь без сопровождения оркестра и троекратное чередование коротких фраз героини с аккордами оркестра.

В «Персефоне» контрапунктическое сочетание музыкального ряда и выразительной речевой декламации, характеризующей смысл происходящих событий и реакцию на эти события героини, образует сложную политематическую блочную конструкцию. Асинхронность «цезур» двух контрапунктирующих пластов способствует текучести формы.

В оратории Онеггера использование конкретных видов декламационных приемов нередко определяет логику формообразования. Композитор трижды приводит большие по масштабам сегменты декламации без музыкального сопровождения, которые представляют собой диалоги Жанны и брата Доминика (конец 2-й и 5-й сцен), сцену клирика и крестьян (середина 8-й сцены). В результате вся оратория делится на четыре крупных раздела: Пролог – 2-я сцена, 3–5-я сцены, 6–8-я сцены, 9–11-я сцены. Такое членение композиции отражает драматургическую логику. Так, Пролог и первые две сцены яв-

ляются неким зачином, сюжетной завязкой оратории. Лишь после диалога Жанны и Доминика 2-й сцены перед слушателями разворачивается история Жанны. В 3–5-й сценах показана линия Жанны и враждебно настроенных к ней сил, все события происходят в Руане. В последующих 6-й и 7-й сценах место действия условно, в 8-й оно переносится в Реймс, в 9-й – в Домреми; лишь в последних двух сценах – 10-й и 11-й – действие вновь разворачивается в Руане. В 8-й сцене после большого декламационного фрагмента клирика с крестьянами в развитии линии контрдействия наблюдается перелом. Значительно снижается экспрессия обвинительных реплик народа, враждебно настроенного к Жанне, – теперь это всего лишь шепот, а не громогласные выкрики.

Наряду с музыкальными закономерностями, характером интонационно-тематического процесса, выбор тех или иных декламационных приемов позволяет композитору подчеркнуть функцию некоторых сцен. Использование приемов гротесковой стилизации в музыке выделяет среди других аллегорические 4-ю и 6-ю сцены. Кроме того, 4-я сцена отмечена применением ритмодекламационных сегментов, чередующихся с музыкой. Этот прием ни в какой другой сцене не используется. В 6-й сцене автор ограничивается чередованием музыкальных и декламационных фрагментов и их наложением друг на друга – мелодекламацией. В минимальном количестве представлено сочетание музыки и декламации в Прологе и сцене «Тримазо», в них господствует логика музыкальной формы.

Сравнение двух произведений, созданных классиками музыки XX века, показывает, что виды взаимодействия декламации и музыки определяются жанрово-стилевым контекстом. Произведение Стравинского отличается экономным использованием средств декламации, простых сочетаний ее с музыкой, «чистотой» в стилевом отношении, что

связано с неоклассической направленностью «Персефоны», обращением к классической французской мелодраме в качестве жанрового прототипа. Сюжетная линия показана достаточно рельефно и проста для понимания слушателем. Драматическая речь закреплена только за одним персонажем – Персефой. В результате главная героиня ярко выделена из всей ткани произведения, являясь его композиционным и драматургическим стержнем. В «Жанне д'Арк» представлена широкая палитра возможностей декламации, включающей ритмодекламацию и *Sprechstimme*, речь подана более эмоционально, как бы «крупным мазком» (*al fresco*). Мастерская трактовка слова произнесенного связана с преобладанием в оратории Онеггера черт экспрессионистического стиля.

Произведения Стравинского и Онеггера относятся к линии, которая получает распространение в музыке именно в XX век, – это линия сакрализации жанров. Как указывалось выше, в рассмотренных произведениях драматическая декламация функционирует в условиях, когда в их микстовой жанровой структуре – мелодраме у Стравинского и драматической оратории у Онеггера – важную роль играет мистерияльный компонент. При этом драматическая декламация и драматический диалог выполняют в них ритуальные функции. В «Персефоне» все моменты перехода из одного мира в другой маркированы мелодекламацией. В «Жанне д'Арк на костре» крупные фрагменты драматических диалогов Жанны и брата Доминика во 2-й и 5-й сценах, сцена Клерика и крестьян

в 8-й также напрямую связаны с их сакральным содержанием. Таким образом, **важная функция драматической декламации связана с сакрализацией жанров мелодрамы и оратории.**

Характер и свойства произведений во многом определяет вид мистерии, к которой обращается каждый композитор. Античная элевсинская мистерия, ее эзотеричность и элитарность определили камерность «Персефоны», ее небольшие масштабы, минимальное количество персонажей. Онеггер обращается к площадной средневековой мистерияльной драме. «Жанне д'Арк на костре» свойственны демократичность и масштабность. В ней наблюдается относительная автономность жанровых составляющих, где происходит переключение из оратории в план драматического театра и обратно. В обоих музыкальных произведениях композиторы придают новое качество драматической декламации. Включение приемов декламации обогащает жанровую основу сочинений, способствует воплощению многоплановых художественных концепций.

Функции драматической декламации, освоенные композиторами в первой половине XX века, получают распространение и развитие в современной музыке. Доказательством служит огромное число сценических и концертных жанров. При этом способы работы с выразительными возможностями человеческой речи образуют очень широкую палитру, охватить которую и представить в виде завершенной классификации в настоящее время едва ли возможно.

Литература

1. 100 композиторов XX века. – Пермь: Урал ЛТД, 1999. – 214 с.
2. Денисов А. «Персефона» И. Стравинского – новая жизнь мифа о возвращении из царства смерти // Миф. Музыка. Обряд: сб. ст. по материалам межд. науч. конф. – М.: Композитор, 2007. – С. 73–81.
3. Раппопорт Л. «Самая большая радость – умереть за тех, кого любишь...» // Рассказы о музыке и музыкантах. Популярная очерки. – Л.; М.: Советский композитор, 1977. – Вып. 2. – С. 133–152.
4. Филенко Г. Французская музыка первой половины XX века: Очерки. – Л.: Музыка, 1983. – 232 с.

УДК81.246'3

И. С. Карабулатова, З. В. Поливара

**ЭТНОПСИХОЛИНГВОКОРРЕКЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ
УСВОЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РУССКОГО
ЯЗЫКА У ТАТАР-БИЛИНГВОВ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Этнопсихоллингвоткоррекционный подход, предлагаемый авторами, является синергетическим и объединяет исследования в различных областях знания, которые стали методологической основой для обоснования политики ассимиляции в поликоммуникативно-этнокогнитивной модели русского языка как неродного.

Ключевые слова: би-полилингвизм, вторичная языковая личность, этнопсихоллингвоткоррекционный подход, интерференция.

I. S. Karabulatova, Z. V. Polivara

**ETHNO-LINGUISTIC AND PSYCHO-CORRECTIVE APPROACH TO
LEARNING LEXICAL AND GRAMMATICAL CATEGORIES OF
THE RUSSIAN LANGUAGE IN BILINGUAL TATARS PRESCHOOL AGE**

Ethno-linguistic and psycho-corrective approach integrates research in various fields of knowledge, which became the methodological basis for justifying policy-communicative etnokognitiv assimilation model of non-native Russian language in the description of which there is an urgent need. Ethno-linguistic and psycho-corrective approach integrates research in various fields of knowledge, which became the methodological basis for justifying policy-communicative etnokognitiv assimilation model of non-native Russian language in the description of which there is an urgent need.

Keywords: bi-multilingualism, secondary linguistic identity, Ethno-linguistic-psycho-corrective approach, interference.

Особенностью современной лингвистики является неослабевающий интерес к исследованиям, связанным с моделированием и функционированием би-полилингвизма в условиях глобализации и миграции. Принцип нерасторжимости исследования человека и языка стал главенствующим в современных лингвистических, социоллингвистических,

этнолингвистических, психоллингвистических и когнитивных аналитических работах. Об актуальности проблематики свидетельствуют научные труды В. М. Алпатова, А. Вежбицкой, Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, С. Д. Кацнельсона, А. А. Леонтьева, А. Н. Леонтьева, Л. Р. Лурии, А. А. Потебни, Е. Ю. Протасовой, С. Л. Рубенштейна,

Э. А. Салиховой, Ф. У. Сабировой, Ж.-Ф. Ршара, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, А. Г. Шайхулова и др.

Исследование осуществлялось на основе анализа материалов экспериментов, проводимых на базе Тюменского областного центра логопедии (1998–2011), Ембаевского детского дома (1998–1999), Института психологии, педагогики и управления (1998–2011), а также Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета (2003–2011), среди татар-билингвов и русских старшего дошкольного возраста с общими речевыми дисфункциями в течение с 1998 по 2011 год. Всего в эксперименте участвовало 4,5 тысячи детей, проанализировано 77 тысяч речевых отрезков, собрано и исследовано 2,5 тысячи анкет. Данные этих интервью дают возможность понять специфику усвоения родного и второго языков как русскими, так и татарами-билингвами в старшем дошкольном возрасте, определить степень интерференции и роль этнолингвистических дифференциаций при усвоении второго языка в норме и при общих речевых дисфункциях.

Билингвизм и полилингвизм являются характерной приметой нашего времени. Для современных татар старшего дошкольного возраста овладение русским языком является важным этапом в формировании языковой личности нового типа, в равной степени владеющей и родным языком, и государственным (русским), и иностранным языком. Неизбежные явления интерференции, интервенции (захвата сферы языка), аттрикции (порчи языка), сопровождающие этот процесс, влияют и на усвоение русского языка, и на сохранность родного татарского языка. Поэтому особую актуальность приобретает междисциплинарное осмысление вопроса, интеграция знаний из различных областей в единые системы для решения злободневных и сложных научно-теоретических и практических задач. В связи

с этим актуальным становится подход к исследованию процесса усвоения русского языка татарами старшего дошкольного возраста с позиций смежных с лингвистикой наук – психологии, психолингвистики, тюркологии, когнитологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики, контрастивной лингвистики, социолингвистики, прагматики, логопедии и дефектологии. В рамках такого подхода «человек рассматривается не как “накопитель” некой абстрактной и абсолютной семантики языка» или языкового знания, а «как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, интегрирующим информацию о мире, приобретаемую в результате отражения мышления окружающей действительности» [1, с. 24]. Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста позволяет рассматривать язык как составляющую когниции, анализировать языковые явления как способ мыслительной деятельности, порождающей знания и оперирующей ими, и это предопределяет понимание сущности процесса языкового знания, объяснение языковых явлений, анализа смысла и значения, их восприятия и переработки структурами языкового сознания. Усвоение лексико-грамматических категорий русского языка татарами-билингвами старшего дошкольного возраста как вид когнитивной деятельности представляет собой процесс приобретения языковых знаний вторичной языковой личностью. Данный процесс охватывает самые различные виды деятельности и операции с информацией. Поэтому с этим возрастает актуальность в связи с решением вопроса об определении меры воздействия и влияния языка на деятельность когниции в целом. Характерной особенностью современной науки стала работа по моделированию явлений, связанных с активностью внутренних структур когниции, различных видов деятельно-

сти, объектов исследования (А. Е. Агманова, А. Г. Антипов, Х. Ч. Алишина, Л. А. Араева, И. В. Берелян, О. С. Борисова, М. С. Власов, Н. Д. Голев, Р. Н. Гаряев, Ю. Н. Караулов, И. С. Карабулатова, П. А. Катышев, А. А. Романов, Е. В. Панькина, Ю. А. Соснина, Х. С. Шагбанова, Н. Х. Шакирова, А. А. Флакман, Ф. З. Яхин и др.). Моделирование является наиболее приемлемым видом описания для того, чтобы придать сложным для дескрипции теориям наглядную форму и сделать их доступными для понимания и дальнейшего исследования.

Данное исследование связано с осмыслением процесса усвоения лексико-грамматических категорий неродного (русского) языка татарами-билингвами старшего дошкольного возраста с позиций этнолингвистических дифференциаций как вида когнитивной деятельности и представляет собой актуальное для современной науки описание языковой когниции, проявляющейся в поликоммуникативно-этнокогнитивной деятельности вторичной языковой личности. Такой подход позволяет представить язык не только как средство коммуникации, но и отразить некоторые особенности языка как объекта преподавания русского языка как неродного. Стремлением понять и изучить когнитивную природу процесса усвоения языка для целей обучения русскому как неродному, выявить особенности языка как знания особого рода, выделить необходимые для реализации прикладных целей механизмы, способствующие оптимизации деятельности языковой когниции татар-билингвов и русских старшего дошкольного возраста в процессе поликоммуникативно-этнокогнитивной деятельности, определяется актуальность данного исследования.

В современном мире развитие культурных, научных, экономических и просто человеческих контактов требует знания не одного и не двух, а более языков. Так, Т. Л. Гурулева, анализируя китаеведче-

ское образование, утверждает, что «личность новоевразийского типа сочетает в себе знание как европейских, так и восточных языков и культур, способна осуществлять профессиональную деятельность в поликультурном интеграционном пространстве СВА, в условиях межкультурного взаимодействия с субъектами восточных культур на основе идей нового евразийства, органически сочетающих в себе ценности российской, европейской и восточной цивилизаций», понимая под восточными культурами страны Азиатско-Тихоокеанского региона [2, с. 4]. На наш взгляд, такое сужение вряд ли правомерно, поскольку Россия имеет многовековой опыт мирного сосуществования и контактирования с тюркскими народами Поволжья, Сибири, Кавказа, Закавказья, Средней и Центральной Азии, обусловленный исторически. Мы, вслед за И. С. Карабулатовой, понимаем евразийскую личность нового типа иначе [3].

Осознание важности и необходимости владения родным татарским языком как этнического идентификатора личности, русским языком как государственным и государствообразующим, а также позже арабским языком (как идентификатора религиозной принадлежности) и другим иностранным языком как средством интернационального общения в условиях глобализации становится основой для создания таких лингводидактических дискурсов, которые способствовали бы поддержанию интереса и мотивации к изучению языков.

Концепция формирования «вторичной» языковой личности, овладевающей культурой иноязычного общения (И. И. Халеева, С. С. Кунанбаева, Е. К. Черникина и др.), базируется на идеях антропологической лингвистики (Э. Бенвенист, В. фон Гумбольдт, В. И. Постовалова и др.) и учении о «языковой личности» (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, К. Хажеж и др.), истоки которых восходят к трудам академика В. В. Виноградова.

Как известно, в социолингвистике различают индивидуальное двуязычие – знание и использование двух языков отдельными членами определенного этноса и массовое двуязычие – знание и использование двух языков большинством этноса; **индивидуальное зарождающееся двуязычие** и коллективное существующее двуязычие; **региональное двуязычие** – знание и использование двух языков жителями определенного района страны и **национальное двуязычие** – знание двух языков данным этносом страны; **естественное двуязычие** – знание и использование двух языков как следствие непосредственного взаимодействия носителей этих языков и искусственное двуязычие – знание и использование двух языков как следствие преднамеренных и специально создаваемых условий изучения второго языка и т. д. «Сегодня мы являемся и свидетелями, и самыми непосредственными участниками многовекторной коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают проблемы государственного, а не стихийного лингвомоделирования языковой личности нового полилингвоментального типа» [3].

ком и теории языковой личности. В контексте этих исследований особый интерес вызывают работы, направленные на изучение когнитивного потенциала языковой личности, деятельности вторичной языковой личности, усваивающей русский язык как неродной. В сферу этих интересов входят разработки новых лингвокоррекционных, обучающих технологий, объединяющих разнообразные приемы, способы формирования языковых знаний и обильную практику для субъекта познания. Предлагаемый нами этнопсихоллингвокоррекционный подход представляет собой совокупность разнонаправленных методик, имеющих целью привести в согласование этноязыковые и социокультурные поведенческие речевые нормы у татар-билингвов и русских детей-монолингвов в старшем дошкольном возрасте с учетом этнолингвистических дифференциаций.

Исследования, связанные с изучением когнитивного аспекта процесса формирования языковых знаний в области лексико-грамматических категорий (и не только), их сознательного усвоения вторичной языковой личностью (татары-билингвы старшего дошкольного возраста), позволяют в определенной степени понять механизм усвоения неродного языка как такового и расширяют исследовательскую парадигму би- и поли-

Употребление тоболо-иртышскими татарами русского и татарского языков в общении (%)

язык	общение с родителями	общение с супругами	общение с детьми	общение на производстве	общение с друзьями	переписка с родными
русский	22,6 %	21,0 %	24,9 %	63,4 %	51,6 %	35,3 %
татарский	76,6 %	70,3 %	70,3 %	55,7 %	79,7 %	56,1 %

Неослабевающий интерес к изучению языков в Поволжье, Сибири и в целом по всей России является гарантией того, что би- и полилингвизм были и остаются актуальнейшими аспектами теории овладения язы-

лингвизма, делая данные направления интегративными и синергетическими. Стремление понять процессы обретения русской речи татарами-билингвами старшего дошкольного возраста дало толчок к исследованиям

в области наиболее эффективных подходов к обучению данной возрастной категории. Мы, вслед за авторами традиционных и интенсивных направлений в лингводидактическом дискурсе, сделали попытку решить вопрос о том, как помочь татарам-билингвам старшего дошкольного возраста преодолеть общие речевые дисфункции, обусловленные этнолингвистическими дифференциациями, обрести русскую речь практически в той же степени свободы, как если бы она была для них родной. К признакам **аттриции или потери родного языка**, мы относим следующие:

- заимствования и кальки на всех уровнях (слова, словосочетания, выражения из татарского языка могут вставляться в речь на русском языке, будучи произносимыми либо точно также, как в татарском языке, либо полностью или частично приспособленными к фонетической системе русского языка, либо с использованием вводных элементов, характеризующих их цитирование (например: как здесь говорят...; **у них это называется...; то, что по-татарски...**; либо с добавлением рассуждений металингвистического характера: **не знаю, как сказать по-русски; это не перевести на русский; что-то вроде русско-го...**); заимствованные элементы могут изменяться по правилам русского языка (**бабайка, татешка, адыйка, няняйка – хочу к няняйке**);

- лексические замены (слово первого языка заменяется другим, близким по значению или по звучанию, типа: **указанный** вместо **указательный** и т. д.);

- расширения (например, лексема **деревя** распространяется на весь лексико-семантический ряд: **лес, парк, сад**): **у нас на даче большая деревья, и там яблони; мы гуляли в деревья и собирали грибы**;

- сужения (например, слово **мама** часто воспринимается детьми как обозначение только его матери, но не всех мам вообще);

- переносы (если в татарском языке слово **кулак** означает «ухо», то оно принимает это значение и в русском языке);

- обобщения (например, выражение принадлежности типа «у меня» распространяется на все посессивные конструкции, как **у книги много страницы я читаю; я знаю у девочки брат**);

- морфологическое выравнивание (так ребенок-билингв может полагать, что финалия **-ка** добавляема ко всем существительным, после чего слово можно склонять по первому склонению: **адый «дядя» – адыйка – к адыйке, стол – столка – на столке** и т. п.);

- упрощение (из длинного выражения делается короткое: **чем бы дитя не тешилось...**);

- схождение (вместо разнообразных элементов одного синонимического ряда используется ограниченное количество лексем: слово **тарелка** заменяет слова **миска, плошка, блюдец, блюдо, таз, кастрюля**);

- ложный отказ исключений (супплетивные формы заменяются какой-то одной: **дети** вместо **ребенок, я шла** и **я идила** вместо **я шла / я иду**).

С этой целью нами был разработан **этнопсихолингвокоррекционный подход** – теоретико-методологическая база поликоммуникативно-этнокогнитивной модели усвоения русского языка как неродного и технологии лингвокоррекции и обучения русскому языку как неродному в условиях его функционирования.

Не вызывает сомнений, что в зависимости от специфики народов-контактеров формируется местный речевой колорит, выраженный в условиях материально-духовной культуры и языка. Говоры формировались в условиях тесного взаимодействия с тюркскими диалектами, что, в свою очередь, привело к развитию в этих говорах специфических явлений. Так, в ряде окающих старожильческих говоров Тюменской области фонема **О** в позиции между твердыми соглас-

ными (чаще всего в соседстве с губными или заднеязычными) может приобретать более закрытый оттенок и выступать в разновидности **О с призвуком У: моурук** «пасмурная погода», **замоузгнуть** «покрыться плесенью», **моукреть** «сырость, слякоть, грязь». **О** с такой усиленной лабиализацией **ОУ** в окающих старожильческих говорах Тюменской области могло быть унаследовано от переселенцев из Пермской и Вятской губерний, где в говорах фиксируется резкий переход **О** в **У**. Но, как справедливо полагает М. А. Романова, описываемое явление в тюменских говорах могло закрепиться только в связи с влиянием иноязычной среды, поскольку в русской речи местного татарского населения зачастую на месте русского **О** выступает **У: кУлуби** «голуби», **прУмысла** «промысел», **марУсит** «морозит» [4, с. 54–62]. В письменной речи школьников-татар (дер. Тараканова Ярковский район) постоянно наблюдается ошибочное написание **У** вместо **О: слУн** – слон, **свУй** – свой и т. д. Не случайно данное явление наиболее активно представлено в говорах тех сел, где в прошлом и настоящем распространены русско-татарские браки (дер. Тараканова Ярковский район, Нижние Аремзяны, Черкашина Тобольский район).

Естественно, это оказывает свое влияние на усвоение татарского и русского языков как русскими, так и татарами-билингвами как в норме, так и при общих речевых дисфункциях. На начальном этапе владения русским языком наиболее ярко проявляется влияние

родного татарского языка как языка преобладающего в речевой деятельности индивида. Действие фонетической интерференции при имитации, чтении и восприятии с последующей графической фиксацией русских согласных проявилось при нарушении как их дифференциальных, так и интегральных признаков. Более регулярно это наблюдалось при реализации тех признаков, которые не представлены в родном языке всех испытуемых, а именно: твердости – мягкости, дорсальности и какуминальности, а также глухости – звонкости.

Среди дифференциальных признаков было выявлено четыре типа ошибок: неразличение твердости – мягкости, глухости – звонкости, способа образования и действующего органа. Данные нарушения проявлялись в речи испытуемых независимо от задачи эксперимента, однако в большей степени они наблюдались при имитации. Проявления фонетико-графической интерференции выражались в фонемо-буквенных несоответствиях в письменной речи всех испытуемых. Этнопсихолингвокоррекционный подход к усвоению неродного языка рассматривает когницию как интерактивную систему, функционирование и взаимодействие компонентов которой обуславливает деятельностный характер языковой когниции, проявляющейся в виде поликоммуникативно-этнокогнитивной деятельности вторичной языковой личности татар-билингвов в процессе усвоения неродного языка.

Литература

1. Сулейменова Э. Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. – Алматы: Демей, 1996. – 208 с.
2. Гурулева Т. Л. Формирование личности новоевразийского типа в системе высшего языкового восточноведческого образования (на материале китаеведческого образования): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Улан-Удэ: БГУ, 2011. – 48 с.
3. Карабулатова И. С. Языковая личность в контексте межкультурных коммуникаций // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2011, – № 16. – С. 77–85.
4. Романова М. А. Субстратные фонетические явления тюркского происхождения в русских говорах Тюменской области // Русский язык в его взаимодействии с другими языками. – Тюмень, 1988. – С. 54–62.

УДК 811.581'33

*Н. В. Селезнева***НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«НАИМЕНОВАНИЯ ЖИЛИЩА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В данной статье автор на материале тематической группы «наименования жилища» в китайском языке выделяет группы мотивировочных признаков, позволяющих охарактеризовать национально-культурную специфику соответствующих наименований.

Ключевые слова: китайский язык, лексика, тематическая группа, наименования жилища, культурный компонент значения, мотивировочный признак.

*N. V. Selezneva***NATIONAL AND CULTURAL SPECIFIC OF THEMATIC GROUP
«NAMES OF HABITABLE PREMISES» IN CHINESE LANGUAGE**

In this article, the author in the material of the thematic group «names of habitable premises» in Chinese language identifies groups of motivational signs. By analyzing these motivational signs the author identifies national specifics of these names.

Keywords: Chinese language, vocabulary, thematic group, the name of habitable premises, the cultural component of meaning, motivational sign.

Национальная специфика языка – проблема не новая. Еще В. фон Гумбольдт отмечал, что «...на каждом языке говорит определенная нация, и каждый из них обладает определенным характером... С самого начала образования языка на него воздействуют, придавая ему окраску и характер, образ мысли и мироощущение народа, система его мировосприятия... Строение языков человеческого рода различно потому, что различными являются духовные особенности наций, и в том числе их характер, т. е. вся совокупность внутреннего опыта, чувственности и душевного настроения, пронизывающая своими лучами внешний мир и связанная с ним через внешний опыт и ощущение» [5].

Национальная специфика языка в целом и отдельных его единиц является актуальной темой лингвистических исследований начиная с конца 60-х годов XX века. Интерес

к данной проблематике обусловлен различными факторами. Во-первых, в связи с глобализационными процессами возникает вопрос о сохранении национальной идентичности. Во-вторых, для успешного осуществления межкультурной коммуникации требуется обращение к культуре народа, поскольку культурная информация «рассеяна» в языке, она осознанно или неосознанно воспроизводится его носителями. А. А. Леонтьев писал, что «в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов. Видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа. Язык составляет, таким образом, основу национальной самобытности и самого понятия нации» [8, с. 113].

Одной из важных функций языка является кумулятивная функция, функция накопле-

ния и хранения внеязыковой информации, в том числе и культурно значимой. Кумулятивная функция свойственна всем языковым единицам, однако наиболее ярко она проявляется в области лексики – в словах. Как отмечает А. А. Уфимцева, слово является наиболее типичным знаком языка, «ибо человеческое познание в целом и познавательный образ предмета в частности определены практикой и результатами мышления предшествующих поколений, закрепленными в словах» [14, с. 167].

Отечественные языковеды неоднократно писали о наличии в значении слова компонентов с культурной семантикой. Термин *культурный компонент* впервые стал использоваться Н. Г. Комлевым (1969), по мнению которого культурный компонент «сопутствует» лексическому понятию [7, с. 116], а «семантика языка зависит от культурной среды индивидуума» [7, с. 117].

В работах других лингвистов культурный компонент получал различные названия: *культурный фон* (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), *национальная специфика семантики* (И. А. Стернин), *лингвокультурема* (В. В. Воробьев), *культурная коннотация* (В. Н. Телия).

В качестве одного из методов выявления национально-культурной специфики восприятия действительности можно рассматривать анализ лексического материала [1, с. 30], поскольку «...мир слов не отделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарем не только слов, но и понятий, объектов, знаний, составляющих достояние людей, говорящих на данном языке» [3, с. 524]. Анализ лексического материала позволяет, во-первых, выделить слова, представляющие интерес для исследователя; во-вторых, описать системные отношения между языковыми единицами; в-третьих, применяя метод компонентного анализа, выявить национально-культурные компоненты значения лексической единицы.

Одним из аспектов анализа лексического материала является анализ признаков, положенных в основу номинации. Мотивировочные признаки являются показателями специфики номинативной деятельности того или иного этноса и отражают особенности восприятия и членения действительности данным этносом. Впервые вопрос о мотивировочных признаках был поставлен в работах В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни. А. А. Потебня называет мотивировочный признак *внутренней формой слова*, под которой понимает «ближайшее этимологическое значение слова», справедливо отмечая, что «слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один ее признак», т. е. «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [11].

Однако исследователи отмечают и тот факт, что выбор признака не всегда поддается рациональному объяснению, что признак, который находит отражение в структуре слова, может не быть значимым и, кроме того, для номинации одного и того же предмета могут быть выбраны различные признаки, что объясняет «почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета и, наоборот, одно слово, совершенно согласно с требованиями языка, может обозначать предметы разнородные» [11].

Для выявления национально-культурной специфики восприятия действительности и ее отражения в языке представляют интерес слова, обозначающие реалии, характерные для той или иной культуры. По мнению Н. В. Сабуркиной и А. Г. Сониной, «в языке каждого народа существует группа слов, раскрывающих его основные представления об устройстве окружающего мира, – этнические инварианты» [12, с. 230]. К этническим инвариантам, бесспорно, относятся и

наименования жилища в различных языках. Жилище является одним из центральных компонентов картины мира любого этноса и относится к системе базовых констант, которые представляют собой «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде... Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [9, с. 228]. Далее Н. В. Сабуркина и А. Г. Сонин пишут, что «Ключевые слова овнешняют эти ключевые для определенной культуры ценности, а значит, могут выступать в качестве основы для ее исследования. Сопоставление ядерных слов помогает проанализировать общее и специфическое в видении мира представителей разных культурных общностей» [12, с. 230].

О значимости жилища как одного из важных компонентов картины мира любого народа говорит тот факт, что в различных языках выделяется значительная группа имен, номинирующих жилище. Китайский язык не является исключением. Ниже на китайском материале рассмотрим национальную специфику восприятия жилища и формы отражения этой специфики в языке.

В ходе сплошной выборки из китайских одноязычных словарей различных типов (толковых, этимологических, тематических, иллюстративных) были выявлены лексические единицы, составляющие тематическую группу «наименования жилища». Данная тематическая группа представлена 850 единицами, из которых 64 лексические единицы являются простыми, 11 – производными и 775 – сложными.

Как было отмечено выше, одним из проявлений национально-культурной специфи-

ки языка является признак, легший в основу наименования [15, с. 60]. Говоря о мотивировочном признаке в китайском слове, напомним, что в китайском языке преобладающей формой словообразования является словосложения (корнесложение) [13, с. 83]. Для именного словообразования характерна так называемая *атрибутивная (определятельная)* модель, в которой вторая часть сложного слова обозначает предмет, а первая – качественный, количественный или относительный признак предмета [4, с. 33]. В исследуемой тематической группе насчитывается 636 лексических единиц, образованных по данной модели. Именно первая определятельная морфема в китайском сложном слове, образованном по атрибутивной модели, отражает признак, легший в основу номинации.

Ниже рассмотрим признаки, свойственные наименованиям жилищ в китайском языке. В ходе анализа атрибутивных морфем, число которых составило 249, были выделены 4 группы мотивировочных признаков.

Первая группа признаков характеризует *физические параметры и свойства, присущие жилищу*, такие, как размер, форма, цвет, конструктивные элементы строения, функциональное назначение, материал строительства, освещенность, уединенность, пустота – наполненность, запах, а также субъективная оценка говорящим этих свойств. Наиболее частотными являются признаки *функциональное назначение, цвет и размер*. Охарактеризуем каждый из них и приведем несколько примеров.

Признак *функциональное назначение* зафиксирован нами в 45 лексических единицах. Как отмечают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, жилище должно не только выполнять функцию защиты и убежища, но и являться местом, которое «должно давать человеку возможность восстановить свои силы – как ежедневно после утомительных трудов, так и в случае болезни...» [2, с. 68].

Кроме того, в структуре наименований жилищ были зафиксированы атрибутивные морфемы, которые позволяют говорить о некоторых аспектах китайского быта. Приведем несколько примеров: [fúshè] = *траур* + *дом*; [jūdi] = *жить* + *резиденция*; [wòshì] = *спать* + *комната*; [zhùfāng] = *жить* + *дом*; [xiùfāng] = *вышивать* + *дом*; [zhāiqǐn] = *траур* + *спальня*; [zhuānglóu] = *прихорашиваться* + *терем* и др.

Вторым по значимости является признак *цвета*, отмеченный в 43 лексических единицах. Символичность цвета в китайской культуре являлась предметом неоднократного описания, в том числе и на языковом материале [6; 10]. Наша выборка также показала особую значимость колористического признака в процессе наименования жилищ, например: [hónglóu] = *красный* + *терем*; [dānchén] = *киноварный* + *дворец*; [huīpéng] = *серый* + *шалаш*; [zǐfǔ] = *пурпурный* + *усадебный дом* и др. Отметим также, что колористический признак в наименованиях жилищ является важным маркером социального статуса владельца. Так, некоторые оттенки красного используются для номинации жилищ, принадлежащих религиозным организациям, а пурпурный цвет, являясь символом императора, может применяться только для именования императорских жилищ.

Третьим по значимости является признак *размера*, зафиксированный в 29 лексических единицах. Атрибутивные морфемы с семантикой размера в китайском языке передают не только оппозицию «большой – маленький», но и характеризуют жилище с точки зрения его протяженности, как горизонтальной, так и вертикальной. Приведем наиболее характерные примеры: [xiǎozhù] = *маленький* + *строение*; [dàzhái] = *большой* + *усадебный дом*; [gāogé] = *высокий* + *башия*; [āiwū] = *низкий* + *дом*; [guǎngshà] = *широкий* + *строение* и др.

Кроме антонимических пар «большой – маленький» и «низкий – высокий» семан-

тика размера может передаваться при помощи следующих морфем: [jūn] – *глубокий*; [qián] – *подводный*; *глубокий*; *под водой*, *глубоко*; *глубина*; [shēn] – *глубокий*; *глубина*; [suì] – *глубокий*; *далекий*; [tán] – *глубокий*, *скрытый*. Данные морфемы зафиксированы в словах, называющих дальние, внутренние, максимально удаленные от главного входа жилые строения и помещения, например: [jùnfāng] – *уединенные, находящиеся в глубине женские покои, терем*; [shēngōng] – *место проживания императора в императорском дворце* и др. Таким образом, носителями китайского языка данные жилые строения воспринимаются как расположенные «на дне», на большом расстоянии от поверхности воды, т. е. входа.

Особенно ярко национально-культурная специфика наименований жилищ проявляется в мотивировочных признаках *конструктивные элементы строения* и *запах*. Характерные особенности китайской строительной традиции зафиксированы в наименованиях жилищ посредством признака *конструктивные элементы строения*. Данный признак отмечен в 14 лексических единицах, например: [dòngyǔ] = *коньковая балка* + *дом*; [hélú] = *створка двери* + *хижина*; [héngmén] = *поперечный брус* + *дверь* и др. Преобладающим способом жилого строительства в традиционном Китае было возведение каркасно-столбовой конструкции, где особое значение придавалось несущим балкам, а стены выполняли второстепенную роль.

Наш материал показал наличие в номинациях жилища такого признака, как *запах*. Было зафиксировано 2 лексические единицы с данным признаком – [xiānggē] = *ароматный* + *терем* и [xiāngguī] = *ароматный* + *женский покой*. Использование признака «запах» также является особенностью номинации жилища в китайском языке. Причиной применения данного признака для

наименований жилищ явилась традиция натирания стен жилого помещения различными пряными специями с целью дезинфекции и ароматизации.

Признаковые морфемы второй группы отражают представление китайского этноса **об основных онтологических категориях** – категориях пространства, времени и количества. Как показал наш материал, особое значение для номинации жилища имеет пространственный признак. Была зафиксирована 61 лексическая единица с данным признаком. Приведем несколько примеров: [běitáng] = север + зал; [dōngxù] = восток + флигель; [nángōng] = юг + дворец; [nèifáng] = внутри + комната; [hòudiàn] = позади + дворец; [qiánfáng] = впереди + дом; [zhèngtáng] = центральный + зал; [cèfáng] = сторона + дом и др. Отметим, что носителями китайского языка используются как субъективные, так и объективные номинации частей пространства. Первые представлены морфемами со значением *справа, впереди, рядом, сверху* и *под*, а вторые – морфемами со значением *север, юг, запад* и *восток*.

При номинации жилища позиция наблюдателя определяется китайскими строительными традициями. Традиционно китайское жилище было ориентировано по оси север – юг, где главные ворота располагались с южной стороны, а дальние от входа жилые строения располагались на севере. При номинации позицию наблюдателя можно определить как расположенную с южной стороны лицом на север. Именно такое расположение обусловило появление слов [qiánfáng] – *переднее здание*; 前庭 [qiántíng] – *передний дворик*; 中宮 [zhōnggōng] – *центральный дворец*; 后殿 [hòudiàn] – *задняя (женская) часть дома* и др.

Что касается признаков *времени* и *количества*, то они менее значимы в процессе наименований жилищ. Признак *времени*

представлен антонимами *новый – старый*, а также наименованиями времен года, например: [jiùzhái] = *старый + жилище*; [xīnfáng] = *новый + дом*; 春宮 [chūngōng] = *весна + дворец* и др. Признак количества зафиксирован в таких лексических единицах, как [liǎngxiāng] = *два + флигель*; [liùgōng] = *шесть + дворец*, [jiǔchóng] = *девять + дворец* и др.

Третья группа признаков отражает **условия и среду бытования этноса**, в частности передает информацию о флоре и фауне, объектах неживой природы, особенностях ландшафта и погодно-климатических условиях. Наибольшими словообразовательными возможностями обладает признак *объекты органического мира*, выделенный нами в 60 лексических единицах. Данный признак содержит информацию о представителях растительного мира, распространенных на территории проживания китайцев, а также о некоторых животных и птицах, имеющих в китайской культуре символическое значение. Приведем несколько примеров: 草庐 [cǎolú] = *трава + хижина*; 蓮房 [liánfáng] = *лотос + дом*; 茅屋 [máowū] = *тростник + комната*; 竹屋 [zhúwū] = *бамбук + дом*; 蟾宮 [chángōng] = *лягушка + дворец*; 龍邸 [lóngdǐ] = *дракон + резиденция* и др. Отметим, что вхождение атрибутивных морфем со значением наименования растений в номинации жилища обусловлены в основном применением этих растений в качестве материала для строительства, а использование морфем со значением животные и птицы обусловлено некоторыми культурными символами и мифологическими сюжетами.

Не менее важным для номинации жилищ в китайском языке является и признак *объекты неорганического мира*, зафиксированный в 60 лексических единицах. Данный признак закрепляет в языке знания о веществах и субстанциях (вода, почва, камень), природных ископаемых, представляющих определенную

ценность (золото, серебро, яшма и др.). Приведем несколько примеров: 冰屋 [bīngwū] = лед + комната; 金闺 [jīnguī] = золото + женский покой; 壤室 [rǎngshì] = почва + дом; 玉宸 [yùchén] = нефрит + дворец; 珠楼 [zhūlóu] = жемчуг + терем и др.

Четвертая группа признаков репрезентирует *самого человека, его деятельность и особенности устройства китайского общества* и реализуется при помощи морфем со значением части тела, бенефициант, рукотворные объекты, форма собственности. Наиболее частотным является признак *бенефициант*, зафиксированный в 68 лексических единицах. Данный признак свидетельствует об особой значимости определения социального статуса владельца жилища. Кроме того, данный признак позволяет делать выводы о стратификации китайского общества. Например: [bīnguǎn] = гость + лавка; [bīngshè] = воин + жилище; [dìyǔ] = император + жилище; [lìshè] = чиновник + жилище; [nóngshè] = крестьянин + жилище; [sēng'ān] = буддийский монах + скит; [xiānfū] = бессметный + резиденция и др. Представителям китайской лингвокультуры свойственно социально дифференцированное восприятие жилища, которое находит отражение в наличии признака *форма собственности*; например: [gōngshè] = общественный + строение; [sījū] = частный + жилище и др.

Таким образом, обращение к анализу мотивировочных признаков, легших в основу номинаций жилища, позволяет сде-

лать определенные выводы о специфике номинативного процесса в китайском языке, об особенностях фокусировки внимания представителями китайского этноса на различных признаках жилища.

Следующей нашей задачей является выделение тематической группы «наименования жилища» в русском языке. В перспективе предполагается сопоставить данные, полученные при анализе китайского языка, с данными русского языка. Параллельный русский материал ждет еще своего детального изучения и описания. Однако предварительный анализ соответствующего русского материала позволяет отметить, что тематическая группа «наименования жилища» в китайском и русском языках различается как количественно, так и качественно. Тематическая группа «наименования жилища» в русском языке по сравнению с китайским языком является менее обширной и насчитывает немногим более 200 лексических единиц. Важнее качественное отличие номинаций жилища в двух языках. В русском материале присутствуют признаки первой и четвертой групп, связанные с характеристикой самого жилища и деятельностью человека, такие, как размер, форма, конструктивные элементы строения, материал строительства, освещенность, бенефициант, форма собственности и некоторые другие. Однако наименования жилища в русском языке практически не свойственны признаки, характеризующие условия окружающей среды и местоположение в пространстве.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Мирознание вне и посредством языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: гипотеза (лого) эпистемы. – М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2002. – 168 с.
3. Гак В. Г. От толкового словаря к энциклопедии языка (Из опыта современной французской лексикографии) // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. – М., 1971. – Т. XXX. – Вып. 6. – С. 524–530.
4. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. – М.: Просвещение, 1989. – 318 с.

5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/171.Gumboldt/source/worddocuments/_2.htm (дата обращения: 04.10.2011).
6. Дубкова О. В. Цвет в китайском языке и культуре // Бытие и язык. – Новосибирск, 2004. – С. 188–194.
7. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. – Изд. 2-е, стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 192 с.
8. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
9. Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
10. Морозова Т. А. Концептосфера цвета в китайской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово: КемГУ, 2008. – 24 с.
11. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 300 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/147.Potebnya/source/worddocuments/vii.htm> (дата обращения: 04.10.2011).
12. Сабуркина Н. В., Сонин А. Г. Общее и различное в языковом сознании славянских народов (некоторые результаты анализа славянского ассоциативного словаря) // Язык. Сознание. Культура: сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.; Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 230–245.
13. Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку. – М.: Изд-во ИМО, 1957. – 204 с.
14. Уфимцева А. А. Знак языковой // Языкознание. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 167.
15. Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – 176 с.

УДК 8

Ван Ли

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье разработана и обоснована специфика научных текстов и принципы их классификации, осуществлена разработка морфологических особенностей научных текстов, установлены синтаксические особенности научных текстов.

Ключевые слова: специфика научных текстов, принципы классификации научных текстов, морфологические особенности научных текстов, синтаксические особенности научных текстов.

Wang Li

GRAMMATICAL PECULIARITY OF RUSSIAN SCIENTIFIC TEXTS

This article develops and rationalizes the specifics of scientific texts and principles of their classification, carries out the development of morphological features of scientific texts, establishes syntactic features of scientific texts.

Keywords: specifics of scientific texts, principles of classification of scientific texts, morphological features of scientific texts, syntactic features of scientific texts.

1. Специфика научных текстов и принципы их классификации

В последнее время наблюдается повышение интереса к проблемам лингвостилистики. Появление работ по лингвистике текста, изучение структуры абзаца и более крупных стилистико-синтаксических единиц – все это ставит новые задачи перед преподавателями иностранных языков. В частности, постановка вопроса о структуре текста приобретает значение при работе над составлением пособий, например, сборников научных текстов для чтения и перевода. При этом ощущается потребность в создании такой теоретической базы, на основании которой можно было бы выработать правильный и современный подход к научному тексту, к материалу научной литературы. Осуществлению этой задачи, по нашему мнению, может способствовать дифференцированный подход к научным текстам [1, с. 67].

В литературе встречаются неоднократные указания на наличие разновидностей внутри функционального научного стиля. Однако до настоящего времени внимание было обращено, главным образом, на выявление его основных черт, общих для всех произведений научной прозы, и вопрос о классификации научных жанров и разновидностей научного текста остается пока неразработанным.

Дифференцированный подход к типу научного текста может быть выработан путем создания классификации жанров научной литературы. На основании такой классификации при учете ряда факторов, о которых речь будет идти ниже, представляется возможным выделить основные структурно-стилистические типы научного текста.

Здесь необходимо подчеркнуть, что принадлежность текста к тому или иному типу или разновидности лишь в какой-то степени зависит от жанра научного произведения. Научные жанры, как известно, весьма тра-

диционны и в то же время довольно свободны, так что вид научной публикации может накладывать лишь некоторые определенные ограничения на построение и отбор языковых средств в научном произведении.

Применение структурного подхода к материалу письменной научной речи показывает, что в пределах научного стиля в целом и даже в пределах одного научного направления, модель текста существует как веер разновидностей, причем каждая из них имеет право рассматриваться как научный текст [2, с. 35].

Однако способ изложения представляет лишь структурную основу, которая вступает во взаимодействие с другими факторами. Значение имеет конкретность или абстрактность содержания. Конкретное содержание всегда легче для понимания, и основная трудность текстов с конкретным содержанием сводится к лексическим и терминологическим трудностям.

Не менее важным стилеобразующим фактором является и степень сжатости или развернутости изложения, сознательная лаконичность или, наоборот, пространность изложения, как известно, сильно влияют на отбор грамматических и синтаксических средств. Вопрос о соотношении заданного размера научного произведения и насыщенности его информацией может оказаться одним из определяющих факторов при классификации типов научного текста. Стремление вместить наиболее полную информацию в ограниченное размерами научное произведение приводит к компрессии. На основании использования компрессии, например, в англоязычной литературе по биологии широко употребительна особая структурно-стилистическая разновидность текста, четко определяемая целым рядом признаков. Не менее важным для классификации также представляется фактор адресата, т. е. того, на какой круг читателей рассчитано научное произведение.

Вопрос о наличии коннотаций в языке научной прозы рассматривается в ряде работ. Однако случай употребления выразительных и изобразительных средств разбираются, как правило, без учета научного произведения в целом, как того требует стилистический анализ, либо в плане описания элиминации этих средств в современной английской научной прозе.

Изучение материала научной литературы по биологии показывает, что она представляет собой стройную и строгую систему речевых произведений, имеющих определенную форму, размер и структуру [3, с. 156]. Научная литература каждой области (*зоологии, физиологии, ботаники, генетики и пр.*) распадается на виды научных публикаций, и каждый из этих видов имеет свои размеры, форму и выполняет определенную задачу. Основные виды научных публикаций могут в небольшой степени варьироваться в разных изданиях.

Для удобства классификации мы разделили их на три группы:

1 группа – малые формы. Сюда относятся аннотации, резюме, краткие рецензии, тезисы докладов, рефераты работ, короткие энциклопедические статьи и прочие краткие сообщения разного рода.

2 группа – средние формы. К ним относятся три типа статей: узкоспециальные статьи, общие (теоретические) статьи, обзорные статьи. Кроме того, доклады, развернутые рецензии, энциклопедические статьи, отдельные лекции, юбилейные статьи.

3 группа – крупные формы. К ним принадлежат руководства, справочники, специальные словари, учебники, курсы лекций, общие сводки, монографии, коллективные монографии.

Отметим также, что в пределах одной области биологических наук, например, физиологии, существует своя система распре-

деления научной продукции по разным журналам, которые иногда имеют определенную направленность.

2. Морфологические особенности научных текстов

Признавая в общих чертах относительно большую консервативность и статичность морфологии по сравнению с лексикой и синтаксисом, мы констатируем стилистическую значимость и стилевую дифференцированность морфологических категорий, свобода выбора которых проявляется на фоне общего грамматического узуса, почему можно говорить о стилевой вариативности, стилистической специфике морфологии. Составляя «наружную оболочку языка», морфология активно проявляет себя в системе речи: без опоры на морфологические характеристики практически не могут быть вскрыты синтаксические отношения, выраженные менее эксплицитно.

Классификация стиля основана, таким образом, не только на совокупности лексико-фразеологических и синтаксических примет, но и на своеобразных принципах отбора, объединения и мотивированного применения морфологических категорий [4, с. 137]. Одним из наиболее сложных и конструктивных вопросов, решаемых при стилистическом анализе, оказывается вопрос о том, какие морфологические особенности принадлежат данному стилю, а какие объединяют его с происходящими в языке общими процессами развития.

Анализ функционирования разных морфологических категорий, словоформ, словосочетаний и типов предложений в научных текстах показал, что им присуща ярко выраженная избирательность, автономность использования, устойчивость в их организации [5, с. 124].

В языке науки господствуют имена существительные и прилагательные, оттеснившие

глагол на третье место. Доминирующая роль имени неоднократно отмечалась лингвистами, по-разному обозначавшими эту тенденцию – «номинативность», «именной характер», «субстантивность» научной речи и др.

Анализ употребления служебных частей речи показал, что в научном стиле происходит процесс пополнения предлогов за счет грамматикализации полнзначных частей речи, прежде всего существительных. Аналогичную тенденцию к численному росту наблюдаем и в сфере союзов, союзных слов, вообще средств сцепления предложений в более сложные построения. Подчеркнутое выражение связности, по мнению некоторых исследователей, можно рассматривать как одну из стиливых черт научной речи. Необходимость передачи научно-технической информации в строгой логической последовательности, с сохранением взаимной обусловленности отдельных компонентов высказывания вызывает разнообразие эксплицитных и имплицитных средств связи.

Научная речь по количеству языковых единиц, используемых в качестве средств выражения связности, существенно отличается, например, от художественной [6, с. 137]. В качестве средств связи в научной речи наряду с традиционно используемыми союзами, союзными словами, местоимениями и наречиями применяются существительные, прилагательные и сочетания с ними.

Многие имена существительные, не имеющие в литературном языке форм множественного числа, в научно-техническом контексте приобретают их. Категория числа у имен существительных, таким образом, не исчерпывается соотносительностью единичности и множественности соответствующих предметов.

Другое, не менее примечательное свидетельство предпочтительности выбора – это реализация в научных текстах морфологических и морфолого-синтаксических

возможностей, которые не используются (или почти не используются) общелитературным языком, что при определенной устойчивости употребления приводит к возникновению внутрителивой нормы.

Одним из содействующих факторов была новизна слов. Не обремененные традицией употребления, новые международные термины в живой и письменной речи быстро приняли продуктивную нулевую форму. Немаловажное значение имела и узость сферы употребления этих терминов, которые бытовали (применялись) первоначально лишь в небольшом кругу специалистов.

Слова, реализующие в научно-техническом языке полную парадигму единственного и множественного числа, единичны, несколько большему их числу свойственна полная парадигма словоизменения в формах единственного числа, абсолютному большинству слов присуще избирательное употребление в формах определенных падежей. Так, в текстах по физике в шести падежах употреблено 7,4 % слов, в пяти – 7,7 %, в четырех – 9 %, в трех – 14 %, в двух – 19,3 %, в одном – 42,6 %. Подобное распределение словоформ имен неразумно игнорировать, описывая данную стиливую разновидность и оценивая ее учебную специфику, т. к. учет распределительных характеристик подводит более надежную лингвистическую базу под обучение.

Другая яркая отличительная черта собственно научных текстов – преобладание имени существительного. В научном тексте в среднем существительных употребляется почти в четыре раза больше, чем глаголов. Это можно легко объяснить номинативной направленностью научных текстов: главное – обозначить, описать явление. Повествование же, широко пользующееся глаголами, здесь занимает незначительное место, поэтому научные тексты по соотношению глагольной и именной лексики резко отличаются от художественных. Но это же соотношение отли-

чает научные тексты и от деловых, в которых доля глагола еще ниже, а существительных – выше, в среднем, один к семи (1/7).

Как уже отмечалось, доля отвлеченных существительных высока. Если в литературном языке в целом (по данным словаря Д. Н. Ушакова) соотношение отвлеченных и конкретных существительных составляет 38,7 % – 61,3 %, то в научных текстах оно прямо противоположное: 63,9 % – 30,1 % (примерно, такое же и в деловых текстах). Относительно высока доля употребления существительных среднего рода, причем 9/10 из них являются отвлеченными.

Научной речи присущи и особенности в употреблении форм числа имен существительных. Конкретные существительные в единственном числе, как уже отмечалось, часто приобретают обобщенное значение. С другой стороны, немало отвлеченных, а также вещественных существительных, не имеющих в обычном употреблении форм множественного числа, приобретают его в научном стиле.

Морфологическая избирательность затрагивает не только характер распределения частей речи и словоформ, но и сферу распределения их преимущественных значений [7, с. 56].

Употребление другой части речи – глагола – также имеет в научном стиле свои особенности, распространяющиеся прежде всего на личные и временные формы. Круг личных форм глагола в собственно научных текстах сужен: совсем не употребляются формы 2-го лица единственного и множественного числа (это касается и соответствующих местоимений). Редко употребляется форма 1-го лица единственного числа, чаще – 1-го лица множественного числа, но не в основном значении – указания на несколько лиц («я и другие»).

Форма 1-го лица множественного числа в перечисленных значениях служит объек-

тивности научного сообщения: система доказательств разворачивается как бы совместно автором и его оппонентом, и в этом совместном процессе получения достоверной информации оппоненту как бы предлагается активная роль. Введение множественного числа в место единственного, *мы* вместо *я* – автор как бы устраняет из полученной информации элемент субъективный, личностный. Этому в еще большей мере способствует опущение местоимения.

Особенности употребления временных форм глагола являются ярким показателем научного стиля. Как уже отмечалось, в научных текстах преобладает форма настоящего времени, к тому же с наиболее отвлеченным вневременным значением (по данным М. Н. Кожиной, формы настоящего времени – 69 %, прошедшего времени – 23 %, будущего времени – 8 %). Глаголы в форме настоящего «вневременного» фактически не выражают временных отношений, т. к. характеризуют действия и состояния, которые присущи предметам как их постоянные признаки.

Преобладание имени над глаголом, резкое ослабление глагольности – характерные черты морфологии собственно научных текстов. Морфология глагола иллюстрирует аналогичные тенденции. Абсолютное большинство глаголов употребляется в форме настоящего времени несовершенного вида, ими передается чаще всего вневременное атрибутивное значение, выражающее длительность, постоянность действия и значение констатации факта, близкое обобщенно-фактическому. В научно-технической литературе явно преобладают формы изъявительного наклонения 3-го лица единственного и множественного числа, распространены формы 1-го лица множественного числа, остальные встречаются весьма эпизодично, слабо представлена категория повелительного наклонения в значении побуждения к действию, приглашения к соучастию в нем.

Таким образом, в научной речи присутствует не только избирательность морфологических категорий, словоформ и организуемых ими сочетаний, но и избирательность функциональных значений, выражаемых ими. Это позволяет установить в соответствии с целями, условиями и этапом обучения определенную последовательность изучения характерных для научного изложения падежных словоформ (именительный, родительный, винительный, творительный, предложный, дательный), регламентировать меру внимания к тренировке некоторых словоформ; предложить лингводидактические рекомендации, связанные со спецификой актуализируемых в научном контексте значений этих словоформ.

3. Синтаксические особенности научных текстов

Синтаксис – это раздел грамматики, изучающий законы функционирования форм слова (или словоформ) и правила соединения слов в словосочетания и предложения. Синтаксическая стилистика (стилистический синтаксис) рассматривает стилистические особенности и функции синтаксических средств языка (словосочетания предложения и сложного синтаксического целого) стилистические фигуры и формы передачи речи повествователя и (в художественной литературе) персонажей. Синтаксическая стилистика рассматривает вопросы наиболее целесообразного использования синтаксических синонимических вариантов в соответствии с содержанием текста, его функционально-стилистической принадлежностью, целевым назначением и общей экспрессивной направленностью [8, с. 128].

Как известно, синтаксические конструкции в большинстве своем общеупотребительны, нейтральны, однако их лексико-морфологическое наполнение может быть различным по стилистическим свойствам. Мы должны уметь строго отграничивать

эти стилистические свойства от собственно синтаксической нейтральной конструкции. Наше основное внимание должно быть обращено на синтаксические единицы как элементы языкового сообщения. В этой связи особое внимание обращается на такие вопросы, как порядок слов в предложении, виды связи и т. д.

При работе над синтаксическими средствами языка следует учитывать особенности синонимии различных грамматических форм и конструкций в зависимости от их смысловых оттенков, степени распространенности, функционально-стилистической принадлежности и экспрессивно-эмоциональной окраски с учетом широкого контекста. Работа редактора над синтаксическим строем научного произведения имеет особое значение, поскольку в синтаксической организации, синтаксической структуре проявляются наиболее характерные черты стиля научного произведения. Именно отбор синтаксических средств играет главную роль в передаче логического хода рассуждения, ибо построение фразы влияет на смысл суждения.

В произведении должна быть тесная связь не только между словами, но и между различными частями высказывания во всем тексте. Поэтому мы не должны отрывать работу над отдельными явлениями языка рукописи от работы над содержанием произведения. Нельзя рассматривать язык произведения, его стиль вне тесной связи с мыслью, с содержанием высказывания, нельзя отделять слово от образа, частное от общего. Только глубокое понимание связи формы и содержания, лексико-грамматической структуры и авторского восприятия действительности может привести к оправданной, мотивированной широким контекстом правке. Поскольку условия употребления каждого предложения (особенно в монологической речи) прямо или косвенно определяются всем контекстом, т. е. той реальной и речевой ситуацией, в ко-

торой это предложение находится, работа над синтаксисом отдельного предложения невозможна без учета всего синтаксического окружения, без выяснения того, какое место занимает данное предложение в линейном плане изложения. Работая над строем речи, мы определяем, целесообразно ли в данной ситуации применение тех или иных оборотов, правильно ли они выражают строй мыслей автора.

Нам следует внимательно подходить к работе над синтаксическими средствами языка, помня, что изменение грамматических форм и конструкций (даже если сохранено содержание высказывания в целом, сохранена лексика рукописи) ведет к изменению смысловых и стилистических связей. Поэтому не следует вмешиваться в архитектуру произведения, в его синтаксическую структуру (от словосочетания до сложного синтаксического целого и всего текста) без достаточных на то оснований.

Прежде чем перейти к правке синтаксиса произведения, мы должны прочесть рукопись и постараться выявить творческую манеру автора, особенности синтаксического строя произведения, разумеется, учитывая при этом функционально-стилистическую отнесенность текста. Необходимо установить мотивированность использованных автором способов объединения слов, частей предложения, предложений, построения отдельных частей высказывания, определить соотношение этих частей, связь между ними, порядок слов, предложений и сложных синтаксических единств, выяснить правомерность или необходимость использованных автором стилистических фигур. Так, тяготение автора к полносоставным усложненным конструкциям, если это связано со спецификой стиля или является особенностью творческой манеры автора, не должно вызвать у нас желания «упростить» его синтаксический строй. Напротив, подметив и выявив эту тенден-

цию в произведении, редактор при правке разовьет ее. Следует помнить, что к работе над синтаксическими, как и над другими языковыми явлениями, нельзя подходить догматически. Борьба за чистоту и культуру языка – это в то же время и борьба за его наибольшую целесообразность, т. е. наилучшее применение в условия данного речевого контекста [9, с. 201].

В числе общих черт синтаксиса научных произведений можно назвать такие, как обобщенно-отвлеченность, безличность выражения, синтаксическая компрессия, стремление к выработке стандартизированных структур, линейность изложения и др. Современные ученые стремятся к конденсации языкового выражения, к экономии речевых средств, к их компактному выражению, к сжатому способу высказывания.

Синтаксическая компрессия (по другой терминологии – синтаксическая конденсация) – это увеличение количества информации на одну единицу плана выражения. Процесс компрессии характерен движением от предложения к словосочетанию, от словосочетания к словосцеплению, от детализированного выражения к краткому репрезентативному знаку. Компрессия – результат тенденции научной речи к сокращению речевой избыточности при сохранении максимума информации. Компрессия выражается в широком использовании односоставных бесподлежащих предложений, именных конструкций, предложно-падежных групп, деепричастных, причастных, инфинитивных оборотов и конструкций с отглагольными существительными, а также конструкций с производными предлогами и другими связочными средствами [10, с. 97]. Это также широкое использование сложноподчиненных предложений с десемантизированными глаголами, выступающими в роли связочных глаголов, и существительными с обобщенно-отвлеченным значением, легко образующи-

ми стандартизованные воспроизводимые клишированные единицы; максимально информативных конструкций с атрибутивно-именными сочетаниями терминологического характера и других структур, способствующих сжатости изложения при сохранении всего информативного ядра высказывания. Эллипсис в научной речи необходим именно как средство конденсации, компрессии, сжатия, сокращения физической протяженности речевого сообщения.

Рассмотрение и оценка синтаксиса простого и сложного предложения позволяют сформулировать еще одно положение, свидетельствующее о специфике неповторимости научно-технической речи. В нем на синтаксическом уровне последовательно действует так называемая синтаксическая компрессия (конденсация), под которой понимается использование сжатых, имплицитных конструкций на месте развернутых, эксплицитных. Компрессия является активным процессом и служит эффективным способом повышения семантической емкости высказывания. Она выражается уже в самом факте широкого использования односоставных предложений, «опущения» субъекта в неопределенно- и обобщенно-личных предложениях, в предпочтительно номинативном (именном) оформлении процесса или действия, в выражении различных логико-смысловых отношений средствами простого осложненного предложения там, где в общелитературном языке используются сложно-подчиненные предложения, в результате чего на месте ожидаемых придаточных предложений употребляются соотносительные с ними предложно-падежные группы: *при повышении температуры в м. когда (если) температура повышается; в результате процессов выветривания в м. и т. п.* Устранение глагола увеличивает информативную нагрузку имени, создает большую сжатость, экономичность речи, т. е. конденсирует ее, сокращает

протяженность речевого сигнала, что тоже не безразлично для научного изложения. Основным организующим компонентом таких предложно-падежных групп, как правило, выступают отглагольные имена существительные.

К синтаксическим особенностям научного стиля относятся: высокая активность словосочетаний (в том числе многочленного, особенного, атрибутивно-именного), а также активность конструкций с существительными, выстроенными в «цепочку» родительных падежей, активность простых распространенных предложений разных типов, повествовательный характер изложения (стилистически нейтральный монолог, ведущийся от 3-го лица, — это основная форма изложения в научной речи, призванной отразить объективно-информативную направленность), использование вопросительных предложений в функции вопросно-ответной формы изложения, использование порядка слов как отражения логико-грамматического членения, превращение логического предиката предшествующего предложения в логический субъект последующего как реализация перехода одного суждения в другое, активность однородных членов предложения, особенно при перечислении в рубрикации, высокая продуктивность бесподлежащих предложений (инфинитивных, обобщенно-личных) и пассивных конструкций как отражение в научной литературе объективной логики вещей без указания на производителя действия, широкое использование обособленных оборотов (особенно причастных и деепричастных), активность сложных союзных многокомпонентных предложений с последовательно нанизываемыми придаточными с развернутой и упорядоченной связью между отдельными частями высказывания как отражение линейности изложения в научной речи, призванной выражать логические связи и подчеркивать последовательность изложения, преобла-

дание синсемантии над автосемантией, использование вводных слов и предложений, указывающих на отношения между частями высказывания, а также содержащих оценку достоверности высказываемого, четкое деление на сложные синтаксические целые и абзацы. Синтаксический состав научного стиля, так же как лексико-фразеологический и морфологический, должен рассматриваться на фоне книжно-письменного типа речи.

Описанные выше примеры научной речи с ее специфическим распределением грамматических категорий, преобладанием избранных значений, с ее лексико-семантической специализацией и однозначностью характеризуют лингвистическое лицо научно-технического стиля, задают объем языкового учебного материала, определяют возможную последовательность и аспект рассмотрения данных явлений в иностранной аудитории будущих специалистов нефилологов. Указанные особенности научной речи диктуют выбор речевых средств в этой сфере общения, составляют лингвистические основы обучения, что позволяет сделать ряд выводов лингводидактики, высказать некоторые методические рекомендации.

Особенность научного функционального стиля современного русского языка – наличие отдельных грамматических явлений, форм, конструкций, отсутствующих в других стилях – большая частотность, встречаемость некоторых из них, иная функциональная нагрузка, иное значение отдельных морфологосинтаксических построений, параллельных синонимическим формам и конструкциям в других стилях [11, с. 115]. В итоге грамматика современной научной речи с ее набором унифицированных речевых структур (а также специализированным и ограниченным словарем, обеспечивающим их лексическое наполнение) составляет лишь часть и сравнительно небольшую, грамматики обще-

литературного языка, что создает реальные предпосылки для минимизации грамматического материала в учебных целях.

Специфика функционирования языковых единиц разных уровней в научных текстах позволяет утверждать, что научной речи (коммуникативному использованию ее грамматики и лексики) надо обучать специально. Овладение грамматикой и лексикой общелитературного языка и разговорно-бытового стиля речи, опыт, приобретенный в результате чтения художественной литературы и разговорной практики, оказываются явно недостаточными для адекватного понимания специальной литературы, а также для говорения на темы специальности из-за существенных различий в грамматической структуре и лексическом наполнении научных текстов.

Разнясь своим предметом, кругом понятий, техническими приемами исследования и аргументации, своим лексическим составом, различные научные дисциплины (или подязыки) имеют много общего в стандартизованном построении научных текстов и отдельных композиционных единиц, в отборе и организации синтаксических моделей предложения, в использовании морфологических категорий, в семантических процессах, охватывающих большинство лексических единиц, из которых составляются разнородные научные тексты. Им всем присущименный характер синтаксических конструкций, аналитичность, преобладание синтаксических построений, в которых отсутствует компонент, обозначающий производителя действия, наличие развернутой системы средств связи между отдельными частями высказывания. В различных подязыках широко употребляются неопределенно- и обобщенно-личные предложения, безличные конструкции, пассивные обороты на месте возможных активных построений. Для них характерно неопределенно-обобщенное

употребление личных местоимений, привлечение предложно-именных конструкций вместо ожидаемых придаточных предложений, ограниченность словаря, его однородность, сужение состава нетерминологической лексики, отказ от чуждых иноstileвых элементов, стирание прямых номинативных значений у слов общелитературного языка, большая или меньшая, но обязательная десемантизация глагола, которому отводится чаще всего роль структурного элемента фразы, оформителя семантического целого.

Перечисленные выше текстовые, композиционные, лексические и морфологосинтаксические характеристики составляют специфику научного стиля в целом. Они универсальны, используются в любом русском научном тексте, взятом из разных естественно-технических областей знания. Эта совпадающая, универсальная по применению система языковых средств и составляет, по нашему мнению, лингвистическую основу учебника русского языка для специалистов-нефилологов.

Литература

1. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика. – М.: Высшая школа, 2004.
2. Максимов В. И. Стилистика и литературное редактирование. – М.: Гардарики, 2004.
3. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. – М.: Высшая школа, 1984.
4. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. – М.: Просвещение, 1978.
5. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981.
6. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – М.; Пермь, 1972.
7. Силь научной речи / Троянская Е. С. и др. – М.: Наука, 1978.
8. Лариохина. Н. М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. – М.: Русский язык, 1979.
9. Федосюк М. Ю. Синтаксические особенности научно-технических рефератов и формул изобретений. – М.: Просвещение, 1977.
10. Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. – М.: Изд-во «Астрел», 1978.
11. Лигачева Ю. А. Принципы отбора учебного материала для подготовки к чтению специальной литературы на русском языке в группах с техническим профилем обучения. – М., 1971.
12. Мальчевская Н. Н. Научный текст как объект исследования. – М.: Наука, 1971.

УДК 8

Лу Су

ОБ АУДИРОВАНИИ СООБЩЕНИЯ ИСХОДНОГО ЯЗЫКА В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ²

Настоящая статья посвящена механизму прослушивания, восприятия и понимания исходного языка на основе теории речевых жанров в устном переводе. В итоге выдвинут выход, что с учетом теории речевых жанров переводчик может улучшить свою эффективность работы.

Ключевые слова: речевой жанр, устный перевод, прослушивание, восприятие, понимание.

² Исследование проведено в рамках гранта «Лучшие исследовательские программы вузов провинции Ляонин № 2008RC11».

Lu Su

AUDITIONING OF REPORTS ON THE SOURCE LANGUAGE IN INTERPRETATION BASED ON THE THEORY OF SPEECH GENRES

This article focuses on the mechanism of listening, perception and understanding of the source language-based theory of speech genres in the interpretation. As a result, review of the theory of speech genres gives an outcome that a translator can improve his performance effect.

Keywords: speech genre, interpretation, listening, perception and understanding.

Устный перевод – это особая форма преобразования *сообщения на исходном языке* в *сообщение на языке* перевода. Многие ученые анализировали процесс устного перевода. Китайский ученый Ван Пинхуа [1] считает, что при устном переводе существует четыре основных этапа:

- 1) прослушивание знака и понимание сообщения исходного языка;
- 2) сохранение понятия и мысли исходного языка;
- 3) трансформация понятия и мысли на переведенный язык;
- 4) выражение понятия и мысли на переведенном языке.

Ведущий представитель школы интерпретативной теории перевода Д. Селескович выделяет 3 этапа процесса устного перевода:

- 1) прослушивание лингвистического знака, имеющего значение; восприятие и понимание сообщения путем его анализа и истолкования;
- 2) забывание знака и сохранение мысленного образа означаемого (понятия, мысли и т. д.);
- 3) производство на переведенном языке нового знака для полной передачи оригинального сообщения и его адаптации в интересах адресата [2, с. 10–11].

Однако эти этапы переплетены, и все они должны быть проведены моментально. Тем более, на первом этапе устного перевода нет возможности выделить процесс прослушивания, восприятия и понимания сообщения

исходного языка. Отметим, что мы называем прослушивание лингвистического знака, восприятие и понимание сообщения в устном переводе аудированием. И поэтому для трактовки аудирования в устном переводе должна быть надлежащая теория. По нашему мнению, с теорией речевых жанров переводчик имеет возможность решить проблемы, возникающие при переводе.

При устном переводе объект работы для переводчика – это обработка смысла исходного языка и передача его в переведенный язык. Таким образом, переводчик прослушивает, воспринимает и понимает смысл в исходном языке. Переводчик обрабатывает смысл по единицам. «Переводчик проводит обработку смысла в целом по высказываниям, которые состояются разными предложениями. Это значит, что переводчик строит единицу для устного перевода по высказываниям» [3, с. 115]. А высказывание является одним из ключевых понятий в теории речевых жанров. «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [4, с. 237]. М. М. Бахтин отмечал: «Каждое высказывание характеризуется прежде всего определенным предметно-смысловым содержанием» [4, с. 263]. Хотя при устном переводе (особенно при последовательном переводе) иногда переводчику нужно непрерывно перевести несколько высказываний, но он

прослушивает, воспринимает и понимает смысл исходного языка по каждому высказыванию. Тем более при устном переводе для прослушивания, восприятия и понимания смысла исходного языка переводчик проводит его прогнозирование по высказываниям.

Прогнозирование смысла – это своевременное предвидение содержания речи оратора. Прогнозирование смысла помогает переводчику уменьшать количество непредвиденных случаев и повышать эффективность работы. В соответствии с теорией речевых жанров переводчик найдет подходящие условия для своего прогнозирования смысла. «Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические). Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем ее жанр, предугадываем определенный объем (т. е. приблизительную длину речевого целого), определенное композиционное построение, предвидим конец, т. е. с самого начала мы обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи» [4, с. 257–258].

На основе анализа бахтинской мысли о речевых жанрах К. Ф. Седов называет жанровые формы, представляющие собой одноактные высказывания, субжанрами, например, колкость в светской беседе. Субжанры чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых – менять сюжетные повороты в развитии интеракции. К. Ф. Седов считает, что речевые формы сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Он называет такие образования гипержанрами. Например, в гипержанр «застолье» входят такие жанры, как «тост», «застольная беседа» [5].

Из вышеизложенного становится понятно, что при устном переводе с самого начала переводчик может прогнозировать формы ре-

чевых жанров в гипержанры. А в зависимости от форм речевых жанров переводчик имеет возможность прогнозировать закономерность употребления субжанров, часто употребляемых в этих жанрах. Но нужно подчеркнуть, что между прогнозированием форм речевых жанров и предвидением речевых клише и слов существует разница. Прогнозирование жанров – это предварительный анализ типов высказываний. А предвидение речевых клише и слов – это предположение знаков, возможно выраженных оратором. Однако точное прогнозирование жанров, естественно, помогает переводчику в предположении знаков. И, в конечном счете, прогнозирование жанров помогает переводчику воспринять знаки на исходном языке. Соответственно, что точное предположение знаков способствует переводчику в прогнозировании форм речевых жанров. Это объясняется тем, что каждый жанровый стереотип формируется в определенных речевых сферах и существует своя формальная организация жанра. Следовательно, в каждом жанровом стереотипе показываются закономерности выбора речевых клише.

Для анализа процесса понимания смысла исходного языка в устном переводе с помощью теорией речевых жанров необходимо выяснить возможности оратора. Значит, перед переводом следует учитывать авторитет, права, интересы и другие факторы у оратора, которые могут воздействовать на него в выборах речевых жанров. Допустим, при устном переводе новогоднего обращения главы государства переводчик должен предварительно уделить внимание изучению не только речевых клише, часто употребляемых в данном жанре, но и личности президента, например, его политической позиции, коммуникативной цели. Все эти факторы помогают переводчику понимать смысл исходного языка.

Конечно, при понимании смысла исходного языка переводчик еще учитывает образ

адресата. Образ адресата обозначает социальное положение, личности, ситуацию и другие элементы, которыми обладает адресат. Все эти элементы представляют условия выбора подходящего речевого жанра для оратора. «Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата» [4, с. 276]. Исследовательский результат в психологии подтверждает правильность этого рассуждения. «Степень понимания высказывания зависит от опытов и знания у человека. Для одного и того же высказывания существуют неодинаковые понимания в зависимости от разных людей» [6, с. 10–11].

Таким образом, с точки зрения образа адресата, понимание смысла высказываний на базе теории речевых жанров будет оказывать помощь переводчику в своей работе. Очевидно, что при устном переводе на основе теории речевых жанров переводчик может найти закономерности для своего аудирования сообщений исходного языка. Однако любые речевые жанры имеют возможность исчезать, видоизменяться из-за изменения социально-коммуникативных ситуаций. И поэтому в применении теории речевых жанров для аудирования исходного языка в устном переводе необходимо учесть конкретную ситуативную обусловленность.

Литература

1. Ван Пинхуа. Теория и практика устного перевода. – Вухань: Изд-во Вуханьский университет, 2006.
2. Селескович Д. Интерпретативная теория перевода. – Пекин: Изд-во Пекин, 1979.
3. Бао Ган. Общая теория устного перевода. – Пекин: Изд-во «Китайские переводы», 2005.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества: сб. ст. / под ред. С. Г. Бочарова. – М.: Изд-во «Искусство», 1979.
5. Седов К. Ф. Жанровое мышление языковой личности (О риторике бытового общения) // Речевое общение. – Красноярск, 2000. – № 2.
6. Пэн Дэньлинь. Общая психология. – Пекин: Изд-во «Пекинский педагогический университет», 2001.

УДК 808.5

И. Митурская-Бояновская, Л. А. Араева

«ПУТЕШЕСТВИЕ» В СТРАНУ КОНЦФУЦИЯ И ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА³

Статья имеет лингвокультурологическую ценность, проявляя особенности пропозиционально-дискурсивной мыслительной деятельности человека, культурных концептов стран Азии и Востока через названия ресторанов азиатской и восточной кухни.

Ключевые слова: пропозиционально-дискурсивная деятельность, культурные концепты, графика, цвет, номинация, аббревиатура.

³ Большое спасибо моей дочери Марте Бояновской за языковые консультации (китайский язык).

J. Miturska-Bojanowska, L. A. Araeva

A «TRIP» TO THE COUNTRY OF CONFUCIUS AND RISING SUN

The paper is of lingua-culturological value as it reveals the peculiarities of proposition- and discourse-based human cognitive activity, cultural concepts of Asian and Eastern countries through the analysis of nominations of the restaurants, offering Asian or Eastern cuisine.

Keywords: proposition- and discourse-based activity, cultural concepts, graphics, colours, nominations, acronyms.

В России и в Польше большой популярностью пользуются рестораны, предлагающие азиатскую кухню. Можно выделить три типа азиатской кухни:

1) кухня Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии (арабская: варшавские *Le Cedre*, *Sheesha Lounge*, *Amrit*; турецкая: варшавские *Lokanta*, *Istambul*; армянская: *Ararat* в Слубицах, вроцлавская *Armine*, *Masis* в Цехоцинке; грузинская: *Chaczapuri* в Кракове, варшавские *Mała Gruzja*, *Tbilisi*, *Kindzmatauli*; азербайджанская: *Baku* в Юзефове; калмыцкая, туркменская, узбекская: *Navruz* в Гдыне, петербургские *Дастархан* и *Гюльчатай*; киргизская, казахская);

2) кухня Южной Азии (индейская: *Bombay* в Щецине, *Buddha Bar* в Познани);

3) кухня Восточной и Юго-Восточной Азии (индонезийская: *Warung Bali* в Познани⁴; тайская: *Suparom Tahi Ford* и *Sunanta* в Варшаве; бирманская, лаотанская, вьетнамская: *Halong* (Седльце), *Que Huong* и *Dong Nam* в Варшаве, *Ho Nam*, *Nam Viet* в Щецине; *Золотой дракон* в Санкт-Петербурге; китайская: *Hong Kong* (Баден-Баден), варшавские: *China Garden*, *Pekin*, *Canton*, *Cesarski Palac*, *Hong Kong House*, *Dzonka*, *Jin Ren*, *China Town*, *Ha Long*; петербургские *Гонконг*, *Джун Го*, *Хан* (Кемерово); корейская, японская: вар-

шавские *Tensushi*, *So-An Sushi Club*⁵, *Sushioki Japan Bar*, *Oto!Susi*, *Besuto Sushi Bar*, *Sakura*, *Hana Sushi*, *Sushi Bar Nigri*, *Art Sushi*, *Sushi Tekeda*, *Inaba*, *Tenshi Sushi*, *Tomo Sushi*, *Izumi Sushi*, петербургские *Ку-До*, *Банзай*, парижские *Ki-Fok*, *Yamato*.

*Indochine restaurant в Щецине*⁶

⁵ Жители Варшавы ресторан *So-An Sushi Club* называют *susharnia*. Лексема имеет окказиональный характер и является дериватом с локативным значением, образованным по образцу других производных с таким же словообразовательным значением, ср. *ciastko* → *ciastk-arni(a)*, *naleśnik* → *naleśnik-arni(a)*, *pieróg* → *pierog-arni(a)*, *sushi* → *sush-arni(a)*. При этом окказ. *susharnia* омонимично производному (также с локативным значением) *susz-arni(a)* ← *suszyć*.

⁶ Фотографии являются собственностью авторов статьи – Йоланты Митурской-Бояновской и Л. А. Араевой.

⁴ *Warung* – типичные семейные ларьчики и кафе в Индонезии и Малайзии; *Bali* – индонезийский остров.

Тайский ресторан *Krua Thai Tom Yam*
в Амстердаме

Warung Bali – индонезийский ресторан в Познани

В России, Польше, Голландии на каждом шагу появляются ларчики *China box*, *Sushi box*, предлагающие блюда китайской или японской кухни.

Интерес наших современников к дальневосточной культуре проявляется не только в желании посещать рестораны с типичным китайским и японским меню. В городах России и Польши модными стали такие услуги, как китайские массажи, акупунктура и другие медицинские услуги. Многие из нас очарованы загадочной восточной культурой. Неоднократно нарочно вывески различного типа заведений намекают на эту культуру. В Кемерове внимание прохожих привлекает вывеска имидж-студии *Баттерфляй*.

Имидж-студия *Баттерфляй* в Кемерове

Мотивация заведения двойная. Здесь существенную роль, с одной стороны, играет семантика названия, с другой – шрифт. Название студии, правда, пишется кириллицей, однако на самом деле оно передает произношение английской лексемы *butterfly* – «бабочка», которое внушает клиенту определенные ассоциации и самочувствие после предлагаемых в студии услуг. То есть, несомненно, каждый почувствует себя легко и будет порхать, как бабочка. С другой стороны, на вывеске очень важный шрифт (манера, способ написания). Появляется ощущение, что это китайские иероглифы. Такой результат достигается путем применения особой графической формы, подражанию восточным иероглифам, а также путем применения красного цвета.

Предлагаем обратить внимание лишь на вывески мест общественного питания. В последнее время, как грибы после дождя, открываются в городах России, Польши и других странах китайские и японские рестораны. Приведем некоторые иллюстрации. Рестораны *Panda* (Познань), *Hong Kong* (Щецин, Вроцлав, Гданьск), московские *Джун Го*, *Мама Тао* приглашают гостей попробовать блюда родины Конфуция. Со страной Восходящего Солнца ассоциируются названия ресторанов *Wasabi-sushi Bar* (Быдгощ), щецинские *Sushi*, *Sushi Mado*, *Sake*, *Reiki Sushi Bar*, познанские *Hanami sushi*, *Zindo Sushi*, *Samurai sushi* и *Violet Sushi & Yakitori*, *Sushi Matii*, кемеров-

ские *Якудза суши кафе*, *Киото Дом суши-бар*, *Фудзи*, *Аригато*, *Изуми*, московское кафе *Гин-но таки* и пр.

Японский ресторан *Hanami Sushi* в Познани

Японское кафе *Гин-но таки* в Москве

В фокусе нашего внимания находятся рестораны, кафе, бары, главным образом, в Кемерове, Щечине, Познани и Амстердаме. На вывесках этих ресторанов обычно рядом с названиями, написанными кириллицей или латиницей, появляются исконные иероглифические названия. Цветовая гамма ограничивается в большинстве случаев красным цветом.

Иногда появляются характерные элементы, связанные с восточной архитектурой или культурой. В ряде случаев на них нарисован дракон, над входом находится крыша, напоминающая крышу пагоды⁷. В Амстердаме составным компонентом названия одного из ресторанов является лексема *дракон* (*Dragon City*). В китайской мифологии и культуре⁸ дракон является символом мужского начала (*ян*) и китайской нации в целом. В честь дракона установлен ежегодный праздник драконьих лодок. Согласно китайским поверьям дракон обитает в разных водоемах и способен летать. Дракон служил символом императорской власти. Императорский трон многих династий назывался трон дракона. За ношение одежды с такой символикой, те, кто не принадлежали императорской семье, подлежали смертной казни.

Chinese Restaurant Dragon City в Амстердаме

⁷ В Амстердаме *Sea Palace Chin Restaurant* имеет формы пагоды и расположен на воде.

⁸ Дракон появляется также в культуре Тибета, Кореи, Вьетнама, Японии, Мексики и в славянской мифологии.

Китайский ресторан в Щецине

Китайский ресторан *Azalia* в Познани

Китайский ресторан *New King* в Амстердаме

Китайский ресторан *Hong Kong* в Щецине

Обязательным элементом интерьера китайских ресторанов являются бумажные лампоны красного цвета в форме шара. Иногда они находятся также снаружи.

В Польше и в Амстердаме обычно владельцами китайских ресторанов являются китайцы. Неоднократно все работающие в таком заведении (повара, официанты) – также китайцы, например, в познанском ресторане *Azalia* или в недавно отрывшемся щecinском *Mr. Wang*. Мотивация последнего названия прозрачна. Фамилия *Wang* – одна из самых популярных и распространенных в Китае. У владельца этого ресторана такая же фамилия. На вывеске появляется важный элемент китайской культуры – маска актера, используемая певцами в традиционной китайской опере (*чао-опера*).

Поляки, и не только, полагают, что восточное меню полезно для здоровья. Популярными стали в последнее время китайские (кантонские) костюли-сковородки *вок* (*wok*), служащие для приготовления *stir-fry*. В связи с этим прозрачна мотивация познанского ресторана *Wok*. Под названием ресторана появляется своеобразная реклама, предлагающая

знатокам восточной культуры настоящую китайскую кухню (ср. «The authentic taste of China»). Название китайской сковородки появляется в качестве компонента на вывеске другого познанского ресторана *Hot Wok*. Такой тип вывески, в которой сочетаются 2 иноязычные лексемы (английская и китайская), нетипичен для названий мест общественного питания в Польше. Подобное наблюдаем в названии *China Kubek* (ср. *China Box*), в котором сосуществуют английская и польская лексемы.

Китайский ресторан *Mr. Wang* в Щецине

Китайский ресторан *Wok* в Познани

Китайский ресторан *Hot Wok* в Познани

Китайский бар *China Kubek* в Познани

Обилие китайских и японских ресторанов наблюдается на одной из амстердамских улочек, например: *Dragon City*, *Oriental City* (рекомендующий китайские и индонезийские блюда), *New King* (предлагающий региональную кантонскую кухню), *Nam Kee* (владельцы – китайская семья Chan, специальность ресторана – утка по-пекински), *Kam Kee*, *Kam Yin*.

Китайские рестораны *Nam Kee* и *Kam Kee* в Амстердаме

Интересными являются китайско-суринамские рестораны *Kam Yin* и *Ah-Lung*. Суринам – это наименьшее по площади государство в северо-восточной части Южной Америки на берегу Атлантического океана. Оно является республикой лишь с 25 ноября 1975 года, до этого времени оно было почти три века под владением Нидерландов. Сегодня официальным языком Суринама является нидерландский. На вывеске ресторана *Ah-Lung* с обеих сторон появляется флаг Суринама. Так, в названиях ресторанов *Kam Yin* и *Ah-Lung* представлены история и современность.

Китайско-суринамские рестораны
Kam Yin и *Ah-Lung* в Амстердаме

Черно-белая панда, которая со 2-й половины XX века стала чем-то вроде национальной эмблемы Китая, вдохновила владельцев одного из китайских ресторанов назвать его *Panda* (Панда). Название щецинского ресторана *Mandaryn* (Мандарин) отсылает к истории Китая, когда китайских чиновников называли мандарином. В свою очередь название познанского ресторана *Azalia* связано с символикой Китая. Цвет азалии в этом районе символизирует женственность и темперамент.

Популярным японским блюдом, известным во всем мире, считается суши. В результате эта лексема появляется как составной компонент названия многих ресторанов, ср. *Sushi cafe Sanda* (Амстердам), *Hanami Sushi*, *Sakana Sushi bar*, *Samurai sushi*, *Sushi Matii* (Познань), *Wasabi-sushi Bar* (Быдгощ), *Sushi Arigato* (Гливице), *Sushi, Sushi Mado*, *Reiki Sushi Bar* (Щецин), *Суши-терра*, *Фудзи-суши бар*, *Якудза суши кафе*, *Киото Дом суши-бар* (Кемерово). Неоднократно, как видно из представленных примеров, на вывеске появляются собственные географические названия: *Hong Kong* (Гонконг) – специальный административный район КНР, *Izumi* (И(д)зуми), *Kuomo*, *Sanda* (Санда) – города в Японии (санда – также вид китайской борьбы), название японского вулкана *Фудзи*. Некоторые названия указывают на японскую историю, культуру, обычаи, традицию, например: *Yamato* (Ямато – «великая гармония, мир») – древнее название Японии, *Hanami* (Ханами) – японская национальная традиция любования цветами, *Банзай* – традиционное японское пожелание десяти тысяч лет жизни императору Японии, *Yakitori* (Якитори) – японское блюдо из кусочков курицы (с внутренностями), поджаренных над углями на бамбуковых вертелочках шампуром (японский шашлык), *Nigri-sushi* (Нигиридзуси) – суши, слеланное с помощью рук,

Sakana (Сакана) – японская закуска к алкоголю, *Sake* (Саке) – традиционный японский алкогольный напиток из риса, *Wasabi* (Васаби) – приправа, «японский хрен» (*Eutrema japonica*), *Reiki* (Рейки) – духовная практика, основанная японским буддизмом, «ориентальная медицина», *Samurai* (Самурай) – японский рыцарь, *Якудза* – японская мафия, *Dzonka* (Джонка) – традиционное китайское и японское парусное судно, *Аригато*⁹ – японское ‘спасибо’. Название японской столицы появляется на вывеске амстердамского ресторана *Tokio Dung Yong* и познанского *Tokio Underground*. Реже появляются женские имена, например *Hana*, обозначающее «цветок» (*Hana Sushi*).

Японский ресторан *Аригато* в Кемерове

Если расшифровать название варшавского ресторана *Inaba* (его владельцем является японец Koichiro Iwasaki), то оказывается, что оно возникло путем соединения двух китайских идеограм, функционирующих в японской графике. Первый знак *ina* («и») символизирует Японию. Вторым (*ba* «ба») – это начало японской лексемы *haran* («Польша»). Так ресторан, предлагая типичные блюда страны Восходящего Солнца, одновременно популяризирует японскую культуру в Польше. Фамилией владельца (*Mitsuno Matii*) мотивируется название ресторана *Sushi Matii* в Познани.

⁹ Вывеска ресторана *Аригато* имеет характерную форму, напоминающую архитектуру Японии.

Японское кафе *Суши-терра* в Кемерове

Японский бар *Фудзи-суши-бар* в Кемерове

Японский ресторан *Sake* в Щецине

Японский ресторан *Васаби* в Санкт-Петербурге

Японские рестораны *Tokio Underground* и *Zindo Sushi* в Познани

Японский ресторан *Violet Sushi & Yakitori* в Познани

В Щецине есть также рестораны, предлагающие блюда разных стран Дальнего Востока, например китайско-вьетнамский ресторан *Hai Fong* (один из первых ресторанов в городе с азиатской кухней) и бар *Mekong*.

Китайско-вьетнамский бар *Mekong* в Щецине

Китайско-вьетнамский ресторан *Hai Fong* в Щецине

В Варшаве гостей приглашает азиатский ресторан *ToBaYa*, предлагающий блюда японской, тайской и индонезийской кухонь. Название не случайное. Это своеобразный тип аббревиатуры, возникшей на основе начальных частей трех лексем. Она расшифровывается следующим образом: *To* ← *Tokyo* (японская кухня) + *Ba* ← *Bankok* (тайская кухня), *Ya* ← *Yakarta* (индонезийская кухня).

Название ресторана не всегда уточняет его специализацию. Примером является познанский ресторан *Azja*, специализацией которого являются не все азиатские блюда, а лишь особенности китайской кухни (а также европейской).

Характерными элементами вывесок китайских и японских ресторанов являются: красный цвет, значение имеет также шрифт (обычно рядом оригинальное название). Сами названия неоднократно указывают на специальность заведения, например суши (японский ресторан). Многие из них – это китайские или японские собственные названия (*Пекин, Киото, Меконг, Токио, Гонконг, Фудзи*), имена и фамилии (*Хана, Вонг*), лексемы, связанные с географией этого района (*Панда, Азалия*), историей (*Самурай, Мандарин, Хан*) и культурой (*Дракон, Ханами, Банзай, Сакана, Якитори, Саке, Васаби, Вок, Рейки, Джонка, Аригато*). На вывесках появляются

ся также характерные элементы восточной культуры, например дракон, красные бумажные лампионы (фонари), элементы пагоды (характерные крыши).

Вывески, как мы уже неоднократно подчеркивали в наших работах, являются своеобразным типом рекламы. Они выполняют не только информативную, но и воздействующую функцию. В них проявляется тенденция к «интеркодowości», т. к. на клиента воздействуют различные типы кодов: языковые (письменные: в вывесках смешиваются два, а в русских три алфавита – латиница, иероглифы и кириллица), а также визуальные образы, например символ чашки, солнца¹⁰, числовые знаки, знаки дорожного движения, компьютерные символы и т. д.

Таким образом, в описанных названиях японских, китайских, тайских, индонезийских ресторанов эксплицируется пропози-

ционально-дискурсивный способ мыслительной деятельности человека. В совокупности вывески ресторанов и кафе проявляют целый каскад ассоциаций, связанных с культурными концептами нации: место изготовления национальной пищи (названия столиц, городов и районов), известный природный феномен (вулкан); фамилии, имена как владельцев ресторана, так и исторических лиц; исторические факты и современность; средства употребления пищи (в Санкт-Петербурге есть китайский ресторан «Две палочки»); средства изготовления пищи; разновидности восточной кухни; национальная еда; обычаи (например, приветствие, ношение определенного вида одежды); символы императорской власти и др. В интерьере отмечены характерные элементы архитектуры, наличие красного цвета и китайских фонариков. Следовательно, помимо воздействующей данные названия выполняют гносеологическую, познавательную функцию. То есть глобализация способствует проникновению в культуру разных народов, в нашем случае – через названия, интерьер, графику происходит знакомство с азиатской и восточной культурой, ассоциативно связанной не только с особенностью приготовления и употребления пищи определенным способом, но и с основными культурными концептами в целом.

¹⁰ О. С. Иссере дает пример использования нестандартных знаков в названии ресторана японской кухни *Япоша* в Санкт-Петербурге. На месте буквы «О» появляется изображение восходящего солнца, которое является символом Японии. Эта символика отражается и в государственном флаге (красный круг на белом фоне) [О. С. Иссере, *Интертекстуальность и интеркодвость в новых коммуникативных практиках русского языка* / (в:) Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г. Труды и материалы, Москва, 2010. – С. 119].

**СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Автором рассмотрены основные проблемы современного образования как фактора и ресурса социокультурного развития России. Среди наиболее значимых его характеристик представлена регионализация. Определены основные проблемы устойчивого социокультурного развития региона и региональных образовательных систем.

Ключевые слова: образование, социокультурное развитие, регионализация, образовательные системы.

S. B. Brizhatova

**MODERN REGIONAL SYSTEM OF EDUCATION:
PROBLEMS AND PERSPECTIVES**

The author describes the main problems of modern education as a factor in resource and socio-cultural development of Russia. Among the most important of its characteristics is regionalization. The main problems of sustainable social and cultural development of the region and regional educational systems are defined.

Keywords: education, socio-cultural development, regionalization, educational systems.

Наша система образования, в том числе и высшего, претерпевает серьезные изменения, которые в основном совпадают с социально-экономическими и социокультурными преобразованиями российского общества.

К сожалению, новая социально-образовательная ситуация в России пока не стала предметом специального целостного анализа. Отметим и то, что значительные трудности в проведении анализа социальных и иных проблем этого института общества связаны с тем обстоятельством, что ряд явлений, присущих системе образования, не отражается публикуемыми статистическими данными, что особенно касается деятельности негосударственной школы.

Опросы, проведенные среди учащихся старших классов и их родителей, показывают, что ценность образования для них в последние годы проявляет тенденцию к росту.

Как для представителей власти, так и для широких слоев общества становится все более очевидным, что сохранение экономического и культурного потенциала страны во многом зависит от работы школы и результатов общеобразовательной деятельности. Жизнеспособность системы образования является важным условием преодоления экономического и социокультурного кризиса. В системе образования России срабатывают механизмы саморегуляции. Это, разумеется, не означает, что воспроизводится старое со-

держание образования, поскольку происходит его обновление и развитие.

До сих пор редко встречаются исследования системы российского образования в ее социокультурной динамике, ориентированные на выявление логики изменения ее социокультурных функций. Некоторые исследователи констатируют завершение периода стабильного развития общества. Применительно к системе образования, оформившейся в период относительной социальной стабильности, А. И. Субетто пользуется термином «классическая система образования», парадигма которой – просвещение. Вектор же неклассической системы образования направлен на формирование самосозидающейся личности, живущей в быстро меняющемся мире.

Таким образом, реальный выход из нынешнего кризисного состояния науки и культуры – это выход на новый уровень системности, анализ общества не как изолированной системы, а как одной из подсистем, подчиненной общей системе воспроизводства социокультурного развития России и ее регионов.

Наша задача ограничивается социально-философским, общесоциологическим, педагогическим и культурологическим уровнем рассмотрения проблемы. В данном аспекте акцентируется внимание на: а) специфике современной этики как переломной стратегии господствующих тенденций общественного развития и традиционных российских систем образования и воспитания; б) формировании нового, современного образа мира, общества и человека, его жизненных сил, индивидуальной и социальной субъективности; в) новых целях, задачах и назначении образования вообще и высшего образования в частности; г) возможностях развития образования в определенных региональных социокультурных и историко-культурных условиях; д) новых принципах организации содер-

жания и построения методов образования; е) возможных оптимальных и эффективных механизмах осуществления реформ высшего образования в соответствии с изменениями общественной практики и более низких ступеней образования; ж) методологических и социокультурных проблемах реформ высшего образования; з) различиях взаимодействия федеральных, национальных и региональных компонентов высшего образования в зависимости от конкретных исторических, социокультурных и территориальных условий его развития.

Модель высшего образования для региона должна учитывать его образовательную и социокультурную ситуацию, включая развитие общеобразовательных школ, профтехучилищ, средних специальных учебных заведений, колледжей.

Наконец, существенную роль играет создание моделей национальных и поликультурных вузовских комплексов, а также специальных и общеобразовательных программ обучения. В принципиальном плане в соответствии с национально-культурной идентификацией населения региона важно создать концепции национальных и поликультурных школ, определении общекультурной и национально-региональной составляющей программ и проектов их деятельности, ориентированных на целостное, системное социокультурное развитие.

Такое понимание взаимодействия федерального, регионального и национального в деятельности учреждений образования как фактор воспроизводства региональных программ социокультурного развития может снивелировать разрыв между современным образованием и состоянием культуры, будет также содействовать развитию национально-социального мышления, художественно-эстетическому освоению и совершенствованию действительности, духовно-нравственному росту молодежи.

Справедливо, на наш взгляд, мнение О. Долженко, считающего, что образование должно «выводиться» не столько из перспективных задач общественного развития, сколько из наличного уровня и состояния общества и человека, их возможностей и надежд. Этот уровень следует рассматривать как социокультурную реальность, уже содержащую в себе будущее. Только в этом случае образование из средства социализации человека превратится в условие развития личности.

Современная деятельность учреждений образования, на наш взгляд, обусловлена следующими факторами:

- высшее образование в период социокультурного кризиса общества, сохраняя свою наиболее важную функцию трансляции культуры и формирования разнокачественных адаптивных и одновременно творческих свойств специалистов, реализует эту функцию в изменившихся социокультурных условиях;

- определение образования как значимой составляющей социокультурной реальности позволяет понять его содержательные параметры и выявить специфические особенности трансляции культуры в высшей школе;

- развитие системы высшего образования неразрывно связано с динамическими процессами, происходящими в социокультурном пространстве, а направления этого развития зависят от способов и возможностей разрешения проблемных ситуаций общества;

- институт высшего образования также развивается в логике социокультурного пространства, размерность которого выступает объективным критерием «спроса» на специалистов; подготовка специалистов высшей квалификации соотносится с проблемами, определяющими устойчивость жизнедеятельности общества и пути его последующего развития в конкретных социокультурных условиях;

- система образования обретает качественно новое состояние в первую очередь на пути становления новых типов учебных заведений, воплощающих новое понимание идеи образования;

- становление новой институционально признанной образовательной практики является следствием признания социальной значимости нового класса проблемных ситуаций, важности воспроизводства сопутствующей им системы знаний, умений, навыков на уровне общества и государства.

Система высшего образования может рассматриваться в качестве полной с точки зрения типов представленных в ней учебных заведений и дидактических моделей, в соответствии с особенностями социокультурного пространства общества, региона.

Одним из условий успешной деятельности учреждений образования, по нашему мнению, является взаимозависимость образования и социокультурного развития регионов.

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что сегодня данный вопрос оказался недостаточно глубоко осмысленным. Между тем сама проблематика деятельности учреждений образования, их влияние на социокультурное развитие современного общества и человека требуют адекватного понимания специфики взаимодействия социокультурных и образовательных процессов на региональном уровне.

В нашей стране данная проблематика стала исследоваться практически только в 90-е годы, когда особенно остро заявила о себе регионализация, суверенизация регионов, сопровождавшаяся формированием региональных программ, введением в стране на федеральном уровне национально-региональных компонент образовательных стандартов, принятием региональных законов об образовании, а также региональных

программ образования и социокультурного развития общества. Как показывают исследования, анализ ситуации на региональном уровне выполняется по преимуществу только в контексте осмысления влияния образования на социокультурное развитие регионов. Процесс этот, к сожалению, не рассматривается как взаимодействие образования и социокультурного развития регионов. Вместе с тем, наряду с основной задачей учреждений образования региона по воспроизводству различных профессионально-квалифицированных групп, изменения в 2000-е годы в развитии современного общества, реформы, кризисное состояние России потребовали переосмысления системы и механизмов взаимосвязей, взаимозависимости образования и социокультурного развития регионов.

Данная проблематика обострена также проблемами взаимодействия образования и социокультурного развития на внутрирегиональном уровне:

- осложнение получения качественного образования населения отдаленных городских и сельских поселений, не имеющих развитой структуры средних и высших учреждений образования;
- ослабление государственного регулирования социокультурных процессов, в том числе развития образования в каждом из регионов страны;
- учреждения образования сохраняют различную ведомственную подчиненность;
- отсутствие во многих регионах единых органов управления образованием;
- слабое информационное обеспечение учреждений образования, социокультурной сферы в регионах.

Непонимание кардинального значения эффективности взаимодействия системы образования и социокультурного развития на региональном уровне в стране привело к серьезному осложнению проблем национальной безопасности, снижению духовно-

нравственных ценностей, жизнеспособности населения. Сокращение или объединение структур образования, особенно высшего, в регионах страны при российских масштабах, несомненно, негативно отразится на социальном, духовном, социокультурном развитии населения и его регионов.

Региональная система образования, процесс обучения и воспитания, безусловно, зависимы от характера жизненного, социокультурного пространства региона, его развитости. И социокультурные, и природно-экологические факторы и условия не только испытывают влияние, но и воздействуют на региональную систему образования, практику обучения и воспитания. И не только потому, что производственно-экономическая, хозяйственная структуры региона требуют соответствующей подготовки и переподготовки кадров нужного профиля, но и вследствие традиционных национально-культурных различий, специфики поселенческой структуры, задающей схему размещения учебных заведений различного уровня и профиля.

Мы считаем, что современный подход к осмыслению роли и значения взаимодействия образования и социального развития регионов исходит из того, что это взаимодействие является такой подсистемой связей, которая обеспечивает (или осложняет) жизнестойкость, целостность, эффективность развития региона, его контакт с обществом в стране и за рубежом. Одновременно она является важнейшим условием формирования жизнестойкости индивидуальной и социальной субъектности человека, индивида личности.

Приоритетными направлениями в практической деятельности в стратегическом плане по реализации данной проблематики в России, по нашему мнению, следует считать: 1) задачу сохранения и модернизации региональных систем образования с учетом традиций и новаций социального развития регионов, эволюции современного образова-

ния, его информатизации и специализации; 2) оптимизацию управления системой образования на региональном и федеральном уровне с учетом становления его общественно-государственной практики, необходимости преодоления межведомственной разобщенности; 3) прогнозирование по формированию новых направлений подготовки специалистов учреждений всех сфер общественной жизни региона; 4) совершенствование правовых основ действия региональных подсистем образования, повышение их социальной эффективности; 5) проблему качества образования, совершенствование воспитания учащихся, социального просвещения населения региона; 6) укрепление социальной защиты работников образования как социального слоя, взаимодействие этого слоя с системой социальных институтов региона, его общественными группами; 7) само образование должно стать эффективной формой социальной защиты населения через различные виды переподготовки кадров, повышения квалификации специалистов.

Проиллюстрируем деятельность учреждений образования высшей школы в современных условиях как фактор воспроизводства региональных программ социокультурного развития (на примере Алтайского края). Как мы отметили выше, в настоящее время важнейшей особенностью функционирования высшей школы является ее регионализация. И это проявляется не только в каких-то внешних изменениях, но и затрагивает глубинные процессы развития высшего образования. Наглядное проявление регионализации высшей школы выражается по двум основным направлениям: возрастание влияния и роли местных органов власти в формировании региональной образовательной политики; усиление самостоятельности и автономии самих высших учебных заведений.

Важным фактором регионализации образовательной политики является сформиро-

вавшаяся в последние годы тенденция к самообеспечению территории высококвалифицированными кадрами. Трудно переоценить значение и роль формирования профессорско-преподавательского состава вузов на базе собственных, межрегиональных, региональных диссертационных (кандидатских и докторских) советов.

Новая региональная политика требует передачи ряда функций федерального органа управления высшей школой на места – органам государственной власти субъектов федерации. Поэтому наряду с государственно-общественным органом самоуправления вузов – Советом ректоров – назрела необходимость создания специального подразделения администрации края по науке, высшему и среднему профессиональному образованию. Одной из его главных функций должна стать координация деятельности вузов по формированию рынка образовательных услуг, подготовке высококвалифицированных специалистов и проведению научно-исследовательских программ в интересах региона.

Одновременно с явным ухудшением ситуации в высшей профессиональной школе созданы определенные предпосылки для ее развития. Большинство алтайских вузов приобрели новый статус – университетский. Значительные изменения происходят в содержании образования, которое сегодня рассматривается не как простая совокупность знаний, умений и навыков, а как педагогически адаптированный социальный опыт во всей его структурной полноте. Это дает возможность будущему специалисту не только успешно функционировать в обществе, приспособившись к окружающей системе, но и быть в состоянии изменять ее. Налицо наметившееся изменение структуры подготовки кадров. В первую очередь речь идет о значительном увеличении приема на такие специальности

и направления подготовки, как право, менеджмент, экономика, финансы, социология, социокультурная деятельность, психология, вопросы управления промышленностью, социокультурной сферой, бизнесом.

Эти и другие факторы и тенденции свидетельствуют о том, что высшая школа регионов и России в целом находится на сложном и ответственном этапе развития. Сегодня необходима согласованная, конструктивная работа федеральных, региональных, местных органов управления, руководителей учреждений образования, направленная на сохранение и развитие накопленного научно-образовательного потенциала, экономического, социального и социокультурного развития.

Реалии настоящего времени обусловили разработку современной концепции подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе вузами культуры и искусства Министерства культуры РФ, в условиях рыночной экономики, с учетом региональных особенностей, социокультурного развития ее территорий. Потребность в разработке данной темы вызвана объективными факторами: критическим финансовым, идеологическим, статусным положением, в котором оказались как вузы культуры и искусства, так и другие учреждения образования страны в связи с переходом к рыночной экономике.

Исследования показывают, что в последние годы наметились две тенденции: выпускников вузов культуры принимают на работу как в госучреждения не только социокультурного профиля, так и в коммерческие предприятия культурного направления. Например, выпускники Санкт-Петербургского и Московского государственного университета культуры и искусств, Алтайской государственной академии культуры и искусств, Кемеровского государственного университета культуры и искусств, факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Д. М. Достоевского при-

глашены работать социальными педагогами в социологические и психологические службы, приюты, лагеря для трудных подростков, в милицию, армию, мэрию, организаторами досуга детского, семейного, пожилых людей, инвалидов. Тамбовские, алтайские, кемеровские, омские, тюменские, московские выпускники работают в школах, гимназиях, колледжах, частных школах и лицеях, воскресных школах преподавателями народных промыслов и ремесел, истории культуры, заместителями директоров по эстетическому воспитанию, преподавателями театрально-хореографических дисциплин, этики, культуры речи, народного художественного творчества, декоративно-прикладного искусства.

В то же время выпускники вузов культуры пользуются спросом в государственных и частных телерадиокомпаниях, акционерных обществах, Союзе арендаторов, киноvideоцентрах, туристических агентствах, кризисных центрах и подобных предприятиях. Спектр должностей широк: от продюсеров, директоров центров культурного досуга, научных сотрудников научно-методических центров народного театра и досуга, специалистов национальных культурных центров до менеджеров информационных ресурсов и менеджеров туризма.

Таким образом, сегодня необходимо осознать тот факт, что традиционный перечень государственных учреждений культуры (библиотеки, музеи, дома культуры, клубы и др.) необходимо дополнить многими организациями и предприятиями, в том числе и негосударственного типа, где возможна и необходима гуманизация общественного бытия, досуговой и социокультурной деятельности, создание условий для самовыражения каждого человека. Это и семья, и организационные структуры (комиссии по делам семьи, детства и молодежи), и властные структуры (мэрии, департаменты), и органы представительской власти.

Поэтому идея ряда ведущих специалистов и ученых в области социально-культурной деятельности, культурологии о подготовке кадров – о необходимости расширения рамок понятия «культура» не только как исключительно художественной и духовной сфер, но и сфер политической, художественной, правовой и т. п. – имеет под собой реальные запросы общества. Основываясь на этом факте, можно, по нашему мнению, наполнить новым содержанием основную цель вузов культуры, заявленную в квалификационных характеристиках всех специальностей: способность повышения культурного уровня народа. Одним из способов решения этой задачи является насыщение многообразных сфер общества профессионалами, владеющими методами организации социокультурной и культурно-досуговой деятельности в условиях рынка. Принятие такой точки зрения должно повлечь за собой кардинальные изменения концепции подготовки специалистов институтами культуры и искусства и направленности государственной политики в области подготовки кадров социокультурной сферы.

Резюмируя вышеизложенное, можно назвать основные благоприятные для вузов культуры факторы и условия:

1. Существует объективная потребность в расширении зоны массового гуманитарного образования.

2. Вузы культуры и искусства имеют потенциальные возможности для того, чтобы найти свою роль в реализации этой потребности.

3. Возникла и усиливается объективная необходимость включения социально-культурного аспекта во все сферы общественного бытия.

4. Возможность реализации этой потребности обуславливается наличием ряда социальных ниш, которые могут занять вузы культуры.

5. Возможна концептуальная и структурная перестройка вузов культуры и искусства, их профессиональная переориентация.

6. В случае перестройки вузов культуры социальный заказ на специалистов, выпускаемых ими, будет постоянно расти.

Выпускник вуза культуры и искусства – это носитель не только специальных знаний в выбранной им области культуры, но и нового, менеджерского мышления, рассматриваемого как способ решения проблем в условиях ограниченности средств и времени и рыночной экономики. В соответствии с этим представлением должна выстраиваться целостная система специальностей, специализаций, квалификаций, соответствующих им учебных планов, программ, научной, учебной и методической литературы при условии сохранения всего ценного, что было наработано вузами культуры и искусства в предшествующие годы.

Исследовательские данные, анализ имеющегося отечественного и зарубежного опыта показывают, что для подготовки таких специалистов необходимы структурная перестройка вузов культуры и искусства, кардинальная перемена как управления ими, так и системы их финансирования.

Сегодня в государственной образовательной политике исключительное внимание уделено пересмотру социально-гуманитарной подготовки студентов. Современные специалисты культуры должны обладать не только фундаментальной теоретической подготовкой, но и системой этнохудожественных знаний, особенностей культурно-исторического развития регионов. В последние годы повсеместно в России создаются различные центры национально-художественного возрождения прикладного творчества и ремесел, национально-культурные центры, любительские объединения разножанрового фольклора, социокультурные и неправительствен-

ные объединения, движения, фонды т. п. Все это объективно повлекло изменения структуры подготовки кадров в вузах культуры и искусства.

Россия обширна по территории и разнообразна по своим природно-климатическим, экономическим, национально-территориальным особенностям. Веками накапливался уникальный опыт сосуществования и взаимодействия культур, отличных по этническим, социальным, конфессиональным и прочим признакам. Это в полной мере относится к Алтайскому краю – сложному в социокультурном плане региону, где существуют, накладываясь друг на друга, не только несколько культур, но и несколько цивилизаций. Это обстоятельство сделало очевидной невозможность единообразных, стереотипных подходов в организации заботы в сфере культуры, актуализировало проблему проведения культурной политики на региональном уровне, в том числе и кадровой. Поэтому не случайно в современной государственной образовательной политике проблема регионализации отнесена к числу важнейших.

В условиях расширения академических свобод и прав вузов необходимо на основе вводимых государственных образовательных стандартов по каждой образовательно-профессиональной программе реализовать систему адаптационных мер, ориентированных на трансформацию направлений подготовки специалистов с учетом потребностей региона. Следует заметить, что парадигма регионализации образования для вузов сравнительно новая и научно мало разработанная. Нет еще и достаточно серьезных обобщений практической деятельности, особенно в отношении подготовки кадров для сферы культуры. Поэтому остановимся лишь на некоторых аспектах этой проблемы. Ее успешное решение зависит от количественного обеспечения потребностей учреждений культуры и искус-

ства региона высококвалифицированными специалистами, переподготовки кадров в соответствии с новыми специальностями и специализациями.

На наш взгляд, рациональным подходом в разрешении данного противоречия является: 1) выработка всеми субъектами Федерации совместно с Министерством культуры единой образовательной программы; 2) выработка прогнозной программы подготовки кадров по классификации специализаций и по количеству подготовки специалистов для каждого региона; 3) формирование временных научно-творческих коллективов для разработки соответствующих рекомендаций с соответствующим финансированием. Такой подход обеспечил бы более устойчивый режим работы всех учебных заведений, входящих в данный научно-учебный комплекс. Вообще создание таких комплексов представляется, в том числе за счет учебных заведений разных уровней других министерств, делом перспективным. Быстрое реагирование вузов на изменение специализаций и квалификаций с учетом изменения потребностей региона в специалистах делает такую систему эффективной и жизнестойкой. Гарантией этого могло бы служить участие вузов в осуществлении региональной политики подготовки специалистов культуры на всех уровнях, фактором и условием воспроизводства программ социокультурного развития регионов и страны в целом.

Региональный аспект во всей образовательной системе требует обязательного соблюдения принципа преемственности и последовательности в реализации согласованных образовательных программ, учебных планов, их научно-методического обеспечения. С этой целью стали создаваться региональные научно-образовательные комплексы, в рамках которых на ассоциативной основе действуют вузы, отраслевые научные

учреждения и другие организации. Образован в числе первых в России такой центр и в Алтайском крае, членом которого является и академия. Одним из главных направлений в деятельности центра является формирование региональных научных и образовательных программ, в том числе и переподготовки кадров, адаптации их в современных условиях. Перестройка структуры высшего образования ведет не только к изменению структуры довузовской, межвузовской подготовки специалистов по уровням, формам и видам, но и к созданию системы послевузовского образования. И эта задача также относится к региональной.

На наш взгляд, для того чтобы политика регионализации профессионального образования была эффективно реализована, необходимо придать этому процессу системный характер, обеспечить научно обоснованное управление по отношению к вузам. В этом плане, очевидно, следует определиться с самим понятием региона, соотнося его не только с определенной административно-территориальной единицей. Учитывать необходимо и тот факт, что по сравнению с университетами во всех этих учебных заведениях в силу их специфики студентов намного меньше, особенно по художественным специальностям. Следовательно, для каждого художественного вуза территориальный признак в работе с абитуриентами и специалистами в сфере культуры значительно шире, следовательно, богаче содержательная сторона по социокультурному разнообразию. Использование вариативного регионального компонента в учебном процессе. Он должен удовлетворять потребности всех субъектов, входящих в данный регион. Исходя из этой ситуации представляется необходимым создание научно-образовательных комплексов на базе каждого вуза в рамках Сибирского соглашения совместно с Министерством культуры России. При данном варианте, по

нашему мнению, можно было бы достичь в значительной мере управляемости процессом регионального профилирования высшего образования в соответствии с потребностями населения отдельных территорий.

Российская высшая школа – крупнейшая по своим масштабам и одна из лучших по качеству подготовки специалистов в системе высшего образования среди всех образовательных систем мирового сообщества. Это давно замечено зарубежными экспертами. Она обеспечивает выполнение прагматических задач государства по подготовке специалистов и является надежным социальным институтом, ответственным за воспроизводство научных знаний и культурных ценностей, их накопление и наследие.

Без сохранения и развития системы высшего образования никакие экономические реформы не будут иметь успеха, ибо, как показывает опыт ряда стран, достигших в последнее десятилетие экономического подъема, а вместе с ним и социально-культурного благополучия, решающую роль в этом процессе играет приоритетное внимание к проблемам подготовки специалистов, понимающих суть экономических реформ и способных реализовать их через новые экономические механизмы хозяйствования, через создание новых информационных технологий, через формирование новых социально-культурных отношений, современную социокультурную среду, культурную политику.

Дальнейший путь развития высшей школы – это путь последовательного преобразования ее в систему высшего образования, способную эффективно развиваться в условиях рыночной экономики и демократизации общества.

В высшей и средней специальной школе получили дальнейшее развитие принципы демократизации управления и автономии. Высшие и средние учебные заведения полу-

чили право на определение содержания образования.

Есть внутренняя логика и в построении программы, аргументирующая содержательный, научно-методический, организационно-управленческий аспекты образования. В содержание художественно-творческого, библиотечного и культурологического образования входит широкое отражение особенностей региона.

В АГАКи совместно с учреждениями культуры и искусства Алтайского края проведен тщательный анализ потребности региона в кадрах культуры и искусства, осуществлено исследование-прогноз модели личности работника социокультурной сферы с учетом изменившейся экономической и социокультурной ситуации. Этой проблеме был посвящен ряд научно-практических конференций, на которых обобщен опыт деятельности других вузов, внесены существенные изменения в перечень специализаций, учебных программ и планы, в деятельность всех структурных подразделений вузов, с целью выхода на новое качество учебного процесса и новые формы работы. Определена стратегия развития вузов культуры и искусства на современном этапе.

Общественно-государственная и региональная культурная политика должна включать функции непрерывного развития культуры. По мере снижения инфляционных процессов, преодоления кризисных явлений данная функция будет, по нашему мнению, постоянно возрастать. В настоящее время устойчивое социокультурное развитие региона настоятельно требует решения следующих проблем:

1. Совершенствование Закона Алтайского края о культуре, считая одним из механизмов его реализации ежегодное утверждение Программы устойчивого развития культуры и искусства Алтайского края.

2. Создание с целью координации духовно-нравственной жизни края при администрациях всех уровней общественных советов по культуре, объединяющих представителей общественных организаций, политических партий и движений, религиозных конфессий.

3. Организация в рамках ассоциации «Сибирское соглашение» выпуска периодического издания «Образование и Культура Сибири» на базе администраций Алтайского края, Новосибирской и Омской областей.

4. Привлечение внимания администрации края, городов и районов Алтайского края к необходимости выполнения «Основ Законодательства РФ о культуре», где закреплена доля расходов на культуру края не менее 6 % средств местных бюджетов.

5. Организационная работа и принятие Обращения к населению, предпринимателям, политическим движениям с призывом создания «Независимого фонда культуры Алтая» для поддержки культурных инициатив, творческих и научных талантов.

6. Финансирование образовательных культурологических программ и учебников, их регионального компонента по вертикали «школа – среднее специальное учебное заведение – вуз».

7. Исключение дублирования в масштабах региона в сфере подготовки специалистов художественного профиля разными образовательными учреждениями одного уровня. Рассматривать академию в качестве базисного регионального образовательного центра по данному направлению.

8. Ориентация массовых сельских библиотек на проведение библиосоциальной работы с социально ослабленными группами читателей, всех жителей региона, для чего на базе факультета информационных ресурсов и дизайна осуществлять:

- переподготовку библиотекарей;

- более массовую, чем ныне, подготовку специалистов библиосоциальной работы. Использовать эти кадры в профилактике различного рода конфликтов.

9. Вовлечение в актуальную социально-культурную среду богатейшего историко-культурного наследия Сибири и Алтайского края, редких музейных и библиотечных фондов, для чего предусмотреть расширение объемов и форм международного культурного обмена со странами ближнего и дальнего зарубежья.

10. Решение вопроса о направлении не менее 50 % денежных средств, полученных от сдачи в аренду памятников архитектуры, на проведение ремонтно-реставрационных работ этих объектов.

11. Разработка и внедрение инновационных социально-культурных технологий управления культурой, культурно-досуговой сферой, соответствующих актуальным запросам жителей региона и, прежде всего, социально-незащищенных слоев населения.

12. Содействие развитию жанров любительского творчества, поддержка юных дарований, различных формирований и общественных объединений в сфере культуры. Создание равных условий творческой деятельности для государственных и негосударственных организаций культурной направленности.

Представляется, что развитие образовательной системы в области культуры и искусства на территории региона, в частности Сибири, не должно быть стихийным, бессистемным, эпизодическим.

В целях организации межвузовского взаимодействия в рамках крупных социально-

экономических регионов Министерство культуры ведет работу по формированию межрегиональных научно-образовательных ассоциаций. Предполагается интеграция высших учебных заведений отрасли со всеми видами средних (колледжами, лицеями, училищами и др.) в единые региональные и межрегиональные комплексы (первоначально на договорной основе) университетского (академического) типа.

В улучшении финансового положения вузов важную роль призвано сыграть претворение в жизнь задач, выдвинутых в Законе РФ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», в котором определены принципы финансирования высших учебных заведений за счет государственного бюджета; предоставления налоговых льгот вузам и образовательным учреждениям дополнительного образования, а также организациям, вкладывающим средства в развитие этих видов образования. В указанном законе предусмотрено государственное финансирование научных исследований, проводимых высшими учебными заведениями. Вузы культуры и искусства нуждаются в финансовой поддержке их творческой деятельности.

Образовательная политика закономерно должна занимать важнейшее место в деятельности государственных органов, исполнительной и представительной власти как в центре, так и в регионах, краях и областях. Реформируемая Россия нуждается в достойной системе образования. Основной задачей государства и общества сегодня является необходимость сохранения и дальнейшего прогресса системы образования как главной общенациональной ценности.

Литература

1. Брижатова С. Б. Системообразующие основания разработки региональных программ и специфика технологий социально-культурного развития в России. – 2-е изд. – Барнаул: АлтГАКИ, 2008. – 407 с.

УДК 378

Н. Э. Касаткина, Т. Н. Семенкова

ЦЕННОСТИ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ¹¹

В статье речь идет о формировании ценности здоровья у учащейся молодежи, вводится понятие «здоровый образ жизни», рассматриваются пути изменения отношения учащихся к здоровому образу жизни, под которым авторы понимают стиль жизнедеятельности личности, который соответствует возрастным, половым особенностям человека, условиям его существования и ориентирован на культуру сохранения, укрепления и восстановления здоровья. К ведущим компонентам здорового образа жизни относятся: социальные, биологические и педагогические, т. к. здоровый образ жизни связан с выбором личностью позитивного в отношении к здоровому стилю жизни.

Ключевые слова: ценность, ценностные отношения, здоровье, здоровый образ жизни, культурологический подход, здоровьесберегающие технологии, педагогические технологии.

N. E. Kasatkina, T. N. Semenкова

VALUE OF HEALTH OF HIGHER EDUCATION STUDENTS IN THE CONDITIONS OF MODERN EDUCATIONAL INSTITUTION

The article is about of the formation of the students' health value. It introduces a notion of a «healthy lifestyle», examines how students' attitude to healthy life-style changes as individual style of personal life, which corresponds to age, gender characteristics of man, to conditions of his existence and is aimed at culture of preservation, strengthening and restoring of health. The leading components of the healthy lifestyle include: social, biological, and educational components because the healthy lifestyle is connected with person's choice of positive attitude towards healthy lifestyle.

Keywords: value, valuable relations, health, healthy lifestyle, culturologic approach, health saving technologies, pedagogical technologies.

С середины XVIII века из-за высокой смертности и заболеваемости детей вопросы сохранения и укрепления их здоровья стали занимать особое место в отечественной педагогике.

С конца XVIII – начала XIX века большое значение приобретает деятельность врачей закрытых детских учреждений, которые в своей практике не только занимались лечением больных учащихся, но и проводили гигиенические мероприятия, следили

за режимом дня, питанием, физическим воспитанием детей, условиями обучения и проводили мероприятия по борьбе с заразными болезнями, тем самым прокладывая первые пути здорового образа жизни.

Одним из важнейших компонентов и целей профилактики заболеваний и укрепления здоровья детей, подростков и молодежи является формирование здорового образа жизни.

Взаимосвязь образа жизни и здоровья личности выражается в понятии «здоровый

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи в условиях формирования, сохранения и укрепления ее здоровья», проект № 11-16-42005а/Т

образ жизни», которое объединяет все, что способствует выполнению человеком его профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья условиях, указывает на ориентированность личности в направлении формирования, сохранения и укрепления как индивидуально-го, так и общественного здоровья, включая двигательную активность, рациональное питание, удобный режим дня, отказ от вредных привычек, закаливание, сексуальное благополучие.

К негативным факторам, зависящим от самого человека и существенно влияющим на показатели общественного и индивидуального здоровья, относится абиологический образ жизни, который характеризуется гиподинамией, нерациональным и несбалансированным питанием, информационной перегруженностью, психоэмоциональным напряжением, злоупотреблением лекарственными препаратами, неоптимальным режимом дня.

Другими словами, **здоровый образ жизни** – это стиль жизнедеятельности, который соответствует возрастным, половым, наследственно обусловленным особенностям организма человека, условиям его существования и ориентирован на культуру сохранения, укрепления и восстановления здоровья, необходимого для выполнения человеком лично и общественно значимых функций.

К ведущим компонентам здорового образа жизни мы отнесли:

– *социальные*. Образ жизни должен быть эстетичным, нравственным и волевым;

– *биологические*. Образ жизни должен соответствовать возрастным особенностям, быть обеспеченным энергетически, укрепляющим и ритмичным.

Здоровый образ жизни – это поведение человека, его стиль, способствующий сохранению, укреплению и восстановлению здоровья. Здоровый образ жизни – это не только медицинская, а в первую очередь – это социально-экономическая категория, ко-

торая зависит от развития общества и общественных отношений. Здоровый образ жизни связан с выбором личностью позитивного в отношении здоровья стиля жизни, что предполагает высокий уровень педагогической и валеологической культуры отдельных социальных групп и общества в целом. К педагогически рациональным формам поведения мы относим поведение, способствующее повышению защитных свойств организма, а также поведение, направленное на предотвращение привычек, вредных для здоровья, и их устранение.

Повышение защитных свойств организма включает в себя оптимальный режим различных видов деятельности и отдыха, рациональное питание, оптимальную двигательную активность, физическую культуру, закаливание, соблюдение правил личной гигиены, активность и систематическое слежение за собственным здоровьем, позитивное экологическое поведение.

В связи с этим большое значение имеет предупреждение возникновения предпосылок, вредных для здоровья, которое предусматривает различные уровни и направления действий.

В 50–70-х годах XX века все более прочные позиции в системе отечественных воспитательных и образовательных учреждений завоевывают физиолого-педагогические аспекты здорового образа жизни, разработка «уроков здоровья».

Стали очевидны проблемы, которые влияют на нарушение здоровья в образовательном пространстве: *первая* – чрезмерная занятость, учебные перегрузки, возникающие из-за неумения школьника учиться, которая приводит к общему ослаблению организма, к частым заболеваниям; *вторая* – несоответствие санитарно-гигиеническим нормам (освещенность, размеры парт, доски), которая приводит к нарушению осанки, зрения; *третья* – несоответствие между внешними требованиями и возможностями учащихся,

которая приводит к развитию неврозов [1].

Несоответствие образовательных программ и технологий обучения индивидуальным особенностям организма и личности наиболее четко выявляется в сенситивные периоды онтогенеза, совпадающие с началом обучения, когда организм ребенка характеризуется повышенной потребностью в двигательной активности, и пубертатным возрастом, в котором интенсивно формируются оперативные и стратегические механизмы регуляции процессов адаптации к внешним воздействиям, система ценностно-смысловых ориентаций личности [2].

Вместе с тем, индивидуальный подход к обучению учащейся молодежи в соответствии с его реальными возможностями и способностями существует в основном на бумаге. Реализовать его очень сложно, потому что образовательное учреждение – это достаточно жесткая система, ориентированная на среднестатистического молодого человека. Практическая педагогика имеет дело с гетерогенной популяцией, различной по своим индивидуально-типологическим особенностям, среди которой обучающиеся имеют разный уровень подготовки, а те, чьи родители не справляются со своими обязанностями по воспитанию детей, через 6–7 лет становятся источником повышенной опасности для своих более благополучных одноклассников и взрослых. Другими словами, вместо того, чтобы адаптировать и социализировать обучающегося, находящегося в социально опасном положении (не совсем благополучная семья), образовательное учреждение становится для него источником дополнительного напряжения, опасности, и обучающийся не чувствует себя защищенным как в социальном, так и в физиологическом смысле.

В конце 80-х – начале 90-х годов в качестве важной проблемы разрабатывается половое воспитание, которое широко освещает в печати целый цикл тем и проблем, посвященных детской и юношеской преступности,

детской наркомании, алкоголизму, что заставило ученых заговорить о неблагополучии в этой области воспитания и образования, о необходимости не только искать, но и находить пути и средства выхода из сложившейся ситуации [3; 4; 5].

Продолжая традиции отечественной гуманистической психологии и педагогики [6; 7], представители нового развивающегося здоровьесберегающего научного направления [9; 10] главным считают разностороннее совершенствование человека в гармоничном балансе души и тела: сохранение и укрепление, развитие духовной, психической, соматической составляющих здоровья.

Теоретической предпосылкой модели здоровья обучающихся являются два главных параметра современной медико-биологической и психолого-педагогической науки – *приспособленность к окружающей биосоциальной среде и гармоничная включенность в сообщество людей* [10].

Отсюда вытекает суть интегрального социально-биологического подхода к здоровью обучающихся: **здоровым может быть признан лишь тот человек, «который гармонично включен в свое социальное окружение, адекватно действует и реализуется в нем в соответствии со своими возрастными, социально-психологическими, индивидуально-типологическими (психофизиологическими) особенностями»** [9].

На современном этапе развития общества, когда обостряется проблема оздоровления нации, особое значение приобретает не столько реализация медицинских мероприятий, направленных на лечение уже больных детей и подростков, сколько создание социально и личностно-ориентированной среды, способствующей формированию у них позитивного отношения к своему здоровью.

Вместе с тем, как добиться того, чтобы сохранение здоровья стало ведущей, органичной потребностью человека на протяжении его жизненного пути, является одним

из центральных, но слабо разработанных вопросов педагогики здоровья.

Понятие «отношение к здоровью» является сложным и комплексным; включает в себя несколько элементов: *когнитивный* (идеи, мнения, убеждения), *эмоциональный* (чувства, эмоции, ценности), *поведенческий* (действия и деятельность). Отношение к здоровью является одним из важнейших компонентов системы ценностей человека.

Понятие «отношение к здоровью» можно рассматривать с двух позиций: отношение к здоровью *на уровне индивида и общества*. Отношение индивида к здоровью определяется как сложившаяся на основе имеющихся у человека знаний оценка (самооценка) собственного здоровья, осознание здоровья как жизненной ценности, а также как совокупность действий, направленных на сохранение здоровья. *Отношение к здоровью на уровне общества* характеризуется системой мнений и социальных норм, существующих в обществе и выраженных в действиях, направленных на изменение состояния здоровья населения на различных уровнях социального управления.

Чрезвычайно важное место в реализации ценностей здоровья принадлежит проблемам, которые выявляют отношение к нему человека и общества, используют приемы, методы и способы формирования здорового образа жизни на основе общечеловеческой, национальной и региональной культуры. В качестве компонентов этих проблем выступают следующие:

- осознание себя, собственной жизни и здоровья, а также индивидуального развития как субъекта культуры;
- признание ценностей жизни и здоровья семей, обществом и государством;
- осмысление и использование для сохранения здоровья ценностей, определяющих человеческое бытие (социальное, экономическое, познавательное, духовное).

Отношение отдельного человека к здоровью может быть охарактеризовано следующими показателями: *оценка (самооценка) здоровья, медицинская информированность (знания в сфере здоровья), ценностные установки в отношении здоровья, деятельность человека по сохранению своего здоровья (в том числе и физическая активность)* [11].

Анализ литературы свидетельствует о том, что одним из основных элементов здорового образа жизни является физическая активность [12], которая рассматривает физическую активность как *«целенаправленную двигательную деятельность человека, выступающую как природно- и социально детерминированную необходимость и потребность организма и личности в поддержании гомеостаза, обеспечение морфологических, функциональных, биомеханических условий реализации генетической и социокультурной программ их развития в онтогенезе и преодоление факторов ему препятствующих»*.

По нашему мнению, физическая активность – самостоятельное социально-педагогическое явление, сущностное основание физической культуры личности, обуславливающее единство взаимодействия социального, физического и психического в человеке, а также целостность его здоровья, культуры и активности.

Исследование, проведенное нами, позволило выделить основные социально-экономические проблемы, которые негативно воздействуют на формирование потребности в здоровом образе жизни:

- здоровый человек не акцентирует внимание на своем здоровье, воспринимает его как естественную данность, поэтому потребность в здоровье выпадает из его поля зрения;
- отсутствует государственная политика «моды» на здоровье;
- негативное воздействие социального микро- и макрокруга;
- вследствие глубочайшего социального кризиса целью существования семьи ста-

новится не укрепление семейных традиций, а простое выживание; возникает опасность неадекватной социализации новых поколений, что отражается как на социальном здоровье общества, так и на уровне индивидуального психофизиологического потенциала.

Среди проблем, реально способствующих ухудшению показателей качества жизни и здоровья обучающихся, выделяются:

- недостатки в социальной и демографической политике государства;
- ухудшение структуры питания, увеличение количества подростков и молодых людей, употребляющих алкоголь, наркотики, токсические вещества и увлекающихся курением;
- дезорганизация отдыха большей части молодежи, включая школьников;
- слабая обеспеченность родителей достаточно оплачиваемой работой, полноценным и комфортным жильем;
- ухудшение психологического климата в семье из-за экономических проблем;
- низкая культура использования контрацептивных средств и высокий процент прерываемости беременности (абортов) по социальным показаниям и др.

Концепции сохранения здоровья учащейся молодежи и взрослого человека в основе своей очень близки, но не идентичны, поскольку им свойственны принципиальные и существенные различия. Определение здоровья, согласно Уставу ВОЗ: *«Не только отсутствие болезней и повреждений, но и полное физическое, психическое и социальное благополучие»* одинаково применимо к состоянию здоровья обучающихся и взрослых. Вместе с тем при явных достоинствах, состоящих в широте подхода к проблеме, это определение недостаточно конкретно для использования его в практике диагностики и измерения здоровья, особенно здоровья обучающихся, т. к. оно ориентировано только на оценку статической, сиюминутной ситуации и не учитывает противоречий между оценкой

состояния обучающихся с позиций моментной конституции и динамики развития.

Юность – период интенсивного и целенаправленного развития, процесс формирования физического, интеллектуального, психического, нравственного и социального совершенствования человека. Поэтому стержневой научной базой становится изучение возрастной биологии и экологии организма в раннем онтогенезе, методов защиты и обеспечения его полноценного развития и здоровья.

Напряженность процессов роста и развития, определяющих сущность юношеского организма, делает его одновременно и наиболее уязвимым, наиболее чувствительным к минимальным неблагоприятным воздействиям. У обучающегося появляется еще один качественно новый тип патологического эффекта, отличный от болезни, – *альтерация индивидуального развития, или альтерация онтогенеза*. Он возникает всегда при любых заболеваниях и патологических состояниях, но не имеет никаких непосредственных проявлений и может выявиться через многие годы после перенесенного воздействия, нередко уже во взрослом или пожилом возрасте, способствуя ограничению тех или иных способностей, функциональных резервов, границ адаптации.

В отличие от взрослых, молодому человеку свойственен широкий спектр совершенно особых состояний, нередко имитирующих заболевания, называемыеся **«критическими состояниями»** (периодами) развития». Любые «критические периоды» представляют собой состояния повышенного риска для истинных хронических заболеваний, т. е. могут быть отнесены к группе пограничных состояний.

В детской психологии принято различать три основных критических (или кризовых) периода, знаменующих переход от одного возрастного этапа к другому: 1–3, 7 и 12–15 лет, которые характеризуются неко-

торыми общими чертами: дети становятся капризными, раздражительными, часто вступают в конфликты со взрослыми – родителями и воспитателями. Недостаточный учет потребности ребенка в активных формах поведения, а тем более прямое их подавление могут стать причиной фрустрации, повышенной тревожности, напряженности, внутренней неудовлетворенности и определить его дальнейшие взаимоотношения со взрослыми, следовательно, и формирование личности.

Неблагоприятные, в том числе и микро-неблагоприятные, средовые воздействия в критические периоды последовательно одно за другим «срезают» потенциальные пределы биологического здоровья растущего ребенка, пределы, которые могут быть необходимы для реализации талантов и одаренности, резистентности к болезням и достижения долголетия. Наиболее вероятно при этом «срезание» потенциала высших интеллектуальных и творческих возможностей, т. е. «деталантизация», потенциала социализации, формирования высших уровней сознания. Последующими мишенями должны быть системы нейроэндокринной регуляции иммунитета, тонкие дифференцировки органных тканевых структур. Следствием всего этого будет общий эффект – снижение качества конечных результатов индивидуального развития личности обучающегося.

Знание внутреннего мира обучающегося, его психофизиологических особенностей в разные онтогенетические периоды, умение вовремя уловить первые признаки отклонений от нормы психического развития – необходимое условие предупреждения нежелательных явлений в формировании личности. Объединенные усилия врачей, педагогов, психологов и социологов должны быть направлены на укрепление защитных и адаптационных механизмов, на повышение сопротивляемости организма к неблагоприятным воздействиям, на всемерное оздоровление окружающей среды. Таким путем может

быть решена задача – создание максимально благоприятных условий для гармонического развития личности.

Здоровье и отношение к здоровью педагогов, обучающихся имеют большое значение в связи с тем, что *образовательные учреждения (как общие, так и профессиональные) являются важнейшим звеном социализации обучающихся*. Они способствуют проявлению и развитию их творческого потенциала, являются местом, где среди прочих ценностей усваивается ценность здоровья, формируется мотивация на сохранение своего здоровья и здоровья окружающих.

Образовательные учреждения – фактически единственный институт, обеспечивающий социально-психологическое воспроизводство индивидов – носителей определенных социокультурных, профессиональных и социально-статусных признаков. Под *социальным воспроизводством* личности мы понимаем обогащение растущего человека неким инструментарием от необходимого объема знаний до комплекса навыков и умений в рамках общественно значимой, востребованной профессии. Под *психологическим воспроизводством* понимается формирование психологических качеств, определяющих мировоззрение и гражданскую позицию человека с одной стороны, а с другой стороны, качеств, обеспечивающих возможность человека жить и действовать среди людей, в том числе и его профессионально важных качеств.

Условия воспитания и обучения являются той средой, в которой вынужден постоянно находиться человек в возрасте от 7 до 21 года. *Это годы интенсивного роста и развития организма, биологического и социального созревания личности, когда формируется мировоззрение, готовность к разнообразной трудовой и творческой деятельности.*

В то же время школьному возрасту свойственны большая ранимость, повышенная

чувствительность к воздействию неблагоприятных факторов окружающей среды.

Состояние здоровья школьников и студенчества в России вызывает, в силу явно неудовлетворительного уровня и его отрицательной динамики изменения, все большую тревогу, особенно в среде медицинских работников и педагогической общественности страны. Растущая учебная нагрузка, гиподинамия, общий психологический и социальный дискомфорт, антипедагогический и антикультурный характер многих материалов в СМИ – вот неполный перечень причин состояния проблемы, которое в целом должно быть определено как нетерпимое.

Возникла настоятельная необходимость в модернизации содержания образования за счет рационального использования инновационных технологий, которые позволят обеспечить долговременный оздоровительный и развивающий эффект по отношению к обучающимся и педагогам в соответствии с личностными, интеллектуальными и адаптационно-приспособительными возможностями субъектов воспитательно-образовательного процесса.

В связи с неблагоприятной динамикой заболеваемости, высокой распространенностью хронических заболеваний и морфофункциональных отклонений среди обучающихся особую актуальность приобретает решение задач поиска и внедрения эффективных стратегий их профилактики и оздоровления.

Исследование показало, что особую актуальность приобретает разработка и реализация комплексной оздоровительно-профилактической программы, направленной на *снижение уровня заболеваемости обучающихся; выделение основных факторов риска; уменьшение степени функциональной напряженности обучающихся и педагогов; восстановления резервов здоровья; разработку режимов жизнедеятельности с учетом индивидуальных особенностей ор-*

ганизма, «критических периодов» индивидуального развития; оценку степени готовности субъектов образовательного процесса к экстремальным проблемам среды и ее коррекцию.

Необходима профилактика даже незначительных донозологических нарушений нервно-психического и соматического здоровья обучающихся и педагогов, своевременное устранение возникающих отклонений, что должно быть основной задачей педагогики, психогигиены, физиологии и медицины.

Насущной проблемой является восстановление статуса образовательных учреждений как учреждений, призванных растить физически и психически здоровых граждан, сформировать у обучающихся потребности в хорошем здоровье, научить ответственно относиться не только к собственному здоровью, но и здоровью других людей, а также к сохранению среды обитания.

Таким образом, формирование у учащейся молодежи культуры здоровья и здорового стиля жизни наиболее существенными компонентами образовательной системы являются: *оптимизация воспитательно-образовательного процесса; обеспечение правильного питания обучающихся, организация физического воспитания; валеологическое образование, ориентированное на создание позитивного отношения к здоровью; психолого-физиологическое сопровождение образовательного процесса; борьба с девиантными формами поведения и др.*

На современном этапе развития общества, когда обостряется проблема оздоровления учащейся молодежи, особое значение приобретает создание социально адаптированной и личностно-ориентированной образовательной среды, способствующей формированию у индивида позитивного отношения к своему соматическому, психическому и социальному здоровью и здоровому образу жизни.

Литература

1. Дюндик Н. Н. Развитие, формирование и сохранение здоровья в школе // Вариант будущего: сб. науч. тр. – Красноярск, 1996. – С. 15.
2. Аршавский И. А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития. – М.: Наука, 1982. – 270 с.
3. Базарный В. Ф. Здоровье и развитие ребенка: экспресс – контроль в школе и дома: практ. пособие. – М.: АРКТИ, 2005. – 176 с.
4. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Прогресс, 1984. – Т. 4. – С. 269–318.
5. Динейка К. В. Движение, дыхание, психофизическая тренировка. – М.: ФИС, 1986. – 63 с.
6. Ананьев И. Н. Психология здоровья: пути становления новой отрасли человекознания // Психология здоровья. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 504 с.
7. Сухомлинский В. А. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности // История педагогики в России. – М., 1999. – 373 с.
8. Айзман Р. И. Здоровье населения России: медико-социальные и психологические аспекты его формирования. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 1996. – 28 с.
9. Казин Э. М. Теоретическая и организационная основа формирования здоровьесберегающей образовательной среды в регионе. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2006. – Ч. 1. – 106 с.
10. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. – Новосибирск: Наука, 1980. – 192 с.
11. Федоров А. И. Особенности вегетативной и эндокринной регуляции процессов адаптации учащихся к условиям среды в различные возрастные периоды: дис. ... д-ра биол. наук. – Томск, 2008. – 340 с.
12. Бальсевич В. К. Онтокинезиология человека. – М.: Изд-во ТиПФК, 2000. – 276 с.

УДК 378

М. И. Губанова

**ПОСЛЕВУЗОВСКОЕ ОБУЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ:
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ МАРШРУТ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПРОДУКТ**

В статье рассматриваются особенности организации деятельности слушателей в педагогическом процессе в условиях повышения квалификации преподавателей. Обучение слушателей в системе повышения квалификации рассматривается с позиций информационно-методического сопровождения и психолого-педагогической поддержки этого процесса с учетом основных положений андрагогического подхода.

Ключевые слова: образовательный процесс, система повышения квалификации, педагогическое сопровождение.

M. I. Gubanova

**POSTGRADUATE EDUCATION OF SPECIALISTS:
INDIVIDUAL WAY AND PERSONAL PRODUCT**

The article shows characteristics of the organization of the students' activity in pedagogical process of teachers' advanced education. Education of students in the system of training is considered in terms of information and methodological support and psycho-pedagogical support of this process with the main provisions of andragogic approach.

Keywords: educational process, system training, educational support.

По мнению российских педагогов и психологов (А. Г. Асмолов, В. А. Болотов, И. П. Подласый, В. Г. Разумовский, В. А. Сластенин, Д. И. Фельдштейн, и др.) привычные схемы организации единого и целостного педагогического процесса в общеобразовательной, профессиональной и высшей школе «не работают» на достижение целей образования. Известный ученый в области управления педагогическими системами Т. И. Шамова утверждает, что учитель, как и раньше, работает, исходя из старой нормативно-исполнительной парадигмы, тогда как его новые функции (исследовательская, диагностическая, коррекционно-развивающая и др.) требуют овладения основами инновационной, проектировочной, коммуникативной, рефлексивной, управленческой деятельности. Как показывает анализ образовательной практики, в традиционном обучении условия для раскрытия индивидуальных способностей, творческих проявлений обучающихся, к сожалению, недостаточны, т. к. личность ученика/учащегося/студента по-прежнему чаще является объектом педагогического воздействия, а не субъектом организованного взаимодействия. Не в меньшей мере на общий результат влияет дефицит у педагогов стремления или умения целенаправленно и конструктивно определять стратегию взаимодействия с каждым обучаемым, гибко дифференцировать содержание, формы и темпоритм коммуникаций, эффективно нормировать задания, оперативно изменять условия учения для творческой самореализации личности обучающегося и т. д.

Смысл организации современного образовательного процесса должен заключаться в создании надлежащих (необходимых и достаточных) условий для формирования обучающимися субъектного опыта самостоятельного и ответственного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных задач. Целевые ориенти-

ры развития отечественного образования, определенные в новом Стандарте, предполагают изменение требований к профессионализму, компетентности, эрудированности и мастерству профессионально-педагогических работников (ППР). Несомненно, основой профессионального роста и личностного развития специалиста является его активное и заинтересованное отношение к своему образованию, его продолжению и углублению. Овладение педагогическим опытом непосредственно связано с непрерывностью образования в послевузовский период, формированием соответствующей личностно-профессиональной позиции, реализацией личностного и творческого потенциала, расширением функционально-ролевого репертуара современного преподавателя.

Разработка теории и методики повышения квалификации (ПК), обеспечивающих возрастание степени творческой активности, инициативности, рефлексивности обучающихся педагогов, реализацию и развитие их субъектной позиции в образовательной деятельности, обусловлена необходимостью совершенствования способностей к самоорганизации, саморазвитию, умений самостоятельно осваивать постоянно обновляющуюся информацию, эффективно использовать образовательные технологии. Бесспорно, педагогические методики меняются, развиваются, отвечая на социальный заказ своего времени. Постоянно обновляющаяся практика обучения, воспитания, развития и образования молодежи заставляет педагогов-практиков, руководителей образовательных учреждений, организаторов детских и молодежных общественных объединений и творческих сообществ осваивать теоретические основы управления, менеджмента образования, педагогические технологии сотрудничества и сотворчества.

В своих экспериментально-педагогических исследованиях и практической деятель-

ности в системе повышения квалификации педагогов общего, профессионального и дополнительного образования мы ориентируемся на то, что в меняющемся мире для инновационного развития страны система образования должна обеспечить формирование таких качества выпускника, как инициативность, креативность, профессиональная мобильность, стрессоустойчивость и конструктивность. Следовательно, педагог должен, прежде всего, сам соответствовать и демонстрировать в повседневной профессиональной деятельности возможность их приобретения и продуктивной реализации собственного творческого потенциала. Для этого необходимо не только познание, усвоение и реализация конкретных педагогических методик, но выстраивание индивидуального образовательного маршрута и получение собственного образовательного продукта.

Современная система повышения квалификации специалистов предоставляет разнообразные возможности самостоятельного выбора слушателями: различных образовательных программ ПК, различных видов образовательных услуг (ПК, переподготовка, стажировка), форм ПК (модульное обучение, дистанционное обучение, очно-заочное обучение, накопительная система), сроков и форм курсового обучения (длительные и краткосрочные курсы, с отрывом, с частичным отрывом от работы, без отрыва от работы). Именно такой подход посредством определения совокупности принципов обучения и их реализация в построении модели обучения способствует организации образовательной среды различных курсов и форм ПК. *Накопительная система* представляет собой систему учета общего времени обучения слушателей через различные виды повышения квалификации (традиционное ПК, дистанционное ПК, стажировка при кафедрах учреждений дополнительного профессионального образования или в ОУ области, на

предприятии) по одной дополнительной профессиональной образовательной программе или нескольким программам-модулям. Особо подчеркнем, что обучение с использованием накопительной системы позволяет педагогу самостоятельно конструировать индивидуальный образовательный маршрут. *Дистанционное обучение* организуется на основе реализации различных моделей обучения: модель интеграции содержания обучения и дистанционных форм обучения, модель сетевого обучения с использованием автономных курсов дистанционного обучения; модель сетевого обучения и кейс технологий; разработка организационных и технологических основ модели на основе видеоконференций и интерактивного телевидения. Для реализации данных моделей используются ресурсы образовательных порталов, центров дистанционного обучения, обучение по индивидуальным планам с использованием технологий «портфолио».

Выстраивание индивидуального образовательного маршрута взрослым обучающимся осуществляется на основе интеграции профессионального, общекультурного личностно-творческого содержательных полей, а также при осуществлении информационно-методического, психолого-педагогического, андрогогического сопровождения их профессионально-личностного развития. Возможность выбора образовательного маршрута, участие в разработке и реализации образовательной программы, ответственность за результаты своего обучения позволяет педагогам в полной мере проявить себя как субъекта образовательной деятельности.

Информационно-методическое сопровождение повышения квалификации преподавателей определено как процесс создания и использования совокупности специальных форм, методов, процедур, факторов и условий их развертывания в специально организованном педагогическом процессе. Осно-

вой, стратегической целью, прогнозируемым результатом повышения квалификации и переподготовки преподавателей образовательных учреждений является формирование высокого уровня профессиональной культуры специалиста сферы «человек – человек», включающей усвоение ценностей, норм, профессиональных компетенций, социальных ролей и способов профессионального поведения и позитивного опыта самоорганизации.

Психолого-педагогическая поддержка направлена на активизацию собственных ресурсов педагогов и осуществляется с учетом субъективных факторов, влияющих на эффективность ПК: мотивация к саморазвитию, осознание педагогами информационного запроса, добровольное конструктивное включение педагогов в образовательный процесс, критичность мышления педагога, позволяющая адекватно оценивать и корректировать ход обучения; способность к рефлексии по поводу содержания, процесса и результатов обучения; андрогогическая компетентность преподавателей учреждения повышения квалификации.

Как известно, *андрогогический подход* предполагает: опору на профессионально-личностный опыт взрослых обучающихся; установление равноправной статусной позиции обучающихся педагогов и организующих этот процесс преподавателей методистов; диалоговое взаимодействие всех участников образовательного процесса, при котором важны не только знания и умения преподавателя, но и опыт, знания обучающихся; создание благоприятных условий для самостоятельного осмысленного обучения, стимулирования, активизации профессионально-личностного развития педагогов, предоставления им большей свободы и ответственности.

Такое комплексное сопровождение индивидуальной и совместной деятельности обучающихся на основе организации конструктивного творческого взаимодействия

представляет собой систему действий преподавателя, которая нацеливает обучающихся на новое качество учения с опорой на имеющиеся знания и методы познания. При этом личностный образовательный продукт выражается в совершенствовании общеучебных и специальных умений и навыков, овладении универсальными компетенциями широкого спектра (радиуса) использования. Как известно, ключевые или базовые компетентности многофункциональны, надпредметны и междисциплинарны. Основной *механизм* осуществления комплексного педагогического сопровождения образовательной деятельности слушателей курсов, по нашему мнению, заключается в следующем:

а) целесообразное планирование (отбор, выбор, структурирование, систематизация учебной информации и способы ее предъявления слушателям или способы ее освоения и усвоения взрослыми обучающимися);

б) эффективный выбор форм и методов педагогического управления информационно-поисковой, дискуссионной деятельностью обучающихся;

в) создание оптимальных условий организации самостоятельной познавательной деятельности обучающихся;

г) учет уровня сформированности готовности слушателей к совершенствованию профессиональной деятельности.

Мы выделили *три основных аспекта* педагогического сопровождения деятельности обучающихся по организации конструктивного творческого взаимодействия:

– *содержательный*: выявление уровня владения компетенциями: **социальными** (готовность и способность формироваться и жить в социальном взаимодействии – изменяться и адаптироваться; вырабатывать способность к рациональной и ответственной дискуссии и достижению согласия с другими) и **персональными** (готовность и способность личности: выявлять, осмысливать и

оценивать шансы своего развития; проявлять собственные дарования)

– *организационный*: актуализация различных видов индивидуальной и совместной деятельности студентов (учебной, самостоятельной познавательной, научно-исследовательской, творческой) с учетом уровня их готовности к их организации в профессиональной деятельности;

– *технологический*: отбор, выбор и разработка организационных форм воспитательно-образовательного процесса в аудиторное и внеаудиторное время: теоретических, практических, тренинговых занятий, коллоквиумов, творческих мастерских, модераторских семинаров, мастер-классов и

По нашему мнению, приоритет в профессиональном обучении объективно должен быть отдан технологиям, основанным на идеях субъектно-деятельностного и компетентностного подходов: а) учитывающих *потребности и образовательные запросы* взрослых обучающихся; б) способствующим *активизации* познавательной деятельности обучающихся; в) обеспечивающим *деятельностную* основу, *развивающий* эффект и *личностно-ориентированный* характер непрерывного образования; г) предусматривающих *обмен опытом и совместный поиск решения* профессиональных проблем; д) ориентированным на *субъект-субъектное взаимодействие* обучающего и обучающихся.

К примеру, при организации занятий по курсу «Педагогическое мастерство преподавателя: основы, опыт, перспективы» мы исходили из предположения, что чем активнее преподаватель участвует в собственной переподготовке, «на равных» с преподавателями, ведущими курс, ответственен за продуктивность прохождения семинаров и курсов, тем результативнее он сумеет организовать взаимодействие с обучающимися. По данным различных дидактических исследований определено, что обсуждение учебного материала, опора на практику,

организация взаимодействия студентов в микрогруппах, взаимообучение преподавателя и обучающихся обеспечивают от 50 до 95 % усвоения учебной информации. Вот почему **эффективно работающий преподаватель**, реализуя интерактивную функцию педагогического общения, предпочитает активный обмен образами, идеями, действиями, чувствами, ролями, функциями всех участников взаимодействия. Для методически грамотной организации интерактивного обучения необходимо обеспечить *постоянную смену*: а) *форм взаимодействия* (фронтальная, групповая, парная) участников образовательного процесса; б) видов деятельности (информационная, поисковая, игровая, исследовательская, практическая, проективная, творческая); в) *позиций* (активная/пассивная, ведущий/ведомый, субъект/объект) и ролей (говорящий/слушающий, спрашивающий/отвечающий, утверждающий/сомневающийся); с) *делегирование полномочий* (информирование, систематизация, экспертиза, инструктаж, анализ, оценивание)

Актуализацию рефлексивной деятельности обучающихся педагогов необходимо осуществлять постоянно (рефлексия фрагмента занятия, всего занятия, дня, недели, курсов). Для проведения рефлексии можно использовать разнообразные формы (рефлексивные карты, анкеты, ответы на вопросы, взаимоопросы, совместное обсуждение в паре, группе, индивидуально); проводить как содержательную (знания, умения, навыки, способы деятельности, компетенции), так и эмоциональную рефлексии (переживания, чувства, отношения). В целях плановой организации внеаудиторной деятельности в дополнительных образовательных программах предусмотрены темы для самостоятельной работы, вопросы к зачету, собеседованию, индивидуальные и групповые творческие задания, проводится обзор литературы.

УДК 373.1.013

Г. Г. Солодова, Н. А. Боброва

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

В статье раскрывается проблема реализации модели становления профессионального самоопределения студентов в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, педагогическая культура.

G. G. Solodova, N. A. Bobrova

DESCRIPTION OF THEORETICAL MODEL OF FORMING THE STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION IN PEDAGOGIC CULTURE OF CHANGING SOCIETY

The article analyses problems of realizing the model of forming the professional self-determination within educational process at universities.

Keywords: professional self-determination, pedagogic culture.

Анализ результатов констатирующего эксперимента показал, что без специально организованной деятельности профессиональное самоопределение свойственно только для 20–25 % студентов. Обосновывая концептуальные подходы к становлению профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, мы пришли к выводу о том, что «знаниевый» подход, который традиционно доминирует в организации образовательного процесса вуза, не может в полной мере обеспечить развитие субъектных характеристик студентов. В связи с этим возникает необходимость в переосмыслении вузовского этапа их подготовки к педагогической деятельности, обуславливающего становление профессионального самоопределения студентов.

Вузовский этап подготовки к педагогической деятельности рассматривается нами как начальный период профессионального раз-

вития личности, сущность которого – становление профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума. В контексте проблемы нашего исследования на этапе вузовской подготовки должны быть созданы условия, обеспечивающие развитие студента – будущего педагога как субъекта педагогической культуры. Как было отмечено ранее, уже в вузе студент должен развивать те черты и характеристики, которые позволяют ему овладевать принципами субъектной педагогики.

Педагогическое образование на этапе вузовской подготовки в ситуациях переходного состояния педагогической культуры должно нацеливать студентов на овладение преобразующими формами педагогической деятельности. Теоретический анализ проблемы педагогической культуры в изменяющемся социуме показал, что студент, получивший опыт инновационной деятельности в вузе,

оказывается способным реализовывать его на практике. Это значит, что становление профессионального самоопределения студентов на этапе вузовской подготовки должно быть обеспечено условиями, которые позволяют реализовывать его культуротворческую направленность, что становится возможным, если процесс обучения приобретает характер «позиционного обучения» (В. А. Сластенин), предполагающего формирование педагогической позиции студента, который реализует потенциал своей личности в условиях перехода системы образования на субъектную парадигму.

Отмечая значимость вузовского этапа подготовки студентов к педагогической деятельности, мы прежде всего акцентировали внимание на процессе преподавания педагогических дисциплин, которые имеют основополагающее значение для овладения профессией педагога. В нашей опытно-экспериментальной работе педагогические дисциплины выступают системообразующим компонентом в целостном процессе подготовки студентов к педагогической деятельности. Это обусловлено:

– во-первых, особенностью педагогической науки, которая базируется на выводах смежных с ней гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, представленных в образовательном процессе вуза как общеобразовательные компоненты, что привносит в содержание педагогической подготовки философскую, культурологическую и психологическую составляющие и обеспечивает социокультурную направленность в процессе овладения профессией;

– во-вторых, необходимостью педагогической науки для обоснования целе- и культуросообразности педагогической практики, на осмысление которой направлена педагогическая подготовка, и по отношению к которой самоопределяется студент, что позволяет ему

ориентироваться в изменении ценностно-смысловых оснований педагогической деятельности;

– в-третьих, возможностью педагогической науки для обоснования социокультурного типа современного педагога в целях познания студентом требований к профессии, обусловленных особенностями педагогической культуры изменяющегося социума, что позволяет ему решать проблему своей социокультурной идентичности.

– в-четвертых, содержанием педагогических дисциплин, представленным в контексте педагогической культуры изменяющегося социума и позволяющим рассматривать его как поликультурное образовательное пространство для становления профессионального самоопределения студентов, что дает возможность приблизить учебно-познавательную деятельность будущих педагогов к реалиям современного им социума и нацеливать подготовку к профессиональной деятельности на решение проблем и преодоление противоречий, возникающих в системе образования.

Таким образом, в результате теоретического анализа, позволившего перенести концептуальные подходы к становлению профессионального самоопределения студентов на процесс их подготовки к педагогической деятельности и обобщения эмпирического материала, полученного в ходе исследования, мы пришли к пониманию цели, структуры и содержания вузовского этапа подготовки студентов, обеспечивающего становление их профессионального самоопределения в педагогической культуре изменяющегося социума. Применение метода моделирования данного процесса позволяет нам переосмыслить сложившийся опыт подготовки студентов к педагогической деятельности. Моделирование традиционно рассматривается как метод построения и исследования педагогических процессов с целью их осознания, описания, оценки, коррекции и преобразования.

В ходе анализа научной литературы по проблемам моделирования гуманитарного знания (В. А. Штофф, Н. Д. Ковальченко, М. Вартофский, К. Б. Батороев, И. А. Колесникова, Г. Б. Корнетов и др.) мы определили свою позицию относительно того, чем для нас является моделирование процесса становления профессионального самоопределения студентов на этапе вузовской подготовки и какое значение это будет иметь для практической деятельности по решению поставленных в нашем исследовании задач.

Для нашего исследования важно понимание сущности метода моделирования, который заключается в воспроизведении системы элементов, представляющих собой определенные стороны, связи, функции предмета исследования, выделение которых осуществляется посредством абстрагирования и идеализации его сущностных характеристик, обязательных для учета в организации деятельности, обеспечивающей эффективность реализации изучаемого процесса. Метод моделирования позволяет уточнить иерархию компонентов педагогического процесса (системы), уяснить взаимосвязи между ними, организовать и систематизировать теоретические представления об изучаемом явлении или процессе. Определяя понимание метода моделирования для нашей работы, мы акцентируем внимание на том, что *теоретическая модель* – это вспомогательное средство, позволяющее в процессе познания использовать ее как идеализированный объект, который представляет собой *проект деятельности*; модель содержит общее представление о том, *каким образом необходимо выстраивать педагогическую деятельность в вузе* (в целом и в рамках преподавания педагогических дисциплин) *для достижения наилучших результатов*.

Методологией, определяющей моделирование процесса становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося

социума, являются концептуальные подходы – историко-цивилизационный, социокультурный, аксиологический, межапарадигмальный, инновационный, технологический, акмеологический и субъектный, которые обуславливают содержательные и процессуальные характеристики образовательного процесса вуза.

При проектировании процесса становления профессионального самоопределения студентов на вузовском этапе мы опирались *на идею* активизации субъектного фактора в овладении личностью основами педагогической деятельности, а также *на положение* о поликультурности как одной из важнейших характеристик педагогической культуры изменяющегося социума, предполагающих создание ситуаций выбора и определения личной позиции. Такой подход в понимании процесса профессионального самоопределения позволяет представить теоретическую модель данного процесса, что усиливает прогностическую функцию моделирования.

Использование метода моделирования как научного инструмента в целях нашего исследования позволяет: представить процесс становления профессионального самоопределения студентов вуза, суть которого проявляется в развитии и совершенствовании субъектных характеристик личности; обосновать поэтапность в решении задач освоения педагогической деятельности с учетом особенностей педагогической культуры изменяющегося социума; обозначить уровни становления данного процесса; определить его содержание, т. е. представить процесс становления профессионального самоопределения студентов целостно, системно, с учетом полноты его характеристик и логичности в реализации конкретных этапов. Выстраивая таким образом образовательный процесс вуза, мы исходили из того, что теоретическая модель будет использоваться нами в качестве схемы для анализа, коррекции и преобразования подготовки студентов к педагогической

деятельности, обеспечивающей становление профессионального самоопределения.

В результате моделирования была построена *теоретическая модель* становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума на этапе вузовской подготовки к педагогической деятельности. Модель состоит из *компонентов*: целевого, концептуального, содержательного, процессуально-технологического и диагностико-результативного, что отражает предметную и функциональную характеристики образовательного процесса вуза.

Обратимся к анализу представленной теоретической модели становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, акцентируя внимание на овладении педагогическими дисциплинами. Итак, выстроенная нами модель становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума представляет собой *результат переосмысления* всех компонентов образовательного процесса вуза – целей, концептуальных подходов и принципов, содержания, организационных форм и методов обучения, диагностики результатов, а также позиции преподавателя в его взаимоотношениях со студентами.

Изучение изменяющегося социума показало, что в современных условиях востребованным оказывается педагог, проявляющий себя как субъект педагогической культуры; такой педагог обладает личностными качествами, которые делают его способным реализовывать педагогическую деятельность, ориентируясь на ценности субъектной педагогики, позволяют решать проблему социокультурной идентичности. Данный образ выступает для студента – будущего педагога – как воплощение *эталона*, который рассматривается нами в качестве одной из ведущих тенденций, определяющих развитие

педагогической культуры в изменяющемся социуме, а потому *целевой компонент* в модели становления профессионального самоопределения ориентирует образовательный процесс вуза на развитие субъектных характеристик студента.

Возможность осмысливать конкретные характеристики образа современного педагога и соотносить их с особенностями своей личности актуализируется в процессе становления профессионального самоопределения студента, проявления его «Я-концепции», т. е. в восприятии самого себя студент начинает ощущать рассогласование между «Я-актуальное» (реальное) и «Я-идеальное» (потенциальное). Таким образом, в процессе становления профессионального самоопределения студент воспринимает себя человеком, развивающимся относительно временных и социокультурных изменений, т. е. «Я-динамическое» становится одной из значимых характеристик его личности, а овладение педагогической профессией изначально приобретает личностно-ориентированную направленность. Таким образом, *целевой компонент* в модели становления профессионального самоопределения ориентирует образовательный процесс вуза на развитие субъектных характеристик личности. На этапе вузовской подготовки студент занимает позицию субъекта учебно-познавательной деятельности, которая реализуется посредством сформированности профессионально-значимых умений:

- получать знания о требованиях (нормативах, ценностях), которые предъявляет профессия к личности будущего педагога, с учетом возможных изменений в социокультурной ситуации;
- получать представление о возможностях образовательного процесса вуза в целях формирования когнитивного образа будущей профессии;
- анализировать и оценивать особенности своей личности в соответствии с требованиями

ми будущей профессии и социокультурной ситуации (т. е. определять социокультурную идентичность);

- оценивать необходимость различных форм и видов учебно-познавательной деятельности для решения конкретных задач будущей профессиональной деятельности и профессионального саморазвития;

- анализировать и оценивать результаты учебно-познавательной деятельности с позиции будущей профессии.

Становление профессионального самоопределения студентов осуществляется *позитивно*. Учет особенностей педагогической культуры изменяющегося социума позволил выделить следующие этапы и соотнести их с видами учебно-познавательной деятельности студентов: *информационно-ориентированный* (в учебно-познавательной деятельности), *практико-ориентированный* (на педагогической практике) и *оценочно-результативный* (в процессе самопознания особенностей своей личности и уровня достижений относительно ценностей субъектной педагогики).

Концептуальные подходы и принципы, обеспечивающие становление профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума, позволили разработать содержательный, процессуально-технологический и диагностико-результативный компоненты представленной модели.

Концептуальный компонент модели становления профессионального самоопределения предполагает создание образовательной среды вуза на основе историко-цивилизационного, социокультурного, аксиологического, междисциплинарного, инновационного, акмеологического (личностно-ориентированного) и субъектного *подходов*, обеспечивающих учет и целенаправленное использование влияний педагогической культуры изменяющегося социума на формирование будущего педагога, а также

принципов (культуросообразности, поликультурности, альтернативности, проблематичности, диалогичности и самоопределения), реализация которых в образовательном процессе вуза способствует развитию субъектных характеристик студента, предполагает активное применение знаний о педагогической культуре изменяющегося социума в педагогической деятельности, основанной на ценностях субъектной педагогики.

Содержательный компонент в модели становления профессионального самоопределения предполагает организацию учебно-познавательной деятельности студентов – будущих педагогов, направленную на освоение гуманитарных дисциплин (включая педагогические) о педагогических процессах и явлениях, педагогической деятельности; это знания методологического, теоретического и методического плана. Реализация данного компонента обеспечивается освоением содержательных характеристик становления профессионального самоопределения, которые позволяют осваивать научные и ценностно-смысловые основания педагогической деятельности, ориентироваться в поликультурности, неопределенности и противоречивости педагогической культуры изменяющегося социума.

Содержательный компонент модели актуализирует прежде всего *познавательно-ориентационную и ценностно-ориентационную* содержательные характеристики профессионального самоопределения студентов, что позволяет ему осознавать сущностные характеристики педагогических процессов и явлений, приобретать знания об изменениях в педагогической культуре изменяющегося социума и формировать личный образ профессии и нормативов педагогической деятельности; позволяет будущему педагогу обосновывать социокультурную значимость педагогической деятельности, формулировать ценности-цели, определяющие гуманистиче-

скую направленность воспитательно-образовательного процесса учебного учреждения.

Реализация содержательного компонента модели предполагает изменение содержания педагогических дисциплин (инвариантной и вариативной части) путем включения знаний, умений и навыков, а также компетенций, направленных на познание педагогической культуры изменяющегося социума и самопознания особенностей своей личности относительно ценностей субъектной педагогики.

Преобразование содержания *инвариантной* части педагогических дисциплин («Педагогика», «Педагогика и психология», «Основы педагогического мастерства», «Методика преподавания спецдисциплин» и др.) должно происходить с учетом разработанных нами содержательных характеристик становления профессионального самоопределения студентов, а также концептуальных подходов и принципов, обеспечивающих их реализацию в педагогической культуре изменяющегося социума. *Вариативная* часть преподавания педагогических дисциплин позволяет использовать такие формы учебно-познавательной деятельности, как видеолекции, дидактический театр, встречи с педагогами-новаторами и выпускниками факультетов, экскурсии в системе дополнительного образования (научные кружки, клубы, олимпиады, конкурсы и т. д.) и т. д.

Процессуально-технологический компонент модели становления профессионального самоопределения реализуется посредством применения организационных форм, методов и средств образовательного процесса вуза, которые предполагают создание ситуаций, позволяющих ему реализовывать позицию субъекта в педагогической культуре изменяющегося социума, т. е. быть «созидателем» образа педагога и нормативов педагогической деятельности. Реализация данного компонента обуславливает *практико-ориентированную* содержательную характеристику становления профес-

сионального самоопределения студентов и позволяет им овладевать формами, методами и технологиями субъектной педагогики, приобретать опыт преобразующей деятельности.

Диагностико-результативный компонент модели предполагает выявление уровня становления профессионального самоопределения студентов и обуславливает развитие личностного потенциала в овладении научными основами педагогической деятельности. Реализация этого компонента в процессе подготовки студентов к педагогической деятельности актуализирует *личностно-ориентационную* содержательную характеристику становления профессионального самоопределения, что обуславливает формирование «Я-концепции» будущего педагога, соотнесенную с социокультурным типом современного педагога, а также формирование позитивного отношения к себе как субъекту профессионального развития.

Важным для нашего исследования было определение характеристик, раскрывающих *педагогические условия* эффективного функционирования модели становления профессионального самоопределения студентов в процессе их подготовки к педагогической деятельности. Анализ проблемы, представленный в предыдущих параграфах нашего исследования, позволяет выделить следующие условия:

а) *социокультурные*, требующие учета изменений, происходящих в педагогической культуре современного социума, – модернизация, происходящая в системе образования; поликультурность педагогической науки; плюралистичность и противоречивость теоретических оснований и научных подходов в решении проблем; динамичность происходящих процессов и т. д.;

б) *психолого-педагогические*, определяющие доминирование субъективного фактора в процессе организации воспитательно-образовательного процесса, т. е. студент в процессе познавательной деятельности дол-

жен иметь возможность выявлять профессионально-педагогическую позицию, которая рассматривается как результат становления профессионального самоопределения личности будущего педагога.

На примере естественно-научных факультетов КемГУ можно представить следующие этапы в организации образовательного процесса вуза и обосновать их целесообразность для становления профессионального самоопределения студентов

Информативно-ориентированный – самоопределение в профессии – представлен курсами педагогических дисциплин (1–3 курсы) – «Введение в педагогическую профессию», «Педагогика», «Педагогика и психология» и др., что предполагает актуализацию исходной позиции студентов. На этом этапе происходит первоначальное знакомство с профессией педагога, для студентов создаются ситуации, когда они познают многообразие педагогической деятельности, особенности ее осуществления в зависимости от социокультурных условий, им предлагается осознать образ современного педагога, оценить свою готовность к выполнению многообразных функций и соответствие личностных качеств требованиям современности.

Учебная дисциплина «Педагогика» («Педагогика и психология») предполагает систематическое и последовательное овладение теоретическими знаниями о сущностных характеристиках педагогических процессов и явлений, о поликультурности педагогической культуры в изменяющемся социуме, познание самого себя как будущего педагога и т. д. Этот курс является ведущим в становлении личности современного педагога, а потому так важно, чтобы в результате у студента сформировался когнитивный образ будущей профессии, когда исходная позиция студента обогащается педагогическими знаниями и опытом, выработанными человечеством и сохраненными в педагогической культуре. На этом этапе важно актуализировать тот

опыт и знания, которые значимы для решения задач современного социума.

Практико-ориентированный (3–4 курсы) – самоопределение в профессиональной деятельности – реализуется в овладении учебными дисциплинами, имеющими практическую направленность. В учебном плане определен курс «Методика преподавания спецдисциплин» и спецкурсы по педагогике – «Основы педагогического мастерства» и «Акмеология», а также педагогическая практика. На этом этапе акцент делается на развитии умений применять теоретические знания по педагогическим дисциплинам в практической деятельности, а потому проведение данных занятий требует специально разработанной методики.

Особое значение имеет курс «Акмеология», когда студент получает возможность познавать себя относительно реалий современного социума, выстраивать свой образ профессионала, оценивать уровень сформированности профессионально-необходимых качеств.

Оценочно-результативный (4–5 курсы) – сформированность когнитивного образа будущей профессии – студент проходит педагогическую практику, т. е. имеет возможность реализовать созданный им образ современного педагога и проявить сформированную профессионально-педагогическую позицию, выявить возможные противоречия и трудности в ее реализации.

На этом этапе студент сдает государственный экзамен по педагогическим дисциплинам и пишет выпускную квалификационную работу по одной из актуальных проблем развития личности. У студента создается возможность проявить концептуальность и интегративность своей профессионально-педагогической позиции, реализовать культуротворческую функцию в решении проблемы, сформулированной в его выпускной работе.

Ключевым компонентом в реализации модели становления профессионального самоопределения студентов мы считаем формирование *когнитивного образа будущей профессии*, в котором проявляется личностное понимание профессии педагога, обоснование ее ценностно-смысловой основы и ориентация студента на овладение демократическим стилем педагогической деятельности. Освоение педагогических дисциплин обуславливает развитие таких важных характеристик профессионально-педагогической позиции студента, как ее субъектность, си-

стемность, альтернативность, открытость, динамичность и т. д., которые обуславливают проявление субъектных характеристик личности будущего педагога.

Реализация разработанной нами модели предполагает, что в *результате* последовательной и многоэтапной учебно-познавательной деятельности студентов, реализуемой в образовательном процессе вуза, сформируется будущий учитель, в личности которого проявляются черты, характеризующие его как субъекта педагогической культуры.

УДК 378.147

С. Л. Лесникова, И. Н. Белянина

ПРЕОДОЛЕНИЕ СТУДЕНТАМИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ БАРЬЕРОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ В ВУЗЕ¹²

В статье раскрываются понятия «познавательные барьеры», «уровни сформированности познавательных барьеров», критерии и показатели. Предлагается содержательное наполнение педагогической модели преодоления студентами познавательных барьеров в обучении. Преодоление познавательных барьеров студентами первого курса мы рассматриваем как условие их успешной адаптации к образовательному процессу вуза.

Ключевые слова: адаптация к обучению в вузе, познавательные барьеры, преодоление познавательных барьеров, показатели критериев сформированности познавательных барьеров.

S. L. Lesnikova, I. N. Belyanina

OVERCOMING BARRIERS STUDENT COGNITIVE AS A CONDITION OF SUCCESSFUL ADAPTATION TO TRAINING IN HIGHER EDUCATION

The article describes the concepts of «cognitive barriers,» «levels of formation of the cognitive barriers,» criteria and indicators. It proposes meaningful content of pedagogical models to overcome the cognitive barriers to students' learning. Overcoming cognitive barriers to first-year students, we consider as a condition for their successful adaptation to the educational process at the university.

Keywords: adaptation to higher education, cognitive barriers, overcoming the cognitive barriers, indicators of criteria of the cognitive barriers' formation.

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Профессиональное самоопределение учащейся молодежи в условиях формирования, сохранения и укрепления ее здоровья», проект № 11-16-42005а/Т

Высшее образование для молодого человека должно стать той ступенью профессионального становления, на которой он получает мощный импульс развития своего интеллектуального потенциала, стимулирования процессов саморазвития и самообразования, активного формирования познавательных и профессиональных мотивов. Но к такому инновационному образовательному процессу в вузе студент должен быть готов. В последние годы отчетливо прослеживается низкий уровень готовности выпускников школ к освоению программ высшего профессионального образования. Для многих абитуриентов характерны репродуктивно-подражательный уровень познавательной активности, слабое владение приемами самостоятельной познавательной деятельности, интеллектуальными и общеучебными умениями, отсутствие системности в знаниях, недостаточная мотивация к учебе, избранной профессии. Все это мешает успешной адаптации студентов-первокурсников к образовательному процессу в вузе, в той или иной степени замедляет процесс формирования совокупности фундаментальных, профессионально-направленных и информационных знаний и умений, различных компетенций.

Неотъемлемым атрибутом любой деятельности являются барьеры, не составляет исключения и познавательная деятельность человека.

Анализ психолого-педагогической литературы не позволил нам констатировать, что существует терминологическое и концептуальное единство исследований познавательных барьеров в обучении. Приводятся различные дефиниции понятий «барьер», «затруднение», «трудность», «сложность», которые в той или иной степени раскрывают суть познавательных барьеров в обучении. Для рассмотрения познавательных барьеров в обучении необходимо разграничить указанные понятия. «Сложность» и «трудность»

рассматриваются как характеристики объекта и субъекта деятельности. В этом случае мы можем говорить о мере сложности и мере трудности в отношении учебной деятельности. «Затруднение» является процессуальной характеристикой учебной деятельности, производным феноменом от «сложности» и «трудности» и отражает психологическую работу, осуществляемую субъектом учебной деятельности по освоению (или преодолению) сложности и трудности (например, задачи учебного материала, отношений в рамках учебного процесса). Следует выделить два контекста понимания познавательных барьеров: деструктивный и конструктивный. В первом понимании познавательные барьеры – это все виды и формы познавательной деятельности, приводящие к деструктивным изменениям в процессе познания, вплоть до его блокирования и формирования тревожного отношения к процессу познания. Второй контекст понимания познавательных барьеров связан с выявлением особенностей преодоления обучающимися сложностей и трудностей при усвоении содержания учебного материала.

Познавательные барьеры в обучении мы рассматриваем как субъективно-объективные факторы, которые ограничивают познавательные возможности студентов и препятствуют построению ими эффективной образовательной деятельности и их личностному развитию.

Анализ литературы и интерпретация результатов, полученных в ходе проведения диагностики сформированности познавательных барьеров студентов первого курса, обучающихся на строительном факультете Инженерно-строительного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» и в филиалах ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» в г. Шарыпово, г. Ачинске, позволили нам выявить комплекс познавательных барьеров: *мотивационные*

барьеры (отражают несформированность учебной мотивации студента-первокурсника, ценностных ориентаций на профессию); *дидактические барьеры* (обусловлены недостаточно сформированными умениями конспектирования, составления тезисов учебных текстов и лекционного материала, самостоятельного поиска необходимой информации, представления информации); *деятельностные барьеры* (вызваны несформированностью умений работать в системе вузовских форм организации аудиторной работы и итоговой проверки знаний, отсутствием умений распределения бюджета времени для выполнения заданий в рамках самостоятельной работы).

Для педагогической практики значимым является вопрос преодоления познавательных барьеров в обучении. Практический опыт свидетельствует о том, что преодоление познавательных барьеров студентами не носит системного характера, не упорядочены способы выявления познавательных барьеров, не выделены и системно не представлены направления деятельности, не акцентированы те технологические возможности, которые способствуют преодолению первокурсниками познавательных барьеров в обучении.

Под преодолением студентами вуза познавательных барьеров в обучении мы понимаем педагогический процесс, определяющий совокупность научно-методических подходов, направленных на:

- устранение несоответствия уровня знаний обучающихся требованиям ФГОС ВПО, предъявляемым к подготовке студентов в вузе;
- формирование мотивационной и познавательной сфер личности обучающегося;
- реализацию индивидуальных особенностей обучающихся при организации их самостоятельной работы;
- формирование и корректировку индивидуальных образовательных траекторий.

В данной работе предлагается рассмотреть педагогическую модель преодоления студентами вуза познавательных барьеров в обучении как комплекс процессов по преодолению познавательных барьеров и формированию готовности студентов к обучению в высшей школе.

Для студентов значимым для преодоления познавательных барьеров является приобретение совокупности фундаментальных, профессионально-направленных, информационных знаний и умений, развитие профессионально-значимых способностей, качеств личности. Цель может быть достигнута в ходе решения ряда взаимосвязанных задач: выявление факторов, влияющих на формирование познавательных барьеров; диагностика уровня сформированности познавательных барьеров студентов; организация мероприятий по преодолению студентами познавательных барьеров и активизации их самостоятельной работы; использование средств информационных и коммуникационных средств обучения; повышение мотивации учебной деятельности и др.

В педагогической модели мы определили основные *функции*: *образовательная функция* (обеспечение преемственности в обучении «школа–вуз»; усвоение фундаментальных знаний, формирование умений и навыков, необходимых для формирования компетенций; овладение приемами самостоятельной образовательной деятельности; формирование интеллектуальной гибкости); *развивающая функция* (формирование таких значимых качеств, как логичность и системность мышления, самоорганизация и самореализация; развитие потребности в самосовершенствовании, самообразовании; развитие индивидуальных способностей обучающихся; формирование положительной мотивации к образовательной деятельности); *воспитательная функция* (формирование навыков управления своими познавательными

потребностями, ответственного отношения к образовательной деятельности; стремления к целенаправленной деятельности, ответственности за результаты самостоятельной работы; адекватной самооценки обучающихся; развитие умения соотносить свое поведение с действиями других людей).

Через данные функции реализуется содержательное наполнение педагогической модели преодоления студентами познавательных барьеров в обучении, которая включает: целевой, организационный, содержательный, технологический и результативно-оценочный компоненты (см. схему 1).

Целевой компонент в педагогической модели содержит цели преодоления студентами познавательных барьеров в обучении. К ним мы относим преодоление мотивационных, дидактических, деятельностных барьеров. Дидактические цели определяются как обеспечение преемственности в обучении «школа–вуз», способствующие усвоению фундаментальных знаний, формирование умений и навыков, необходимых для успешного осуществления образовательной деятельности в вузе, так и овладение приемами самостоятельной образовательной деятельности. Среди воспитательных целей следует выделить формирование ответственного отношения к образовательной деятельности, потребности в самообразовании.

Конструирование организационного компонента позволяет скоординировать учебный план первого курса и план реализации процесса по преодолению студентами познавательных барьеров в обучении. Организационный компонент включает диагностику по выявлению уровня сформированности познавательных барьеров, проведение уровневой дифференциации студентов; организацию мероприятий по преодолению познавательных барьеров, итоговую диагностику. Реализация содержательного компонента направлена на проектирование индивидуальных образо-

вательных траекторий для преодоления познавательных барьеров, определяются цели, объем и содержание самостоятельной работы при изучении дисциплины в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, конструируются задания. В качестве технологического компонента предлагаем использовать современные технологии: личностно-ориентированная технология обучения, рейтинговая система оценивания, информационные и коммуникационные технологии, позволяющие активизировать познавательную самостоятельность студентов, включив их в напряженный, но психологически комфортный процесс преодоления ими познавательных барьеров.

Для реализации этой модели применяются разнообразные методы (диагностики, формирования качеств личности, организации деятельности, контроля, самоконтроля и др.), а также программно-методические средства (индивидуальные программы самостоятельной образовательной деятельности, электронные образовательные ресурсы, учебные и методические пособия, банки заданий и задач, тренажерные программы, программы для самоконтроля, контроля и т. д.). Такое обеспечение осуществляется на основе принципов: личностно-ориентированного подхода к обучению, профессиональной направленности, открытого обучения, индивидуализации, дифференциации, субъект-субъектного взаимодействия преподавателя и студента.

Процесс преодоления студентами познавательных барьеров в обучении предусматривает *три этапа*: 1 этап – выявление исходного уровня сформированности познавательных барьеров студентов; 2 этап – процесс преодоления студентами познавательных барьеров; 3 этап – диагностика в ходе отсроченного контроля.

Результативность данного процесса может быть измерена через сформированность у обучающихся ряда критериев и показателей.

Схема 1. Структурные компоненты педагогической модели преодоления студентами познавательных барьеров в обучении

Под критерием сформированности познавательных барьеров студентов мы понимаем обобщенную оценку процессов познавательной деятельности, ограничивающую познавательные возможности студентов, препятствующую построению их успешной образовательной деятельности в вузе, личностному развитию обучающихся и приводящую к деструктивным изменениям в процессе познания.

В содержательном наполнении педагогической модели преодоления студентами познавательных барьеров в обучении нами выделены три критерия сформированности познавательных барьеров: *мотивационный, когнитивный, деятельностный*. В основе мотивационного критерия рассматривается сформированность учебной мотивации студентов первого курса к обучению, ценностное отношение к знаниям и их применению, которое означает, что преодоление познавательных барьеров осуществляется ими с целью успешной образовательной деятельности и, тем самым, качественной профессиональной подготовки. Мотивационный критерий предполагает наличие потребности в достижении и динамику ее повышения в процессе преодоления познавательных барьеров. Когнитивный критерий подразумевает сформированность знаний по учебным дисциплинам, проявление умения самостоятельно трансформировать знания, удовлетворенность от познания. К деятельностному критерию относим сформированность умений работать в системе вузовских форм организации учебного процесса, владение приемами и способами организации самостоятельной деятельности в процессе преодоления познавательных барьеров, сформированность качеств личности, необходимых для преодоления познавательных барьеров.

Оценка результативности деятельности по преодолению студентами познавательных

барьеров в обучении предполагает выбор показателей, которые выражаются в количественных данных, позволяющих оценивать степень достижения намеченного.

Показатели сформированности познавательных барьеров – это значимые количественные характеристики степени проявления того или иного критерия сформированности познавательных барьеров студентов в процессе педагогического субъект-субъектного взаимодействия, направленного на преодоление познавательных барьеров.

В качестве показателей мотивационного критерия выступают: уровень потребности в достижении, степень сформированности ценностного отношения к знаниям и их применению. Показателями когнитивного критерия являются: успеваемость по результатам сессии, успешность обучения (средний балл, качественное содержание результатов экзамена; прочность знаний, выявляемая при отсроченном контроле, наличие (или отсутствие) удовлетворенности от познания). К показателям деятельностного критерия относятся: выполнение учебного графика на начало экзаменационной сессии, уровень самостоятельности и других личностных качеств.

Для установления исходного состояния сформированности познавательных барьеров студентов необходимо определить уровни сформированности познавательных барьеров. Под *уровнем сформированности познавательных барьеров* студентов будем понимать степень наличия познавательных барьеров, обусловленную совокупностью показателей, взаимосвязь которых определяет сформированность познавательных барьеров.

Для оценки показателей сформированности познавательных барьеров предлагаем использовать три уровня:

– критический (отсутствие мотивации к обучению, знания не значатся в качестве

ценностей, большие пробелы в знаниях, умениях, навыках по предметам школьной программы, низкий уровень самоорганизации, самостоятельность отсутствует, процесс обучения вызывает отрицательные эмоции);

– допустимый (студент выступает в качестве объекта обучения, учебная мотивация средняя, имеет недостаточно сформированные знания, умения и навыки по предметам школьной программы, низкая степень сформированности ценностного отношения к знаниям и их применению, средний уровень самоорганизации, самостоятельности и др.);

– оптимальный (обучающийся выступает как субъект образовательной деятельности, высокий уровень учебной мотивации, студент имеет сформированные знания, умения, навыки по предметам школьной программы, сформировано ценностное отношение к знаниям и их применению, высокая ответственность и направленность на изучение дисциплин, успешность в образовательной деятельности, высокий уровень самоорганизации, самостоятельности, наличие удовлетворения от процесса познания).

Представленная модель преодоления студентами познавательных барьеров в обучении фиксирует систему требований к ним

и к организации процесса преодоления познавательных барьеров и сама по себе не является психолого-педагогическим инструментом. Но если на основе модели преодоления студентами познавательных барьеров разработать индивидуальные образовательные траектории по учебным дисциплинам в контексте организации самостоятельной работы студентов, позволяющие снять познавательные барьеры, либо снизить уровень их сформированности, то она становится инструментом решения многих психолого-педагогических задач, в том числе педагогического сопровождения адаптации студентов первого курса к образовательному процессу вуза. В связи с изложенным, представляется актуальным поиск путей и средств преодоления студентами вуза познавательных барьеров в обучении, которые должны соответствовать требованиям фундаментальности и целостности содержания образования; обеспечивать синхронность с действительным темпом прироста знаний; реализующие требования к формированию знаний, умений, навыков, компетенций принятого стандарта образования с целью повышения качества профессиональной подготовки в вузе.

Литература

1. Далингер В. А. Проблемы повышения качества подготовки инженерных кадров // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 9. – С. 55–56.
2. Кузнецова В. А., Сенашенко В. С., Вострикова Н. А. Преемственность и сопряжение образовательных программ и образовательных технологий в системе непрерывного образования // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2009. – № 4. – С. 174–181.
3. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 83–90.
4. Петунин О. В. Активизация познавательной самостоятельности учащейся молодежи: практико-ориентированные аспекты: монография. – Кемерово: Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010. – 252 с.
5. Пилипенко А. И. Феномен психолого-познавательных барьеров: опыт теоретического исследования. – Курск, 1995. – 103 с.

УДК 37.017.4

Т. Б. Игонина, О. Г. Красношлыкова

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

В статье представлен ретроспективный анализ организации гражданского воспитания в России. Авторы актуализируют проблему организации гражданского воспитания учащейся молодежи на современном этапе развития общества, систематизируя взгляды ученых на проблему гражданского воспитания.

Ключевые слова: гражданское воспитание учащейся молодежи, гражданин.

Т. В. Igonina, O. G. Krasnoshlykova

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CIVIL EDUCATION IN RUSSIA

In article the retrospective analysis of the organization of civil education in Russia is presented. The authors actualize a problem of the organization of civil education of studying youth at the present stage of development of a society, systematizing sights of scientists at a problem of civil education.

Keywords: civil education of studying youth, the citizen.

Одной из актуальных и широко исследуемых проблем педагогики и психологии является проблема гражданского воспитания учащейся молодежи. Гражданское воспитание предусматривает воспитание личности на основе государственных и общественных ценностей. Для государства важно воспитать личность гражданина, способную объединить личные и общественные интересы для блага своей страны.

Целью и результатом гражданского воспитания является сформированная личность – гражданин страны. Еще Платон одной из главных функций государства называл воспитание граждан, которые не будут нуждаться в законах, поскольку смогут сами регулировать свое поведение. А Аристотель определяет, что граждане отличаются своими специфическими функциями в обществе и государстве. Уже в античном обществе гражданское воспитание понимается как воспитание воина-патриота, полез-

ного гражданина, способного к исполнению общественных, прежде всего политических функций. Начиная с античных времен и до наших дней термин «гражданин» имеет глубокий смысл, связанный с правами человека, его свободой и ответственностью. В Древней Греции быть гражданином могли не многие, это было почетно. Гражданином называли не всякого свободного человека, не говоря уже о рабах. Гражданин обладал важными правами, как в личной, так и в политической жизни. Но у него были и серьезные обязанности: прежде всего, соблюдать законы и защищать отечество.

В словаре С. И. Ожегова гражданином называется «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью политических и иных прав и обязанностей». Правовед, доктор юридических наук Л. В. Лазарев отмечает, что гражданин – это тот же человек, но уже рас-

считаемый как участник политической и правовой жизни общества. К человеку как гражданину данного государства адресуются правовые установления, законы этого государства. Именно как гражданин он получает право на защиту со стороны государства внутри и за пределами своей страны. Таковы правовые последствия принадлежности лица к государству.

Изучая взгляды исследователей на понятие «гражданин» мы приходим к выводу, что гражданин может быть определен как минимум в двух смыслах – в относительно узком – юридическом смысле и в более широком – гуманитарном контексте. Гражданин – это человек, знающий и соблюдающий законы государства, обладающий правами и обязанностями, принимающий участие в жизни общества (в юридическом смысле). В гуманитарном контексте гражданин – это человек, обладающий определенными ценностями, ориентациями, активной нравственной позицией, готовый бескорыстно служить обществу. Ученые отмечают, что в традициях российского общества всегда было важно не столько юридическое определение данного термина, сколько его духовно-нравственный смысл. Так, в частности, в российской ментальности термин «гражданин» всегда трактовался в широком гражданско-патриотическом смысле, как гражданин своей страны, гражданин Отечества.

Сущность гражданского воспитания менялась по мере развития и изменения общества. Развитие человеческой личности происходит под влиянием всех социальных условий жизни. В процессе жизнедеятельности человек вступает в многообразные отношения с обществом, в условиях той социально-экономической и политической среды, в которой протекает его развитие, его образ жизни, проявляются его нравственные качества, поступки, действия. Поступки, действия регулируются обычаями, нравственны-

ми устоями, моралью. Кроме того, они регламентируются семейными и национальными традициями, административным, трудовым и другим законодательством. Общество, государство, в котором проживает гражданин, предъявляют определенные требования к организации его жизни, дисциплине, накладывают на него определенные обязанности. Сущность и содержание их зависит от общественных отношений, сложившихся в государственном устройстве данного общества, от тех политических, моральных, юридических отношений, которые господствуют в данном обществе. С изменением экономических, социальных и политических условий жизни граждан того или иного государства меняется и содержание их гражданского самосознания, гражданских прав и обязанностей.

История развития общества показывает, что в государствах антагонистических формаций гражданские права и обязанности, гражданский долг, гражданское самосознание зависели от классового положения людей внутри государства. Например, в рабовладельческом обществе право защиты родины и проявление храбрости при ее защите было монополией только свободнорожденных граждан.

В феодальном и буржуазном обществе задачи, содержание и средства гражданского воспитания были направлены на воспитание, с одной стороны, граждан, умеющих управлять и властвовать (из детей господствующих классов), с другой – умеющих подчиняться, служить интересам господствующего класса (из детей трудящихся классов).

Реакционная буржуазная педагогика в лице Г. Кершенштейнера выдвинула идею такого «гражданского воспитания», которое бы обеспечивало подготовку верных солдат, добросовестных работников и благонамеренных граждан. Теория гражданского воспитания Г. Кершенштейнера, опиравшаяся на об-

щечеловеческие ценности, состоит в том, что она своевременно указала пути и средства воспитания добросовестного и ответственного человека, «обладающего гражданским образом мыслей», умеющего работать на благо своего народа, способного противостоять движениям, направленным на насильственное изменение государственного устройства.

Представители же прогрессивной зарубежной и русской педагогики этого периода ставили требование такого воспитания, которое бы готовило граждан будущего свободного общества. Выдающийся французский просветитель Жан Жак Руссо в своих произведениях выражает протест против системы воспитания, при которой «есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, художники, но нет граждан». В воспитании гражданственности у всех сословий общества главной задачей он ставит привитие трудолюбия, самоотверженного исполнения общественного долга, положительных нравственных качеств.

Идеи индивидуализма в воспитании поддерживал Б. Рассел, английский математик и философ. Б. Рассел вслед за Руссо утверждает, что развитие мыслящей личности и формирование гражданина – совершенно разные вещи. В своих педагогических работах он отмечает, что воспитание гражданина предполагает разрушение творческих элементов, склонность к покорности и подчинение внешним силам. Философ резко критиковал современное ему «гражданское воспитание», как воспитание национализма и шовинизма. Отрицая так называемое «гражданское воспитание», он выдвигает идею общественного воспитания свободной творческой личности, которое вдохновлялось бы любовью и руководствовалось бы разумом. Согласно своей педагогической концепции Б. Рассел требует, прежде всего, освободить воспитание от натиска разнородных идеологий и политических интересов.

Со временем изменились взгляды педагогов на проблемы гражданского воспитания, которые считают наиболее важным подготовку гражданина, а не просто независимой личности. Индивидуалистический идеал воспитания сменяется идеалом воспитания человека-гражданина, члена общества, обладающего, прежде всего, теми нравственными качествами, которые необходимы для сохранения данного общественного устройства. Характерны в этом направлении взгляды профессора педагогики С. Нисбетта. Он считает исключительно важным гражданское воспитание в школе. По его мнению, воспитание активного гражданина предполагает хорошие знания в области общественных наук, знание общества и его традиций, умение сотрудничать с другими людьми. А профессор Лондонского университета Р. Питерс определяет общую цель воспитания – «воспитание гражданина демократического общества». Как считает Р. Питерс, задача гражданского воспитания в школе – воспитать у своих учащихся гордость за систему управления, которую может принять каждый разумный человек и в которой он может непосредственно участвовать на разных уровнях.

В общественном движении XIX века появились демократические взгляды, которые составили новое направление в развитии идеи гражданского воспитания в России. Так, для В. Г. Белинского воспитание гражданина заключается в подготовке борца за светлое будущее России, человека высокообразованного, сознательно разбирающегося в действительности, смело смотрящего в жизнь. Гражданское воспитание, по В. Г. Белинскому, должно быть направлено против человека-мещанина, обывателя, эгоиста, который живет в кругу своих личных интересов. Автор подвергает резкой критике людей, безразличных к общественной жизни, инертных празднолюбцев.

Развивая идеи В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов также говорили о воспитании нового человека – патриота своей родины, любящего свой народ и активно участвующего в борьбе за его интересы. Гражданское воспитание, по их мнению, это воспитание идейной убежденности, патриотизма, честности, правдивости, принципиальности.

Мы согласны со взглядами русских демократов XIX века, **которые выявили в гражданском воспитании патриотическую основу**, определяя, что патриотизм развивается при свободной и активной деятельности народа за интересы своей страны.

Определить место и цель гражданского воспитания в процессе становления человека пытались А. Н. Радищев, А. И. Герцен, Д. И. Писарев, Н. В. Шелгунов и др. Они отмечали, что чувства национального самосознания человека, его любви к Родине закладываются помимо процесса воспитания и составляют нравственную основу личности гражданина. Проблеме гражданского воспитания уделяли большое внимание педагоги, которые поддерживали взгляды демократов, например, К. Д. Ушинский. Он видел одну из задач гражданского воспитания в формировании «деятельных граждан». Под понятием «деятельных граждан» К. Д. Ушинский понимает граждан, способных максимально отдавать силы и, если надо, жизнь для развития своей страны. Интересен взгляд П. П. Блонского на воспитание гражданина. Педагог отмечает, что если речь идет о гражданине справедливого государства, то тогда гражданское воспитание заменяется нравственным, а если речь идет о специфическом воспитании гражданина данного государства – тогда нравственность подчиняется политике. Высказывания русского педагога Н. Румянцева звучат своевременно, актуально для современного российского общества. Он видит конечную цель не в воспитании «гражданина

определенного государства», а в воспитании «гражданина мира», выступает за воспитание человека, способного служить осуществлению общечеловеческих идеалов.

Таким образом, развитие идеи гражданского воспитания в дореволюционной России нашло отражение в передовой педагогической мысли и было ориентировано на соотношение гражданского и нравственного: путь к идеалу гражданственности лежит через усвоение общечеловеческих ценностей. Гражданское воспитание было свободно от узких рамок классового подхода и определялось как общечеловеческая ценность.

Октябрьская социалистическая революция, утвердившая власть рабочих и крестьян, поставила задачу воспитания нового гражданина – человека активного, сознательного, идейно убежденного борца за новое общество. Воспитание гражданина становится социальным заказом советской власти. Н. К. Крупская и А. В. Луначарский понимают под гражданским воспитанием подготовку гражданина, способного направить свою волю на искоренение индивидуальных потребностей и посвятить всего себя общественным интересам. Понятие «гражданин» при советской власти включало в себя идеологическую направленность. Гражданин, по определению А. С. Макаренко, должен являться творческой индивидуальностью, чтобы он мог в полной мере, реализуя все свои возможности и способности, трудиться на благо общества. Считая воспитание гражданина основой для формирования целостной личности будущего человека социалистического типа, А. С. Макаренко отмечал ведущие аспекты в воспитании гражданина. Прежде всего, он должен быть квалифицированный труженик, политически и экономически образованный, имеющий высокую общую культуру и полное среднее образование, ответственный за все свои действия перед коллективом и перед обществом, умеющий

работать в коллективе, дисциплинированный, с оптимизмом смотрящий вперед, верящий в светлое будущее своей страны. Среди качеств, необходимых советскому гражданину, А. С. Макаренко выделял внимание к человеку, великодушие и требовательность, ответственность, качества будущего семьянина.

В. А. Сухомлинский в гражданском воспитании стремился к тому, чтобы воспитанники не только знали, понимали добро и зло, справедливость и несправедливость, честь и бесчестье, но и переживали непримиримость, ненависть к социальному злу, бесчестию, несправедливости. Сам же педагог стремился воспитывать гражданственность на основе установления добрых связей ребенка с людьми и природой, искусством для того, чтобы каждый будущий гражданин мог выработать подлинно гражданское поведение.

Преобразование государства и демократизация всех сфер общества меняют содержание понятия гражданского воспитания. Содержание гражданского воспитания приобретает принципиально новый характер, заключающийся в том, что гражданственность учащихся понимается как ощущение себя нравственно, юридически и политически дееспособным гражданином страны, ответственным за то, что в ней происходит, за свои поступки и действия.

На протяжении многих лет ученые считали, что воспитывать человека необходимо в интересах государства или в интересах самой личности. Демократическое общество ставит другие цели перед гражданским воспитанием.

По мнению ряда исследователей (А. В. Бодаков, С. Д. Лаптенков, А. Ф. Никитин, Я. В. Соколов), в гражданском воспитании важное место занимает развитие внутренней позиции гражданина.

Исследователи проблемы гражданского воспитания выделяют качества, которыми должна обладать личность, чтобы быть гражданином. Так, Л. В. Кузнецова опреде-

ляет, что гражданином может стать только цельная, высокоразвитая личность. Человек не «винтик», не рычаг, не приводной ремень общественного развития, а самоцель исторического прогресса. В гражданском облике человека особенно важны качества общественного деятеля, творца новых социальных отношений, инициативного организатора.

Е. Никитенко утверждает, что гражданин сегодня в нашей стране – это человек, имеющий права и обязанности, соблюдающий закон и отвечающий за свои поступки. Каждый человек нашего общества должен иметь свою гражданскую позицию. А гражданская позиция невозможна без политической, нравственной и правовой культуры. По мнению А. Ф. Никитина и Я. В. Соколова, гражданин – это непременно творческий, причем всесторонне творческий человек, проявляющий самостоятельность мышления во всех сферах жизни. В. В. Андреев, П. П. Ширяев и др. ученые отмечают, что гражданин – это патриот, остро ощущающий ответственность за прошлое, настоящее и будущее Отечества, интеллигент, приверженный общечеловеческим духовным идеалам. Н. Савотина выделяет среди гражданских качеств человека трудолюбие, нравственность, уважение к правам и свободам человека, любовь к Родине, семье, окружающей природе. Такое сознание, определяющее поведение, является основой существования и развития демократического, самоуправляющегося общества.

В понимании В. М. Шепеля быть гражданином своего Отечества – это естественная потребность людей, удовлетворение которой выступает как условие их материального и духовного развития, утверждения гуманистического образа жизни. Свобода выступает как результат сознательной деятельности людей как граждан. Таким образом, быть гражданином означает не только являться членом общества (страны), но и глубоко осознавать личную сопричастность своему народу, нести

ответственность за все то, что происходит в обществе (стране), деятельно способствовать его прогрессу.

Современные исследователи проблемы гражданского воспитания выделяют многогранность процесса воспитания гражданина. Здесь важно подчеркнуть нравственный, патриотический, правовой аспекты.

Опираясь на мнение исследователей, можно сделать вывод о том, что гражданское воспитание – это многоплановый, целенаправленный процесс взаимодействия педагога с обучающимися с целью привития необходимых качеств, способных объединить личные и общественные интересы для блага своей страны.

УДК 373.1.013

В. В. Патрина, Г. Г. Солодова

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕБООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

В статье раскрываются содержательные характеристики, овладение которыми способствует становлению профессионального самоопределения студентов на этапе их вузовской подготовки к педагогической деятельности.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, педагогическая культура.

V. V. Patrina, G. G. Solodova

CONTENT DESCRIPTION OF FORMING PROFESSIONAL SELFDETERMINATION OF STUDENTS UNDER PEDAGOGIC CULTURE IN CHANGING SOCIETY

The article develops the content indicators gaining of which stimulates, forming students professional selfdetermination at the University state of training.

Keywords: professional selfdetermination, pedagogic culture.

Изменения, происходящие в педагогической культуре современного социума, обуславливают необходимость преобразований в системе подготовки студентов вуза к педагогической деятельности. На основании теоретического анализа проблемы и нашей опытно-экспериментальной работы выявлены и обоснованы *содержательные характеристики* становления профессионального самоопределения студентов в педагогической

культуре изменяющегося социума, которые проявляются в ходе подготовки к педагогической деятельности, в их числе:

– *познавательно-ориентационная*, которая реализуется в познавательной деятельности студента как приобретение знаний об изменениях в педагогической культуре изменяющегося социума и осмысление поликультурности современной системы образования; студент познает социокультурный тип педа-

гога, учится понимать и оценивать социальную ситуацию развития личности, выявлять социокультурный смысл происходящего; в контексте педагогической культуры изменяющегося социума создается образовательное пространство для выбора, при этом актуализируется необходимость проявлять критичность, избирательность, толерантность относительно поликультурности педагогической реальности; для студента создается возможность осмысливать и переосмысливать довузовские представления и взгляды относительно образа профессии и нормативов педагогической деятельности.

Познание поликультурности и неопределенности педагогической культуры изменяющегося социума акцентирует внимание на тенденциях в развитии системы образования, на проблемах и противоречиях, которые сопровождают инновационные процессы; обуславливает ориентацию в ситуациях «межпарадигмального пространства», нацеливает на определение для себя целе- и культуросообразного стиля педагогической деятельности, ориентирует на альтернативность принимаемых решений относительно совершенствования воспитательно-образовательной практики. Познание студентом особенностей педагогической культуры изменяющегося социума приводит к пониманию необходимости самоизменений в соответствии с требованиями социума;

– *ценностно-ориентационная* (или *смыслообразующая*), которая проявляется в познании аксиологических оснований педагогической культуры изменяющегося социума, изменении ценностно-смысловой парадигмы современного образования, а также в осмыслении аксиологических оснований инновационных процессов, характерных для педагогической деятельности; в присвоении ценностей-знаний, ценностей-качеств, ценностей-отношений, в которых отражаются целевые установки субъектной педаго-

гики; проявляется как формирование у студентов ценностных установок, являющихся ориентиром и инструментом в их будущей педагогической деятельности; проявляется в осмыслении категорий «должного» и «необходимого» в организации педагогической деятельности, вытекающих из сущностных характеристик педагогических процессов и явлений, адекватных педагогическим ценностям субъектной педагогики; студент оценивает и переоценивает свои жизненные и профессиональные ценности, которые будут реализовываться в будущей педагогической деятельности; происходит понимание смысла совершающихся действий и осмысление социальной необходимости модернизации системы образования.

Познание педагогической культуры в контексте ценностно-смыслового мира педагога рассматривается как личностно-смысловое самоопределение студента, когда происходит формирование эталонного образа будущей профессии и профессионально-педагогической позиции, основанной на ценностях субъектной педагогики; ориентирование в мире педагогических ценностей и смыслов актуализирует активно-избирательное, инициативно-ответственное, преобразовательное отношение к миру, к деятельности, к другим людям и самому себе; деятельность студента приобретает мотивационно-ценностный характер, что позволяет определять вероятность и значимость последствий принимаемых решений, брать на себя ответственность за выбор; студент научается понимать и принимать иные культурные ценности, критически оценивать их целе- и культуросообразность, демонстрировать готовность к диалогу;

– *личностно-ориентированная*, которая проявляется в самопознании особенностей своей личности относительно требований будущей профессии; акцентируется внимание на развитии личностных качеств, адекватных

новой педагогической реальности; результатом самопознания является формирование позитивного отношения к себе как субъекту профессионального развития и решение проблемы своей социокультурной идентичности.

Самопознание студентом особенностей своей личности обуславливает личностные изменения, которые проявляются как воспитание способности реализовать себя в новых условиях, организовать свою жизнь в соответствии с доминирующими в социуме нормами и ценностями; осознание в себе противоречий, в которых отражаются проблемы социума и профессии; решается проблема формирования образа «Я» как обобщенного представления себя в профессии, планирования жизненных перспектив; студент научается оценивать себя «нового» не с позиции прошлого опыта, а с позиции тех требований, которые предъявляет профессия, осознавать свои возможности и соотносить их с принципами субъектной педагогики;

– *практико-ориентированная*, которая проявляется в реализации студентом позиции субъекта педагогической культуры, утверждении найденного смысла в собственной деятельности; в овладении демократическим стилем педагогической деятельности; реализуется в стремлении студента как будущего педагога быть создателем нового образа педагога и нормативов педагогической деятельности, адекватных ценностям субъектной педагогики; направлена на поиск и разработку новых подходов, технологий, форм и методов, обуславливающих становление новой педагогической реальности; проявляется в стремлении студента предвидеть возможные варианты в развитии системы образования, обосновывать их целе- и культуросообразность относительно ценностей субъектной педагогики.

Студент становится способным не только интерпретировать социокультурную ситуацию, но и ответственно действовать в ней,

быть не только хранителем педагогических традиций, но и преобразователем педагогической реальности на принципах субъектной педагогики; быть культурно-мобильной личностью.

Результатом становится приобретение опыта преобразующей деятельности, адекватной ценностям субъектной педагогики; достижение гармонии внутреннего (морально-мировоззренческого) и внешнего (поведенческого) аспектов педагогической деятельности; готовности к трансформации социокультурного опыта для решения современных проблем развития, воспитания и обучения школьников, поиску и утверждению стиля педагогической деятельности, обуславливающего гуманизацию и демократизацию воспитательно-образовательного процесса учебного учреждения;

– *рефлексивно-оценочная*, которая реализуется как проявление студентом субъективно-оценочного отношения в процессе самопознания особенностей своей личности в соответствии с ценностями и требованиями профессиональной деятельности, адекватными социокультурной ситуации в системе современного образования; проявляется в готовности студента меняться в соответствии с требованиями профессии (студент учится контролировать и регулировать свое поведение с точки зрения принципов субъектной педагогики); направлена на изменение студентом самого себя относительно ценностей субъектной педагогики; на поиск условий и возможностей в целях достижения социокультурной адекватности личности относительно изменений, происходящих в педагогической культуре изменяющегося социума; направлена на осознание собственной деятельности, позволяющей видеть в ней успехи и неудачи, выявлять несоответствие личностных характеристик субъектной парадигме образования.

Результатом является формирование «Я-концепции», в основе которой – умение определять степень своей социокультурной адекватности, анализировать и адекватно оценивать собственную профессиональную деятельность и способы ее осуществления; критически оценивать практическую деятельность и по необходимости перепроектировать ее; сформированность рефлексивной позиции способствует «возвышению» над конкретной деятельностью, расширению рамок традиционной профессиональной роли, формированию умения «выйти» за пределы стереотипов личного опыта.

Владение рефлексивным анализом развивает саморегуляцию и самооценку студента, способность осознавать рассогласования между актуальными потребностями социума и реальными возможностями личности; аналитико-оценочные умения стимулируют обращение к прошлому опыту, его модификации относительно современной практики; студент становится субъектом педагогической культуры.

Следует обратить внимание на логическую последовательность в освоении студентом содержательных характеристик профессионального самоопределения – от познания *профессии в педагогической культуре изменяющегося социума* к формированию *когнитивного образа профессии в самосознании студента*, который проявляется как конкретная форма избирательного отношения в процессе освоения данных характеристик и представляет собой *интегративное и смыслообразующее понимание профессии и себя в ней*; сформированность когнитивного образа будущей профессии обуславливает самоактуализацию личности в овладении педагогической культурой изменяющегося социума.

В содержании когнитивного образа будущей профессии отражаются: *представления студента о личности педагога* как субъекта педагогической культуры; *профес-*

сиональные ценности-цели, обуславливающие ценностно-мотивационные аспекты его будущей профессиональной деятельности; *рефлексия* студентом особенностей своей личности относительно принципов субъектной педагогики; *восприятие себя развивающейся личностью*, проявляющей готовность меняться в соответствии с изменениями в социуме; *познание студентом личностных качеств*, адекватных новой педагогической реальности и побуждающих его к *преобразующей* деятельности; *ориентация* на овладение *демократическим стилем* педагогической деятельности, обуславливающим реализацию принципов субъектной педагогики.

Таким образом, результатом становления профессионального самоопределения студентов в педагогической культуре изменяющегося социума должен стать сформированный в их самосознании *когнитивный образ будущей профессии*, который рассматривается нами как один из компонентов проявления *профессионально-личностной позиции*.

В условиях педагогической культуры изменяющегося социума когнитивный образ будущей профессии, который формируется в самосознании студента как будущего педагога, является прежде всего отражением его *субъективных* представлений о будущем, в этом реализуется «авторство» студента в овладении педагогической культурой, т. е. авторское видение педагогических процессов и явлений, которое обуславливает его «выход» за рамки стереотипов педагогической деятельности и проявляется как результат его культуротворчества в педагогической культуре изменяющегося социума.

Когнитивный образ будущей профессии предполагает *системное* видение образа профессии и ее нормативов, проявляется как отражение целостности в познании педагогических процессов и явлений, а также предполагает поэтапность и логическую последо-

вательность осуществления педагогической деятельности – определения ее ценностей-целей, формулирования принципов и нормативов, выбора педагогических технологий, а также выстраивания отношений с воспитанниками и т. д.

В условиях педагогической культуры изменяющегося социума (неопределенность, поликультурность и т. д.), когнитивный образ будущей профессии допускает наличие *вариативности* и *альтернативности* педагогических подходов и технологий в организации воспитательно-образовательного процесса, что позволяет студенту как будущему педагогу преодолевать стереотипность известного опыта, развивая умение обосновывать его социокультурную значимость.

Когнитивный образ будущей профессии как образ, отраженный в самосознании студента, с одной стороны, характеризуется своей *устойчивостью*, т. к. выражает степень внутреннего принятия определенных ценностей, принципов и нормативов, форм и стиля поведения и на этой основе является способом включения личности в основные сферы профессиональной деятельности. Однако, с другой стороны, изменчивость педагогической культуры предполагает *динамичность* когнитивного образа, проявляющуюся в готовности студента переосмысливать созданный им образ профессии, в стремлении быть адекватным ситуации, целям и задачам обновления школы. Когнитивный образ будущей профессии, разрабатываемый студентом в процессе овладения содержательными характеристиками становления профессионального самоопределения, обеспечивает его *открытость* для корректирования и внесения изменений относительно возможности внедрения в практику принципов субъектной педагогики.

Когнитивный образ будущей профессии предполагает его *действенность*, т. е. возможность его реализации в практической

деятельности студента, в чем выражается его стремление быть создателем новой педагогической практики, основанной на принципах субъектной педагогики.

Таким образом, когнитивный образ будущей профессии рассматривается в нашем исследовании и как *результат* становления профессионального самоопределения студентов, и как *способ*, посредством которого студент может выразить (лично обосновать) свое отношение при освоении содержательных характеристик становления профессионального самоопределения в педагогической культуре изменяющегося социума.

Становление профессионального самоопределения студента посредством формирования когнитивного образа будущей профессии происходит в диапазоне развития ее характеристик и может быть представлено как фиксация крайне противоположных форм их проявления: выбор, при котором студент учитывает прежде всего *субъектные* позиции или проявляет *конформизм*, ориентируясь только на известные подходы (например, авторов учебников, мнение преподавателя); образ будущей профессии предполагает *системность* его позиции или для студента в восприятии будущей профессии характерна *ситуативность* и *спонтанность* его впечатлений; студент ориентирован на *вариативность* и *альтернативность* принимаемых решений или на *однозначный* выбор; его выбор отличает *устойчивость* взглядов или *динамичность* (возможно, *неустойчивость*) суждений и принимаемых решений; студент проявляет *открытость* к восприятию нового в жизни и в профессии или его отличает «*закрытость*» позиции в восприятии инноваций, значимых в ситуациях обновления школы и т. д.

Обозначенные характеристики когнитивного образа будущей профессии позволяют выявлять уровни становления профессионального самоопределения студентов

на этапе их вузовской подготовки, а также определяют направление поиска условий для субъектного проявления личности.

Анализ практики показывает, что подготовка студентов к педагогической деятельности зависит не только от того, насколько точно ему видится его профессиональное будущее (т. е. профессия и он сам в профессии), но и то, на какой *опыт прошлого* он опирается, когда осуществляет свой выбор. У каждого студента сформированы свои представления о педагогической профессии, эталонном, на их взгляд, образе педагога, что выступает своего рода точкой отсчета для выбора их (пока еще предполагаемого) будущего. Именно «прошлое» выступает для личности исходным моментом в его ориентациях на будущую профессию, а потому закономерно предположить, что процесс вузовского обучения (и, прежде всего, педагогические дисциплины) должен способствовать *переоценке* прошлого опыта с позиции проблем настоящего, ориентируя студента на овладение им «должного» в профессии, обусловленного «актуальной» педагогической культурой изменяющегося социума.

Таким образом, в процессе профессионального самоопределения возникает проблема *соотнесения* прошлого опыта студента с теми требованиями, которые предъявляются к личности педагога в условиях изменяющегося социума, когда выявляются новые тенденции в развитии современной системы образования. В целях наиболее успешной подготовки к педагогической деятельности для студента становится важным разобраться в своих представлениях о профессии, жизненных ценностях и нормах, стиле общения с другими людьми и т. п. для того, чтобы осмыслить «исходный» уровень своего профессионального развития, соотнести его с реалиями современного социума.

В связи с этим, на наш взгляд, профессиональное самоопределение студента в процес-

се его подготовки к педагогической деятельности следует рассматривать в двух аспектах: 1) как ориентацию, направленную *в будущее*, как определение своей перспективы, выстраивание эталонного образа профессионала и нормативов педагогической деятельности; 2) как ориентацию *в прошлом опыте*, выявление тех потенциальных возможностей, которые оказываются значимыми для решения проблем, возникающих в «настоящем», и изменение себя в соответствии с требованиями социума. Ситуация «межвременья» (Ю. Козелецкий) в овладении профессией позволяет нам рассматривать процесс профессионального самоопределения студента в условиях вузовской подготовки *и как постижение тысячелетнего опыта человечества по воспитанию и образованию растущего поколения, и как осмысление всех инноваций, обуславливающих модернизацию образования.*

Данное положение мы рассматриваем как основополагающее для выстраивания воспитательно-образовательного процесса в вузе, когда необходимо учитывать отражение переходного состояния в педагогической культуре как диалога между «прошлым» и «будущим». В процессе подготовки к педагогической деятельности студент как будущий педагог должен *осознавать* ситуацию переходности в педагогической культуре, в учебно-познавательной деятельности *актуализировать* поиск наиболее целе- и культуросообразных форм и методов, посредством профессионального самоопределения реализовывать «авторское право» на культуру, формируя адекватную социуму профессионально-педагогическую позицию.

Рассматривая студента как субъекта педагогической культуры, мы воспринимаем его как творца новой педагогической реальности, а потому в воспитательно-образовательном процессе вуза студент, овладевающий педаго-

гической культурой, не просто должен овладевать известной суммой знаний, но иметь возможность *переосмысливать* известный в культуре опыт педагогической деятельности, *выстраивать* свои представления о будущей профессии и нормативах профессиональной деятельности *с учетом реалий сегодняшнего дня*. Студент в процессе подготовки к педагогической деятельности должен получить возможность «творить» профессию, осваивая «актуальную» для изменяющегося социума педагогическую культуру.

Подчеркивая важность культуротворческой направленности процесса самоопределения студентов, следует заметить, что, становясь субъектом педагогической культуры, он реализует возможность «авторского права» на культуру (отраженную в содержании образовательного процесса), что позволяет ему проявлять свою позицию. Мы считаем, что в учебно-познавательной деятельности студент должен воспринимать себя создателем и преобразователем профессиональной деятельности. Выстраивая образ будущей профессии, студент не только усваивает педагогическое знание, он интерпретирует педагогический опыт, представляет себя в рамках созданного им образа, он «созидает» новый педагогический опыт относительно достижения идеала современного человека (созданного им в общении с другими студентами). Таким образом, студент получает возможность в рамках воспитательно-образовательного процесса вуза занять позицию субъекта педагогической культуры – он созидает свое понимание профессии, определяет свое видение профессии и свое место в ней.

Ситуация неопределенности, которую переживает студент, актуализирует особое состояние его личности. Поскольку прошлый опыт в профессиональной деятельности перестает быть значимым, а новый еще не сложился, то для него возникает проблема:

не просто привыкнуть к переменам, а выработать новые способы деятельности, адекватные тенденциям изменяющегося социума. У студента как будущего педагога должна актуализироваться значимость интуитивного познания изменяющейся педагогической реальности, обоснования новых смыслов, их сопоставления с новыми социокультурными условиями. При таком понимании ситуации студенту как будущему педагогу важно понять, что он становится «созидателем» нового образа профессии и нормативов педагогической деятельности.

Такое понимание ситуации, сложившейся в современной системе образования, дает нам основание размышлять о профессиональном самоопределении *как форме культуротворчества личности в педагогической культуре изменяющегося социума*.

Подводя итоги, мы считаем необходимым уточнить определение профессионального самоопределения личности. Изучив особенности педагогической культуры изменяющегося социума и ее влияние на данный процесс, мы пришли к выводу: *профессиональное самоопределение студента в педагогической культуре изменяющегося социума – это процесс, направленный на осмысление и преобразование педагогической реальности и самого себя с учетом ценностей субъектной педагогики*.

В процессе подготовки студентов к педагогической деятельности в условиях изменяющегося социума возникают задачи: во-первых, осмысления *педагогической реальности* переходного состояния общества, по отношению к которому происходит самоопределение будущего педагога; во-вторых, осмысления *самого себя* в этом переходном состоянии, осознание собственных возможностей и притязаний, а также условий для самоосуществления и самореализации студента в педагогической деятельности.

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 7.038.53:791.43

А. А. Гук

КОММУНИКАТИВНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ВИДЕОЛЮБИТЕЛЬСТВА

В статье речь идет о коммуникативно-эстетических аспектах культурного функционирования видеолубительства фольклорного типа. Проводится сравнительный анализ коммуникативно-эстетической сферы традиционного кинолюбительства и современных форм культурного функционирования видеолубительства. Выявляются специфические особенности культурного функционирования современного видеолубительства фольклорного типа.

Ключевые слова: коммуникация эстетическая, видеолубительство фольклоризированное, традиционное кинолюбительство, культурное функционирование, эстетика повседневности, любительская видеопродукция.

А. А. Гук

COMMUNICATIVE MODERN AESTHETIC CULTUREVIDEOLYUBITELSTVA

This article is about the communicative and aesthetic aspects of the functioning of cultural folk amateur video art type. A comparative analysis of communicative and aesthetic spheres of traditional and modern folk amateur video art is provided. The article identifies the specific features of the contemporary cultural video folk art type.

Keywords: aesthetic communication, folk amateur video art, Traditional amateur video art, cultural function, aesthetics of everyday life, an amateur video production.

Если в произведениях видео, ориентированных на традиционную экранную эстетику профессионалов, главным субъектом творчества выступает подготовленный, оригинально мыслящий, амбициозный субъект, то в сфере любительско-бытовой видеопродукции ситуация иная. Ее представляет, главным образом, творческий субъект, который не имеет специального образования, занимается видеосъемкой чаще всего эпизодически, не делает из своей деятельности средство

для материального существования, находится вне государственных форм институционализации.

Большая часть видеолубительства – это индивидуальные субъекты, которые производят видеоконтент, выполняющий совершенно особые социально-культурные и эстетические функции (фольклоризированный тип). Его конкретное описание вызывает определенные трудности, потому что формально институционализированных «точек»

доступа к данному видеомассиву не существует. Видеолюбительство в определенной мере продолжает эстетические традиции, заложенные фото- и кинолюбительством, реализуя технологические преимущества электронно-цифровой репрезентации.

Какие эстетические традиции были свойственны кинолюбительству и каким изменениям они подверглись на новом витке своего развития? В объективы кинокамер индивидуальных кинолюбителей попадали в основном явления повседневно-бытового плана. Об их типичном содержании можно судить, например, по фильму В. Майского «Частные хроники», который целиком сделан на уникальном материале любительских киносъемок. Среди отснятых ситуаций встречаются: сцены «встречи новорожденного» у роддома и похороны родственников; купание, кормление, пеленание ребенка и проводы молодых ребят в армию; обстановка квартиры, игрушки и жизнь городских улиц, природа; прогулки, игры детей во дворе и день Нептуна на водоеме; утренники детей в саду, праздник 1-го сентября и проводы зимы, моржевание; прием в пионеры, пионерский лагерь и дача, походы на природу; свадьбы, застолья и стройотрядовская жизнь; субботники, спортивные соревнования и туристические поездки, путешествия; отдых на юге и праздники (7 ноября, Новый год); уборка картошки и танцы и т. д.

Перечисленные выше тематические разновидности съемочного материала со всей очевидностью показывают, что любительское кинотворчество было ориентировано на быт, а не бытие, на «низ», а не на «верх», на «тело», вещь, а не на дух. Это, в свою очередь, доказывает его принадлежность к эстетике повседневности, которая постулирует ориентированность на аналогичные пласты жизни.

Словосочетание «эстетика повседневности» появляется в середине 70-х годов

XX века, отражая определенные закономерности, которые сложились при эстетическом освоении обычной жизни. Эстетика повседневности как процесс эстетизации неценного («мусора культуры») явно противостоит эстетике «высокой культуры» с ее духовностью и поиском высшего смысла. Обозначенная эстетическая оппозиция может быть представлена также и в таких понятийных парах, как «массовая – элитарная», «профанная (наивная) – интеллектуальная», «маргинальная – традиционная», «непрофессиональная (любительская) – профессиональная (ученая)» и т. д. Репрезентация повседневной реальности экранными средствами для любителя, наива, маргинала, непрофессионала и т. п. является актом придания ей функционального характера, в соответствии с определенной ценностной ориентацией. Фрагмент реальности в этом случае не «одухотворяется», а просто освобождается от своего привычного значения, начиная выполнять другие культурные функции.

Для любительского кинотворчества фольклорного типа данная культурная функция заключалась в аудиовизуальной ретрансляции повседневного опыта поколений, которая олицетворяла историческую память той или иной эпохи. Экранное формообразование при этом практически полностью подчинялось этой летописной функции. Ценность такого экранного материала определялась точностью, ясностью информации, заключенной в нем. Экранное произведение становилось красивым благодаря красоте самого объекта репрезентации, а не ее искусству. Это положение вполне согласуется с мнением известного исследователя популярной эстетики П. Бурдые, который отмечал, что произведение для нее «рассматривается как полностью оправданное, если репрезентируемая вещь достойна этого, если репрезентативная функция подчинена высшей

функции восхваления реальности, которая достойна вечности» [2, с. 7].

Именно в «вечность» превращал обыденную реальность факт любительской кинофиксации, который являлся одновременно своеобразным мостиком в прошлое время и пространство. Осознание того, что отснятый материал может служить не только средством информации о прошлом, но и средством его эмоционального переживания, создавало дополнительный стимул для творческой деятельности, придавая ей эстетическую ценность.

Для кинолюбителей повседневность не являлась питательной почвой их творческих амбиций. Она для них – естественная среда обитания, экранное отображение которой не увидишь ни в кино, ни по телевидению, т. е. свободная от ориентации на Другого творческо-продуктивная деятельность. Эта деятельность, свободная от внешней необходимости, порождала аудиовизуальный материал, как правило, неоформленный (неотобраный, неозвученный и т. д.), технически несовершенный, но «свой», личностный, а от того ценный семантически и эстетически.

Экранный продукт, функционирующий в сфере любительского кинотворчества, трудно назвать произведением в полном смысле этого слова, т. к. это почти всегда полуфабрикат – то, что получилось в результате кино съемки. Поэтому, говоря о нем, речь может идти лишь о любительском киноматериале.

Любительский киноматериал мифологичен по своей эстетической природе. Его невозможно рассказать, он не имеет сюжета, его можно только анализировать. Множественность, бессистемность любительской киномифологии препятствовали ее полноценному художественно-эстетическому постижению. Данное обстоятельство приводит к тому, что в любительском кинотворчестве отсутствует

сложившаяся жанровая система. Это один большой вид (жанр), различающийся только тематически, который выполняет для общества функцию сохранения, воспроизведения и эстетического переживания обыденного опыта поколений.

Создание экранных текстов, отображающих образы повседневности, само по себе превращается в повседневную деятельность, сливается с ней. Эта деятельность по своим внешним и внутренним признакам имеет мало общего с традиционно понимаемым «творческим процессом», в котором его субъект «вдохновляется» иным образом авторства, нежели возвышенное профессиональное искусство.

Если авторство в профессиональном кинотворчестве двигалось к достижению образцовой неповторимости, старалось стать абсолютно уникальным, то в такого рода любительском кинотворчестве его вектор был направлен в противоположную сторону – к полной безличности. И авторы, и их экранный материал оставались безымянными, демонстрируя тем самым свое существование вне традиционной эстетической нормы. Чаще всего они нарушали эту норму, избегая посвященности, деловитости, профессионализма. Для них естественной была такая организация своего эстетического опыта, для которой, по словам Маньковской, характерна «предельно нерепрессивная субъективность» [1, с. 91], стимулирующая авторскую самодостаточность.

Соответственно любительский киноматериал, в котором функции автора сведены к минимуму, существенно отличался от экранных произведений, реализуемых в рамках концепции «возвышенного», где доминирует всеобъемлющая самореализация. Помимо уже названных ранее отличий, таких как фрагментарность, незаконченность, бессюжетность, ненарративность, денотативная

репрезентативность, следует отметить еще одно качество эстетического бытования этого материала – он витально не функционален без непосредственной связи с породившим его субъектом. Эстетическая самостоятельность любительского киноматериала иллюзорна и не предполагала никакого автономного существования, т. е. без авторского присутствия была невозможна.

Эстетическое восприятие такого рода киноконтекста, занимая достаточно узкую зону экранного коммуцирования, тоже специфично. Ожидания, установки домашней зрительской аудитории – друзей, знакомых, родственников – были ориентированы на восприятие ценностно значимых лично для них явлений повседневной жизни. Все, что выходило за рамки личностного в плоскость общественную, вызывало у «своих» зрителей чувство неприятия. Причем, все это наделялось свойством «прекрасного объекта», т. е. идеализировалось и эстетизировалось, включая тривиальные и даже безобразные объекты.

К творчеству кинолюбителя фольклорного типа нельзя было применить понятие прямого диалога между экранным изображением и воспринимающим его зрителем. Он неизбежно оказывался опосредованным присутствующим здесь автором. Его эстетическая функция заключалась чаще всего в назывании и комментировании экранных объектов, чем достигалось вовлечение зрителей в процесс просмотра «фильма», их активное участие и сопереживание. Для популярной, по выражению П. Бурдьё, эстетики требование участия зрителей в акте освоения искусства является глубоко укоренившимся свойством [2, с. 5]. Однако здесь оно возникало не действием самой структуры экранного текста, а действенным извне словом самого автора. Именно импровизационная процессуальность словесного действия, в совокупности с изобразительным видеорядом,

создавала у зрителя эффект эстетического удовольствия, а не искусно сделанное произведение экрана.

Эстетические суждения, которые вызывали у зрителей демонстрируемые киноматериалы, нередко зависели еще и от экспрессивной изоморфности экранного изображения снимаемому объекту. Наиболее узнаваемая вещь, как правило, вызывала самые неожиданные чувства. Ценность реалистической репрезентации предметов полагалась при этом самоочевидной. Подобное восприятие свидетельствует о преобладании у данной категории зрителей «варварского вкуса».

Эстетические принципы фольклорного кинолюбительского творчества, о которых шла речь выше, характерны и для любительской деятельности посредством видеотехнологии. Вместе с тем это не означает их полной эстетической идентичности. Как и в профессиональной сфере, внедрение видеотехнологии в любительское экранное творчество не просто сделало его проще, качественнее, эффективнее, но и повлияло на подходы к процессам отображения и экранного восприятия повседневной жизни. Главным фактором при этом стала возможность качественно иной пространственно-временной организации видеоматериала.

Благодаря процессу автоматизации съемочного процесса, отображение повседневной жизни видеолюбителями сделалось легким и простым действием. Данное обстоятельство значительно увеличило количество видеолюбителей. Существенное возрастание субъектов видеолюбительской практики привело к тому, что обыденная повседневность предстала на домашних экранах во всей своей полноте, подробности, разнообразии и самое главное – процессуально. Впервые в истории человеческой цивилизации картина бытового мира людей стала отображаться и воспроизводиться не осколочно и фрагментарно, а целостно, континуально.

Трансформация в сознании видеолюбителя произошла под воздействием возможностей новой технологии, в которой уже не доминировал, как в кинолюбительстве, «принцип экономии» при осуществлении летописных функций, а предполагалось другое отношение к съемочному процессу и полученному результату. Легкость и практическая беззатратность получения экранного варианта собственной «истории жизни» стимулировала видеолюбителя к длительности, соответствующей реальному восприятию объектов действительности. Съемочная видеотехнология в этом смысле – идеальное средство.

Кроме качественной, документально убедительной и непрерывной видеокартинки, в эстетическое сознание видеолюбителя прочно вошел и «бытовой звук», повседневная звуковая реальность. Предшествующие кинолюбительские материалы вообще не имели синхронного звучания, а тем более многоканального, застряв на стадии немого кино. Использование синхронной звукозаписи открыло для видеолюбителя весьма разнообразный звуковой мир, который имеет собственные закономерности эстетическо-семантической репрезентации. Во многих случаях звуковой ряд оказывался значительно интереснее, привлекательнее и даже информативнее видеоизображения, придавая ему дополнительную достоверность.

Любительские видеоматериалы, став настоящему аудиовизуальными и предельно репрезентативными, заполнили собой экранное пространство, увеличивая документальную ценность и сводя его эстетическое моделирование к минимуму. В результате такого подхода представленность неэстетического, наоборот, оказалась доминирующей.

Репортажность как творческий метод кинолюбительской деятельности, которая предполагает активный отбор материала, по мере внедрения видеотехнологии уступила место длительному видеонаблюдению. При этом съемочные действия видеолюби-

теля получили своеобразное развитие в его комментирующих, оценочных суждениях, которые он высказывал из-за камеры, и которые, записываясь, тут же становились важнейшим элементом видеоматериала.

Можно сказать, что устные формы авторского комментирования, производимые во время просмотра любительского видеоматериала, трансформировались для видеолубительской практики в фиксированные формы, обозначающие спонтанные по своей природе реакции (семантические и эстетические) автора в момент непосредственного взаимодействия с интересующими его явлениями повседневности. Длительное наблюдение позволило ввести в летописный видеоматериал не только процесс «живого» авторского осмысления реального факта быденной действительности, но и вербальные эмоционально-чувственные реакции на него, которые запрограммировать заранее невозможно.

Что касается бытования и потребления любительского видеоматериала, то их особенности выразились в следующих тенденциях. Во-первых, любительский видеоматериал стал эстетически более выразительным. Из аморфного, неорганизованного, технически слабого киноматериала, он превратился, благодаря цифровым монтажным технологиям, в относительно структурированную, свободную от технических помех, красочную видеорепрезентацию, сопровождаемую к тому же титрами (субтитрами) и, в отдельных случаях, музыкальными иллюстрациями.

Во-вторых, расширилась зона эстетического функционирования любительского материала. Если раньше он коммуцировал только с ближайшим окружением автора, в организованных им специфических условиях кинодемонстрации, то теперь, благодаря простоте копирования и унификации телевизионного воспроизведения, видеоматериал можно было дать на время кому-либо, пода-

ритель, переслать и т. д. В целом эстетическое сознание видеолюбителя начинает предполагать в качестве своего элемента образ Другого, который практически полностью, отсутствовал у кинолюбителя фольклорного типа.

Заключая анализ коммуникативно-эстетической культуры в сфере любительского видеотворчества фольклорного типа, мы пришли к следующим выводам.

Любительское видеотворчество, продолжая традиции кинолюбительства, обнаруживает столь же тесную связь с эстетикой повседневности, которая основывается на принципе преемственности искусства и жизни, что предполагает подчинение формы функции. Его общими эстетическими признаками являются: авторская анонимность, мифологизированность видеопродукции, дилетантизм творческой деятельности (снимаю, как знаю и как хочу). Оно неоднородно по своей структуре, демонстрирует различную степень ориентации творческого субъекта и его экранного продукта на Другого.

Фольклорный тип любительского видеотворчества практически самодостаточен. Он привнес не только расширение, но и процессуальность в отображение повседневности, которая в своем экранном варианте соответствует длительности ее реального восприятия. В эстетическом сознании такого видеолюбителя присутствует установка на репрезентацию не только визуальных проявлений обыденных практик, но и на фиксацию звуковой реальности, которая по своей эстетической функциональности стала не менее значимой, чем видеоряд. При этом отказ от репортажности и доминирование метода длительного наблюдения стимулировали автора-videолюбителя к импровизационным оценочно-комментирующим действиям вербального характера, которые приобрели фиксируемые формы. Бытование и потребление любительских видеоматериалов фольклорного типа стало эстетически более выразительным и законченным, расширив зону своего эстетического коммуцирования.

Литература

1. Маньковская Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма) [Электронный ресурс]. – М., 1994. – 220 с. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Mank/index.php
2. Шапинская Е. Н., Кагарлицкая С. Я. Пьер Бурдьё: художественный вкус и культурный капитал [Электронный ресурс] // Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против». – М., 2003. – С. 431–453. – Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/articles/burdieu_01.htm

УДК 008

И. Ф. Петров, Л. И. Петров

ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье рассматривается категория «духовная жизнь», несущая большую смысловую нагрузку, при анализе общества как социального целого, раскрываются тенденции и закономерности функционирования, изменения и развития духовных явлений, их место и роль в обществе.

Ключевые слова: духовная жизнь, духовная деятельность, духовные потребности, духовные отношения.

I. F. Petrov, L. L. Petrov

STUDY OF THE SPIRITUAL LIFE OF SOCIETY: SOCIOLOGICAL APPROACH

This article deals with the category of «spiritual life», which carries great meaning in the analysis of society as a social whole, reveal trends and patterns of operation, changes and development of spiritual phenomena, their place and role in society.

Keywords: spiritual life, spiritual work, spiritual needs and spiritual relationships.

Управление процессами духовной жизни общества предполагает их всестороннее исследование. Такого рода исследования на теоретическом и конкретно-эмпирическом уровнях позволяют раскрыть тенденции и закономерности функционирования, изменения и развития духовных явлений, их место и роль в обществе. Эта работа сопряжена с немалыми трудностями, вызванными сложностью объекта изучения.

Интерес к исследованиям духовной жизни обусловлен закономерным возрастанием роли науки, искусства, образования и других важнейших сторон духовной жизни в настоящее время. Это объясняется рядом причин:

- во-первых, потребностями развития учения об общественном сознании и уточнения самой категории общественного сознания;

- во-вторых, потребностями развития учения о духовной культуре. Раскрывая содержание духовной культуры, определяя ее как явление, исследователи соотносят культуру с духовной жизнью;

- в-третьих, потребностями в методологии анализа явлений духовной жизни при проведении конкретно-социологических исследований;

- в-четвертых, потребностями, связанными, в частности, с разработкой системы ее категорий (А. К. Уледов).

Следовательно, сама общественная практика проявляет глубокий интерес к изуче-

нию духовной жизни, к ее методологическим проблемам. Отметим, что при исследовании духовной жизни используются различные аспекты изучения ее явлений: гносеологический, социологический, аксиологический и др. Взятые в совокупности, они могут воссоздать объективную картину жизни во всем ее многообразии, показать внутреннюю структуру, процессы, многогранную деятельность личности. В философской и социологической литературе существует множество точек зрения относительно духовной жизни, ее места в системе категорий и т. д. Однако до сих пор нет фундаментальных трудов, посвященных анализу духовной жизни как специфическому общественному феномену, в нашем аспекте рассмотрения. В разное время проблеме уделяли внимание: Н. Б. Биккенин, В. С. Барулин, Д. К. Гордеев, В. А. Демичев, В. В. Журавлев, М. Т. Иовчук, А. К. Уледов, М. Ковальзон, Г. Г. Караваев, С. В. Попов, В. П. Тугаринов, А. Д. Шершунов, М. В. Яковлев и др. Существующая потребность в определении духовной жизни общества как исходного понятия, которое позволяло бы разрабатывать и операционные понятия для анализа явлений духовной жизни на различных уровнях организации общества, по-прежнему актуальна. Речь идет об определении не только понятия духовной жизни, но и других понятий, выражающих основные компоненты духовной жизни

и их связи, о принципах анализа явлений духовной жизни.

Следует сказать, что за последнее время сделано немало. В частности, в научном обиходе с успехом используются понятия духовной сферы, культурного уровня социальных групп, культурной среды, социальных типов и др. Однако процесс уточнения существующих понятий и введение новых является весьма сложным и отстает от практики конкретных социологических исследований.

Из всей совокупности методологических проблем исследования феномена наиболее подробного рассмотрения требует многоаспектный подход к изучению культурных потребностей личности, принцип дифференцированного подхода и др.

Характеристика духовной жизни в гносеолого-социологическом плане позволяет при анализе общественных явлений не упускать из виду зависимость духовной жизни личности от материальной и вместе с тем акцентировать внимание на ее особенностях. «Духовная жизнь общества по своей сути есть реальный процесс существования людей, а по своему осуществлению – способ общественной жизнедеятельности и относительно самостоятельная сфера, связанная с производством и распространением сознания и удовлетворением духовных потребностей людей» [1 с. 38].

Приведенная формулировка духовной жизни, хотя и является достаточно общей, имеет методологическое значение для данной работы на всех ее уровнях, в том числе и на конкретно-социологическом. На этом уровне общее, необходимое в явлениях духовной жизни раскрывается в единстве с особенным и частным, исследуются реальные процессы духовной жизни локальных социально-культурных образований, причем анализируются явления по преимуществу в плане их функционирования.

Определение духовной жизни как способа жизнедеятельности и относительно самостоятельной общественной сферы позволяет выделить и более высокие уровни объяснения явлений духовной жизни. В частности, самый высокий из них – уровень общесоциологической теории, в рамках которой раскрывается духовная жизнь как реальный процесс жизнедеятельности, а также обосновывается ее место в социологической структуре общества. Далее, анализ духовной жизни и ее специфики, как относительно самостоятельной общественной сферы, может осуществляться на уровне специальной социологической теории духовной жизни.

Конкретные социологические исследования подвели нас к постановке вопроса о локальных социально-культурных образованиях как формах существования общества в целом, о культурной жизни этих образований, вбирающих в себя определенные стороны духовной жизни общества и обладающих в то же время своей спецификой.

Что общего и в чем различие между культурными потребностями различных социально-демографических групп, уровней, типов? Подобного рода вопросы неизбежно встают в связи с конкретными исследованиями. Их решение предполагает обоснование вполне определенных понятий, характеризующих культурные потребности отдельных социальных групп. Например, понятие «молодежная культура» давно и с успехом используется учеными, в том числе зарубежными. В частности, ими оперировали Т. Парсонс, Р. Линтон, А. Коэн, Д. Коулмен, К. Кенистон, Г. Сиболд, Ч. Рейч, Т. Розак, О. Тоффлер и др. Исходя из их мнения, культура общества не только многообразна, но и мозаична, она состоит из различных культурных подгрупп (со своими интересами и потребностями), выделяемых на основе территориальных, национальных, религиозных, демографических признаков [2].

«По сути дела мы живем в эпоху взрывообразного роста субкультуры», – заявляет О. Тоффлер, считая, что общество имеет тенденцию раскалываться на мелкие части субкультуры [3]. С ним соглашается Ч. Бидуэл, говоря, что внутренняя дифференциация современного общества обнаруживается в культуре и обусловлена различиями в профессиях, возрасте, религиозной принадлежности, национальном самосознании, просто во вкусах и предпочтениях. Исходя из сказанного, выделяются субкультуры национально-этнических групп, религиозных сект, спортивных команд, болельщиков и даже гангстерских банд [2]. В таком случае правомерно будет выделение и социально-психологических типов и их культурных потребностей, а также уровней развития этих потребностей. Основанием для их выделения является общность, совпадение культурных потребностей и интересов, вкусов, развлечений, мотивов деятельности в сфере досуга, характерных для выделяемых социальных групп. Несмотря на существование возрастных, профессиональных, образовательных или других социальных различий, их культурные потребности достаточно однородны, просматриваются сходные позиции и настроения, проявляющиеся, главным образом, в сфере досуга, мало затрагивая бытовые и семейные отношения. Эта определенная культурная автономия, исполняющая функцию социализации личности, формирования ее духовного мира.

Мы будем придерживаться мнения А. Коэна, отмечающего, что «субкультура – это “культура в культуре”, имеющая достаточно четкие контуры. Она включает знания, верования, цели и ценности, суждения и оценки, нравы и вкусы, жаргон и манеры поведения, предрассудки и предубеждения, характерные для социальной группы и разделяемые ее членами» [4]. К этой множественной

системе субкультур относятся и «культуры» выделенных уровней и типов и как их выражение – культурные потребности и интересы в сфере досуга.

Духовная жизнь является необходимым компонентом социального бытия человека. В начале человеческой истории производство сознания было непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законах, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа (Шершунов А. Д.). С ускорением развития общества духовная жизнь приобрела относительную самостоятельность, утвердились многочисленные формы духовной жизнедеятельности. Тем не менее, зависимость ее от материальной жизни сохранилась.

Духовная жизнь выступает и как относительно самостоятельная специфическая сфера жизни общества вследствие ее объективации как внутреннего основания личности. «Сферами жизни общества являются социальные образования, включающие в свое содержание прежде всего те или иные виды материальной и духовной деятельности, общественные отношения как формы деятельности и общественные потребности, обуславливающие деятельность людей. Взятые в совокупности, названные компоненты позволяют составить представление о сферах как подсистемах общества, способных обслуживать последнее.

Понятие “духовная сфера общества” конкретизирует содержание понятия “духовная жизнь общества”. Им охватывается не вся духовная жизнь, а лишь один из ее слоев, или уровней, связанный со специализи-

рованным (профессиональным) духовным производством, с функционированием социальных институтов (идеологических и научных учреждений, театров, библиотек, музеев, школ и т. д.), создающих и распространяющих духовные ценности. В духовную жизнь входит наряду с профессиональным производством и непрофессиональное, наряду с организованной системой распределения духовных ценностей – стихийное и т. д. Духовную сферу можно рассматривать как целенаправленно организуемую обществом духовную жизнь людей» [1, с. 35].

Таким образом, в исследованиях духовной жизни как сферы следует исходить из понимания ее как реального процесса жизнедеятельности людей, что и является методологическим требованием социологического подхода к анализу духовной жизни и рассмотрения ее как способа социальной жизнедеятельности людей и как относительно самостоятельной сферы общества.

Применение принципа системности в исследованиях духовной сферы позволяет глубже раскрыть ее специфику и функционирование, возможности управления духовными процессами, а также представить духовную жизнь как внутренне упорядоченную, устойчивую целостность, обладающую системными качествами и специфическими закономерностями (Б. П. Гусев, Л. И. Казакова, В. Ф. Рябов, Г. И. Прибытков и др.).

Представление о духовной сфере как совокупности тесно связанных между собой компонентов, как определенной целостности вытекает из положения об обществе как «социальном организме», «органической системе», развивающейся в целостность: «Органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы» [5].

Как следует из проведенного нами анализа, среди исследователей нет единства мнений относительно элементов системы духовной жизни. И главная причина заключается в разнице взглядов на то, что принимать за основание структурного деления духовной сферы, какие критерии позволяют не только эмпирически, но и теоретически обоснованно подходить к выделению соответствующих элементов. Эта проблема отражена в работах С. Н. Михайлова, В. Н. Шубкина, Ж. Ошавкова, В. М. Краснова, Э. С. Маркаряна, Ю. К. Плетникова, В. Г. Афанасьева, А. В. Маргулиса, В. П. Рожина, Г. И. Прибыткова и др.

Если исходить из комплексного критерия, включающего потребности, тип деятельности, общественные отношения и субъектов деятельности и отношений [1, с. 52], то можно выделить следующие основные элементы духовной сферы: духовная деятельность; духовные потребности; духовные отношения.

Человеческая деятельность осуществляется в двух основных, или наиболее общих, формах: материальной и духовной. Критерием их разграничения является предмет деятельности и ее результаты: «Две формы объективного процесса: природа (механическая и химическая) и целеполагающая деятельность человека» [6]. По своему характеру любая деятельность является общественной, «даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т. п. деятельностью, – деятельностью, которую я только в редких случаях могу осуществлять в непосредственном общении с другими, даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я действую как человек» [7, с. 118].

Известно, что основу духовной жизни составляет духовная деятельность. По мнению Л. П. Буевой, «духовная деятельность представляет собой процесс целенаправленного систематизированного отражения действи-

тельности, ее результатами являются преобразования в сфере общественного сознания. В современных условиях это, как правило, профессиональная деятельность. В качестве ее наиболее общих видов можно выделить научное познание, ценностное сознание, целеполагание, прогнозирование и программирование» [8, с. 87].

В то время как материальная деятельность является практическим самоутверждением человека, духовная – теоретическим. Духовная деятельность есть «деятельность моего всеобщего сознания как таковая, является моим теоретическим бытием как общественного существа» [7, с. 119]. По объему духовная деятельность шире и богаче по содержанию, чем теоретическая, т. к. осуществляется на разных уровнях – теоретическом и социально-психологическом.

Особенности духовной деятельности, ее специфические черты наиболее отчетливо проявляются в духовном производстве, которое составляет основу духовной деятельности. Его спецификой, как известно, является производство идей, взглядов, представлений и т. п. – всего того, что мы называем общественным дознанием и духовными ценностями. И здесь речь идет о производстве сознания в его исторически конкретных формах. При этом на раннем этапе формирования общественного сознания, как отмечалось, оно непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Однако эта тенденция сохраняется и тогда, когда духовная деятельность, умственный труд отделяются от материальной деятельности.

Другими элементами духовной сферы выступают духовные потребности. Связь духовных потребностей и духовной деятельности носит двусторонний характер: с одной стороны, потребность стимулирует деятельность, с другой – сама деятельность стано-

вится предметом потребности. Более того, деятельность вызывает формирование новых потребностей потому, что она сама нуждается в средствах, необходимых для ее осуществления. Это обстоятельство оказывается решающим для понимания специфики духовной жизни. Если эволюция животного мира имеет своими результатами совершенствование органов потребления и приспособление к условиям среды на основе естественного отбора, то развитие духовной жизни обусловлено, в конечном счете, созданием новых средств духовной деятельности, производства сознания, духовных ценностей как особого вида деятельности, обеспечивающего существование и развитие человеческих сообществ.

Генетически духовные потребности можно рассматривать в качестве основы, определяющей становление духовной жизни. Анализируя употребление самого термина, мы обнаруживаем несколько его аспектов. «Прежде всего, это стремление к обладанию результатами духовного производства: приобщение к науке, искусству, философской культуре. Развитие духовных потребностей в этом смысле обусловлено демократизацией образования и функционированием множества институтов культуры» [9, с. 23]. Более глубокое понимание духовных потребностей характеризуется, по мнению А. Г. Здравомыслова, тем, что сами они рассматриваются в качестве форм выражения потребностей материального порядка и социальных отношений. С этой точки зрения развитие духовных потребностей выступает как арена столкновения противоположных позиций на поприще сознания.

Следующий аспект рассмотрения понятия духовных потребностей относится к проблеме развития личности. Так, личность воспринимает массу внешних воздействий, однако это не означает механического следования или подчинения им. По мнению

Г. Гегеля, действительность способна иметь для индивида двоякое значение, т. к. «влияние, оказываемое на индивида действительностью..., приобретает благодаря индивиду тот абсолютно противоположный смысл, что индивид или предоставляет потоку действительности свободу влияния на себя, или обрывает и преобразовывает его» [10]. Таким же образом обстоит дело и с индивидуальными потребностями личности – она способна действовать под влиянием определенных потребностей, но она способна и противодействовать им, ориентируясь на духовные потребности более высокого порядка.

Духовные потребности наряду с общими чертами имеют и свои особенные, позволяющие отличать их от других, прежде всего от материальных. Так, духовные потребности: теснее связаны с сознанием, их удовлетворение осуществляется главным образом в сфере свободного времени; связь между субъектом и объектом духовных потребностей характеризуется бескорыстием, а процесс их удовлетворения практически безграничен [11].

В процессе духовной деятельности и удовлетворения своих духовных потребностей личность вступает в духовные отношения, также составляющие один из элементов духовной сферы как системы. В самом понятии «духовные отношения» содержится как определенный субъект отношения, так и объективные связи и зависимости между различными видами деятельности, сферами общественной жизни, различными общностями и людьми, выступающими в качестве субъектов духовной деятельности.

Остановимся на взаимосвязи духовного общения и духовных отношений. В философской и социологической литературе подробно рассматривается духовное общение, его средства, формы и др. (Г. Гибш, Л. П. Буева, А. Добрович, М. Н. Перфильев, М. Форверг и др.). Духовное общение, как и духовная

деятельность, есть необходимое условие формирования и развития личности. Любая деятельность предполагает вступление личности в определенные общественные отношения. Вспомним, «действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» [12, с. 36].

Общение выполняет свою специфическую роль в общественном процессе и является не только духовным, но и материальным, социально-реальным процессом, в котором происходит обмен деятельностью, опытом, способностями, умениями и навыками, результатами этой деятельности, предметно воплощенными в материальной и духовной культуре. Посредниками общения являются результаты духовной деятельности – идеи, мнения, ценности, идеалы и материальные вещи – орудия, предметы и средства человеческого труда, материальные объекты, являющиеся носителями социальных ценностей и человеческого опыта [8, с. 110].

Вместе с тем необходимо различать общение как «духовное общение» и как «коммуникацию». Как известно, духовное общение принято рассматривать в качестве одной из форм социального общения. Социальное общение – это взаимосвязь людей, условие человеческого бытия. Сама взаимосвязь обуславливается потребностями жизнедеятельности людей, в процессе которой происходит взаимный обмен результатами деятельности, информацией, психическими состояниями. Видом информационной связи является социальное общение, в котором реализуются общественные отношения [13].

Коммуникация (*communicatio*) – это общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.; передача определенного содержания от одного сознания к другому (коллективному или индивидуальному) посредством

знаков, зафиксированных на материальных носителях. Она представляет собой социальный процесс, отражающий общественную структуру и выполняющий в ней связующую функцию. В рамках науковедения количественно и качественно исследованы такие формы коммуникации, как публикация, дискуссия, интеллектуальное влияние и т. п. Научная коммуникация – это функциональная подсистема в рамках системы движения научной информации (общение членов одного коллектива, например членов художественной самодеятельности в клубе) для получения нового знания, передача добытой информации другим специалистам, практическое использование знаний и др.

За рубежом проблеме коммуникации уделяли внимание Э. Мунье, Ж. Сартр,

К. Ясперс и др. Эмпирические исследования коммуникации осуществляются социологией, изучающей каналы (печать, телевидение и др.) и аудитории массовой коммуникации [14].

И в заключение отметим, что категория духовной жизни несет большую смысловую нагрузку при анализе общества как социального целого. Ее можно определить только через соотношение с однопорядковой категорией «материальная жизнь общества», пользуясь при этом социологическим подходом, где речь должна идти о субъекте духовной реальности, который осуществляет духовную деятельность, удовлетворяет свои духовные потребности, вступает в духовные отношения. Именно это и определяет понятие «духовная жизнь общества».

Литература

1. Уледов А. А. Духовная жизнь общества. – М., 1990. – 271 с.
2. Иконникова С. Н. Социология молодежи. – Л., 1988. – С. 62.
3. Тоффлер О. Столкновение с будущим // Иностранная литература. – 1992. – № 3.
4. Коэн А. Содержание делинквентной субкультуры // Социология преступности. – М., 1998. – С. 314.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Критика политической экономии. Глава о капитале. – Т. 46, Ч. 1. – С. 229.
6. Ленин В. И. Конспект «науки логики». Учение о понятии // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 29. – С. 170.
7. Маркс К., Энгельс Ф. // Там же. – Т. 42. – 535 с.
8. Боева Л. П. Человек: деятельность и общение. – М., 1988. – 216 с.
9. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической теории. – М., 1981. – 228 с.
10. Гегель Г. Соч.: в 14 т. – М., 1959. – Т. 4. – С. 164.
11. Коган Л. Н. Духовные потребности и деятельность личности // Философские науки. – 1976. – № 1. – С. 15.
12. Маркс К., Энгельс Ф. // Там же. – Т. 3. – 629 с.
13. Соковнин В. М. О природе человеческого общения. – М., 1983. – 162 с.
14. Н. Старостин Б. А. Коммуникация // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 269.

ПАНОРАМА

PANORAMA

Имена

А. В. Ткаченко

СМЕНА ТВОРЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В МОНУМЕНТАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУЗБАССКОГО СКУЛЬПТОРА А. П. ХМЕЛЕВСКОГО (70-е ГОДЫ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

В работе рассматриваются монументальные произведения выдающегося кузбасского скульптора А. П. Хмелевского. Более десяти работ скульптора, размещенные в центральной части города Кемерово, могут рассматриваться как единая группа, своеобразный музей одного автора под открытым небом. Скульптор развивал традиции реализма и сумел сказать свое слово в отечественном монументальном искусстве.

Ключевые слова: монументальное искусство, скульптура, пластика, реализм, маньеризм, «интимизация» городской скульптуры.

A. V. Tkachenko

CHANGE OF CREATIVE PRIORITIES IN MONUMENTAL WORKS OF KUZBASS SCULPTOR A. P. KHMELYOVSKY (FROM THE 1970S TO EARLY 2000S)

The paper deals with monumental works by the outstanding sculptor of Kuzbass A. P. Khmelevsky. More than ten works of the sculptor, that were placed in the downtown of Kemerovo, may be considered as a group, a sort of museum in the open area. Sculptor developed the tradition of realism and managed to have his say in the national monumental art.

Keywords: monumental art, sculpture, plastic, realism, mannerism, «intimization» of urban sculpture.

Алексей Павлович Хмелевский – один из наиболее ярких, талантливых и известных скульпторов Кемеровской области. Однако его творческое наследие до сих пор не получило должного осмысления и художественной оценки.

Творчество Алексея Хмелевского одинаково плодотворно развивалось по нескольким направлениям. Он проявил себя как талантливый медальер, а также как создатель

произведений станковой скульптуры и скульптуры малых форм, которые в наибольшей степени способны отразить внутренний мир художника, его эстетические, нравственные и духовные предпочтения. Однако наиболее известны монументальные произведения А. Хмелевского, которые украшают улицы и площади города Кемерово. Большинство из них было создано в 70–80-е годы XX века. Художник прошел путь от камерной скульп-

птуры малых форм, представленной медалями и плакатами, станковой скульптуры до высот монументальных скульптурных памятников. Со 2-й половины 70-х годов все большее место в творчестве А. П. Хмелевского начинает занимать объемная монументальная скульптура.

А. Хмелевской начал заниматься этим видом искусства в то время, когда тематический диапазон российской скульптуры стал значительно шире, усложнилась его образная драматургия, обогатились пластико-композиционные приемы.

В 1970-е годы ведущее значение в формировании городской среды уделяется монументальной пластике: памятники и монументы становятся такой же необходимой составляющей города, как архитектурные ансамбли, скверы, бульвары. Характерно не только увеличение количества памятников в населенных пунктах, но и применение различных композиционно-пластических решений при их создании. На смену тиражным скульптурам приходят авторские произведения.

Изменения в монументальном искусстве 1960–1980-х годов Н. В. Воронов рассматривает как «сложение новой концепции монументальной пластики»: памятники и монументы приобрели менее официальный характер, усилилась их роль в окружающей среде, в процессе градообразования, в достижении синтеза с архитектурой. Вопрос о герое монументальной пропаганды ставится по-новому, более широко, что привело к увеличению круга лиц, которым устанавливались памятники, к распространению памятников-символов, посвященных явлениям или событиям, к «демократизации» и «символизации» монументальной скульптуры. Эти явления определили, с одной стороны, процесс монументализации городской скульптуры, а с другой – ее интимизацию. Монументализация проявляется как

комплекс композиционно-художественных приемов, ведущих к большей величавости, строгости, содержательности отдельных памятников, и как значительное увеличение числа мемориалов, монументов, памятников-символов, микроансамблей, посвященных обобщенным понятиям, событиям, большим коллективам людей. Интимизация же проявляется в уменьшении размеров памятников, в приближении их к человеку, в использовании приемов и средств станкового искусства [1, с. 56].

Монументальные произведения А. П. Хмелевского установлены в Кузбассе и большинство из них в Кемерово, за исключением нескольких, которые расположены в областных городах. Все они компактно собраны в центральной части города, и могут рассматриваться как единая группа, играющая важное градообразующее значение. К ним легко совершить пешеходную экскурсию и на их примере составить достаточно полное представление об эволюции творчества скульптора. Фактически это своеобразный музей одного автора под открытым небом – явление достаточно редкое в мировом искусстве и не имеющее аналогов в сибирском регионе. Обратимся к описанию памятников 70–80-х годов в контексте развития творчества мастера.

Открывает экспозицию монумент «Дружба народов» (1980), посвященный трудящимся Кузбасса и Венгерской Народной Республики, расположенный на улице Весенней в г. Кемерово. Здесь молодой и успешный художник, имеющий к тому же хорошее столичное образование, смог себя реализовать в полной мере [4]. Выполнение такого заказа сделало его в некоторой степени официальным скульптором, за что позднее его называли даже кузбасским Церетели.

Памятник относительно небольшого размера, т. к. он находится на замыкании перспективы неширокой, «камерной», с обильной зеленью по обеим сторонам улицы Весенней.

Площадка, на которой он расположен, небольшая, замкнутая с двух сторон зданиями, поэтому и весь строй пластического, композиционного решения располагает к близкому, неторопливому общению. Силуэт памятника вытянут вверх и напоминает стилизованный цветок, вырастающий из земли. Основа памятника выполнена из бетона. С одной стороны художник помещает две женские фигуры, олицетворяющие дружбу народов, с другой стороны изображен юноша-шахтер, символизирующий профессиональную общность двух областей. Скульптуры выполнены из меди.

Монумент исполнен с высокой степенью профессионализма, скульптор хорошо прочувствовал и нашел масштабные соотношения памятника и пространства, общего целого и частного отдельных деталей (орнаменты, ветвь в руке шахтера). В ритмической мягкости и плавности форм, в изяществе и строгости деталей есть необходимая камерность звучания, продиктованная местом расположения.

Особенно плодотворным для скульптора оказался 1985 год. В Кемерове 20 июня 1985 года открылась VI зональная выставка «Сибирь социалистическая». Такой смотр сибирского изобразительного искусства имел огромное значение для культурной и художественной жизни Кузбасса. Монументальное произведение А. П. Хмелевского «Земля Кузнецкая» стало эмблемой проходящей выставки. Сначала оно было установлено у входа в Манеж, где проходила выставка, а после ее закрытия скульптура была перенесена на улицу Весеннюю к гостинице «Кузбасс». Руководство области готовилось к важному региональному торжеству-выставке «Сибирь социалистическая». К этому событию в городе было установлено несколько памятников, большее число их было спроектировано и исполнено А. Хмелевским.

В своем произведении «Земля Кузнецкая» скульптор изображает фигуру молодой женщины, окруженную как бы раскрывающимися лепестками – кристаллами горной породы. Хмелевской создает символический образ хозяйки земных недр, подземных богатств. Художник находит такое положение фигуры, соотношение масс и объемов в произведении, чтобы ничто не напоминало литературный образ «хозяйки медной горы». Героиня «выходит» из недр земли, которые расходятся в разные стороны от прикосновения ее стройных, крепких ног. Статный торс женщины с развитыми бедрами венчает голова с развевающимися волосами, которая держится на высокой крупной шее. Руки женщины застыли в свободном жесте, правая рука опущена, немного отступает от тела, левая согнута в локте и ее ладонь сложена в приглашающем жесте. Скульптура решена в традициях реалистического искусства, что соответствовало методу социалистического реализма, но в ней уже заложены признаки маньеризма, свойственные творчеству художника (удлиненные пропорции тела женщины, излишне мощная шея, маленькая голова, длинные руки и ноги) [2]. Фигура движется на зрителя. Это движение подчеркнуто положением тела, стремящегося вперед, выдвинутой в шаг правой ногой. Движение усиливается впечатлением дуновения ветра, овевающего фигуру женщины и играющего ее волосами, рукавами платья, которые облегают руки впереди и волнами уходят назад; то же движение повторяют складки длинного платья, облегающего стройную фигуру и ноги. Произведение «Земля Кузнецкая» можно отнести не к скульптуре, а к пластике по лепке форм и объемов.

Произведения семидесятых – начала восьмидесятых годов А. П. Хмелевского были выполнены на достаточно хорошем профессиональном уровне, но все же в них проявились скорее умения, знания, получен-

ные за годы учебы, освоенные скульптором художественные открытия других мастеров. Второй период творчества Алексея Павловича (середина 1980-х – середина 1990-х годов) ознаменован формированием собственного творческого метода, индивидуальной манеры художника. Скульптор испытал влияние искусства и культуры эпохи позднего Возрождения, а так же средневекового искусства России. Это проявилось в использовании характерных стиливых черт, присущих маньеризму и русскому иконописному искусству.

В 1980-х годах у скульптора возникают интересные пластические решения в таких заказных композициях, как «Шахтер» (1980), «Проходчикам Кузбасса» (1981). В большой трехметровой композиции «Проходчикам Кузбасса» художник изображает фигуру молодого шахтера, окруженного кристаллами горной породы. Образ поднимающегося из шахты горняка обретает символическое звучание как образ покорителя земных недр, хозяина подземных богатств. В нем почти эмблематичная выразительность силуэта сочетается с изяществом пластической проработки формы. В композиции, сделанной без ложной патетики, утверждается сила дерзаний современного человека [3].

В середине 1980-х – середине 1990-х годов А. П. Хмелевской также создает следующие монументальные произведения: памятник С. Орджоникидзе, «Знамя Победы», «Архитектура» (не установлена), «Двое в пространстве» (1985), «Пласты земли» (1989), «Аврора», «Мужчина и женщина» (триптих, рельеф), «Ника – богиня победы» (1990), «Экология» (1995).

Рассмотрим произведения, выполненные в реалистической манере: памятник Серго Орджоникидзе, оформляющий вход гимназии № 1, и монумент «Знамя Победы» в Соновом бору недалеко от областного центра. В этих работах скульптор обращается к теме исторического прошлого нашей страны.

В первой – через образ исторической личности, сыгравшей большую роль в становлении ее индустриальной мощи. Во второй – к теме Отечественной войны, изображая идеализированные фигуры мужчин – воина и труженика тыла и женщины в образе победителей. К последней теме он возвращается в зрелом периоде своего творчества. Это делает его одним из немногих мастеров рубежа XX–XXI веков, которые вновь поднимут тему давно прошедшей войны на уровень высокого искусства. Такого искусства, которое способно заставить сопереживать современных людей и вспомнить, чьими потомками они являются. В том и другом монументе фигуры расположены на фоне развивающихся флагов, что придает движение фигурам и наполняет произведения динамикой. В монументе «Знамя Победы» проявляется еще один индивидуальный признак, характерный для творчества мастера. Фигуры оторваны от плоскости основания – «парящие» фигуры. Прием, с помощью которого скульптор подчеркивает некий романтический ореол, проникающий в восприятие зрителем темы войны, спустя сорок лет со дня победы. Монумент создан на рубеже двух периодов в развитии нашей страны – окончание брежневского застоя и начало горбачевской перестройки. Вся стилистика и художественные выразительные средства принадлежат еще советскому прошлому. В целом произведение отличается приподнятым праздничным настроением, чему способствует и материал, из которого оно выполнено. Белый алюминий призван усиливать приподнятое ощущение от происходящего. Сейчас монумент находится скорее в уединенном месте, вдали от центра. В период его установки предполагалось, что рядом с ним будут происходить праздничные мероприятия.

В том же 1985 году, что и «Знамя Победы», скульптор создал произведение уже полностью принадлежащее грядущей эпохе.

Оно известно под названием «Двое в архитектуре», или «Скрипачка». Его основная идея – одиночество и разобщенность людей в современном мире. Еще один пример того, как художник угадывал проблематику времени. Проблема одиночества и бездуховности является в данный момент едва ли не самой большой опасностью для современного человеческого общества. Остро чувствуя эту тенденцию, художник и создал подобное произведение. Скульптура представлена сидящими фигурами женщины и мужчины, которые расположены каждый в своей отдельно стоящей нише, обозначенной металлической каркасной конструкцией из тонких стальных элементов. Это подчеркивает различные жизненные пространства женщины и мужчины. Усиливает этот факт расположение фигур спиной друг к другу и смещением их на плоскости. Углубляет эту позицию расположение каждой фигуры на своем невысоком постаменте. Фигура мужчины более крупная, массивная решена единым объемом: руки свободно расположены и прижаты к телу, ноги немного подогнуты в коленях и сжаты между собой. При круговом обходе скульптуры возникает впечатление некоторой «вдавленности» головы в плечи, что наводит на мысль о тяжелом грузе, лежащем на плечах мужчины. Голова немного опущена и повернута в противоположную сторону от женщины. Его фигура расположена в более низкой нише с квадратным завершением, что создает впечатление ограниченности, недостатка места для фигуры и замкнутости пространства. Художник пластическими средствами скульптуры создал «закрытый» образ мужчины.

Совершенно по-другому читается женский образ. Фигура женщины решена в более свободной манере. Она летящая, стремящаяся вверх, это подчеркивается жестом рук, которые разведены и отделены от торса – напоминают крылья птицы, она легко держится за высокое основание, на котором сидит, и,

кажется, через мгновение встанет, оттолкнется от земли и взлетит. Тело и ноги женщины, как натянутая пружина, готовы распрямиться и подняться вверх. Увеличивает это впечатление положение и поворот головы, направленный в противоположную от мужчины сторону и устремленный вверх. Усиливает состояние взлета большое пространство ниши, которое завершается арочным проемом, что символизирует возвышенность и духовность образа. Арка – символ царствия небесного. Женская фигура мастерски вылеплена. Чрезвычайно красив рисунок струящихся складок, которые свободно и легко обнимают фигуру.

Выразительно лицо женщины. Создавая ее образ, скульптор перерабатывает тип, встречающийся в более ранних его произведениях, отбрасывая все второстепенное и стремясь к идеализации. Лицо, обрамленное тяжелыми слегка вьющимися волосами, собранными на затылке в массивный пучок, полно благородной красоты. В нем не осталось графической жесткости предыдущих скульптур. Черты лица смягчены и преобразованы во впечатляющий идеальный образ. Скульптор преклоняется перед женщиной, предвидит новое положение женщины в обществе и создает в этом произведении благородный, сильный, яркий женский образ.

Стоит остановиться на мастерском техническом исполнении группы. Статуи выполнены из меди и прочеканены с исключительной тонкостью. Зритель ощущает фактуру волос, обнаженных частей тела, одеяний мужской и женской фигур. Замечательно переданы кисти рук с напряженно пульсирующими жилами и тонкими трепетными пальцами. Большое внимание уделяет скульптор чисто декоративным эффектам в обработке бронзы, любясь мерцанием металла, игрой теней и рефлексов, происходящей от света, падающего на скульптуру.

Скульптура, состоящая из двух фигур, установлена в небольшом сквере перед Об-

ластной филармонией. Преимущества композиционного решения, избранного Хмелевским, очевидны. Художнику удалось показать главенствующее положение женщины в композиции: женская фигура размещена лицом к зрителям и расположена в высокой нише, а фигура мужчины повернута спиной. Фигуры, расположенные таким образом, позволяют раскрыть новые соотношения двух фигур, усилить их противопоставление, подчеркнуть своеобразный композиционный контраст. Осью симметрии композиции является самая высокая часть стальной конструкции. Эта ось едина для обеих ниш, в которой расположены фигуры людей – это точка соприкосновения двух миров – мира женщины и мира мужчины.

Таким образом, смелое и удачное композиционное решение рассмотренной скульптуры Хмелевского «Двое в архитектуре» явилось продолжением и развитием заложенных скульптором основ камерного городского монумента в городе Кемерово («Дружба народов», «Земля Кузнецкая», «Экология»). В некотором смысле это декоративные скульптурные композиции с элементами дизайнерского подхода при организации городской среды. Но вместе с тем эти произведения наполнены значительным содержанием, что дает им право быть причисленными к монументальной скульптуре при сравнительно малых размерах и несмотря на пластическую разработку объемов, свойственных станковой скульптуре.

Скульптура «Двое в пространстве», которую в народе прозвали «Скрипачка», является собственностью скульптора, т. к. у администрации города и области не нашлось денег на ее установку. Скульптуру помогли установить спонсоры. Фактически монументальное произведение было подарено городу [5]. Еще одна дарованная жителям Кемерово скульптура А. П. Хмелевского – «Экология». Она расположена на улице Красная.

Наиболее значительные, самобытные произведения монументального искусства работы А. П. Хмелевского были созданы позднее, на стыке XX и XXI веков. Завершающий, или зрелый, период творчества скульптора, приходится на первое десятилетие XXI века. К нему относятся два произведения, находящиеся в областном центре Кузбасса. Это монументы «Труженикам тыла» (2005) и «Ради жизни» (2009). Оба произведения, как и большинство из тех, что рассмотрены выше, находятся в центральной части города. Первое из них посвящено теме войны, но не ратному, а трудовому подвигу народа. В таком ракурсе искусство скульптуры не часто изображает тему войны, тем более спустя шестьдесят лет со дня ее окончания. Интересно выглядит сравнение позднего монумента с произведением «Знамя Победы» (1985), относящимся к раннему периоду творчества. Их объединяет общая тематика и композиционное построение, в котором три фигуры, ориентированные фронтально, но под некоторыми углами друг к другу, располагаются на фоне, объединяющем всю группу и придающем всей композиции законченный вид детали. В позднем монументе большую роль играет силуэт, имеющий сложные очертания, но при этом дополненный графической проработкой самих фигур, имеющей определенный смысловой акцент. Как будто художник чувствовал недостаток выразительных средств скульптуры для наиболее полного раскрытия идеи произведения. От романтической и праздничной трактовки не осталось и следа. Перед нами работа зрелого мастера, представляющего свое отношение к теме войны не в героико-прославляющем варианте, а через духовно-стоическое и глубоко нравственное ее освоение. Характерная черта, присутствующая в поздних произведениях А. П. Хмелевского, это детали, в которых сконцентрировано содержание и которые одновременно несут символическую нагрузку.

Основные группы населения, остававшиеся в тылу, представлены тремя фигурами старика, женщины и юноши. Во многом они трактованы с позиций реалистического искусства, особенно лица. Но в том, как выполнена одежда, отчетливо угадывается иконописная традиция. Суровость времени и тяжесть испытаний выражены в мимике и жестах. Особенно это подчеркнуто в фигурах старика и женщины, выглядят они как непреодолимая преграда, решительно и непреклонно вставшая на пути врага. Взгляды устремлены навстречу испытаниям и не боятся их. В обрамлении этих двух монолитных фигур, преисполненных материальности, фигурка юноши смотрится как невесомая. Выражение его лица отличается от выражений лиц взрослых и представляет духовную составляющую всей композиции. Взгляд устремлен вдаль и куда-то ввысь. Реалистическое начало присутствует в его фигуре в меньшей степени, а взамен она является средоточием графических деталей, которые несут важную смысловую нагрузку. Кроме того, она выполнена в другом масштабе, чем обрамляющие ее фигуры взрослых, и находится в самой нижней точке монумента, почти на уровне земли, если не считать маленькой плоской ступеньки, с которой она вот – вот сойдет. Такой прием известен со времени эпохи Возрождения (Андреа Верроккьо «Христос и апостол Фома», Ор Сан Мигеле) и был характерен для эпохи барокко. Благодаря такому приему юноша находится в одной системе координат со зрителем, т. е. в его, зрителя, пространстве. Мальчик, сошедший с пьедестала, наш современник. А фигуры старика и женщины за его спиной воспринимаются как встающие из прошедших лет образы наших предков. Это отличие поколений еще более выражено в трактовке фигур – реалистической при изображении старика и женщины и обобщенной символической в образе юноши. У юноши отсутствуют руки. Вернее на ме-

сте, где они должны быть, есть намек на их движение, обозначенное графическим изображением складок, которые заканчиваются барельефами птиц на груди юноши. Возможно, птицы – это символы человеческих душ. Мы видим авторский иконографический прием, когда присутствует синтез двух искусств, скульптуры и графики, когда на пластическую форму накладывается графическое изображение.

Еще одна важная деталь, такая как мощная вертикальная доминанта, явно символизирующая силу победившего народа, отличает это произведение. Произведение целиком принадлежит новейшему времени, с его противоречивыми и часто взаимоисключающими процессами. Поэтому при его создании используются современные выразительные средства, дизайнерский подход, от чего монумент выглядит несколько декоративно. Воронки громкоговорителей, характерная черта военного времени, динамичные диагонали не то стрел, не то штыков, пронизывающие геометрическую форму знамени – все это скорее ассоциативный ряд, чем изображение реальных объектов.

Следующим шагом на пути создания искусства, отвечающего духу новейшего времени, становится монумент «Ради жизни» (2009). Это монументальное произведение стало последним в творческой биографии мастера и посвящено людям, ликвидировавшим последствия аварии на Чернобыльской атомной электростанции, было установлено после смерти художника.

Художественные выразительные средства реализма он отвергает окончательно. Скульптор обращается к языку символизма. А для того, чтобы наилучшим образом вписать произведение в городскую среду и сделать более понятным зрителю, синтезирует символизм с дизайнерским подходом. Данный монумент, несмотря на кажущуюся раздробленность, отличается выразитель-

ность силуэта. Лучше всего это выглядит при фронтальном обзоре. Основной частью всей композиции является фигура Спасителя. Художественный замысел таков, что при фронтальном обзоре она воспринимается парящей над землей. При общей высоте монумента около девяти метров, пятиметровая фигура с распростертыми крыльями, парящая над землей на высоте нескольких метров, производит сильное впечатление. Ощущение невесомости огромной фигуры и ее неслышного парения сильнее всего выражено при обзоре со средней и особенно ближней дистанции, когда зритель находится прямо под фигурой Спасителя. При этом зритель попадает в энергетическое поле, создаваемое распростертыми крыльями ангела, в образе которого выполнен Спаситель. По художественному замыслу, очевидно, он играет роль защитника от невидимой опасности, вставая преградой между ней и человеком. Опасность, находящуюся за спиной спасителя, художник изображает при помощи символов, таких как окружности и эллипсы. Такими символами обычно принято изображать движение атомов и электронов по своим орбитам. Сделано это таким образом, что находясь во фронтальной точке обзора, зритель видит выразительный силуэт ангела, а за его спиной тонкие полосы металла на фоне неба. В этом случае можно предполагать, что таким приемом скульптор изобразил невидимую опасность. Причем общий контур конструкции из кругов и эллипсов, держащейся на двух симметричных наклонно расположенных лучах, напоминает своими очертаниями ядерный взрыв. Вообще же символика А. П. Хмелевского не так однозначна и проста, как может показаться на первый взгляд. В композиции присутствует еще такие детали, как ветви дерева. Одна из них засохшая, а другая живая. На самом деле у человечества всегда есть выбор, по какому пути развития пойти. И один из них может привести к расцвету, а другой

к гибели. Двойственность и символизм, два признака, которые отличают зрелый период творчества мастера. В данном произведении можно усмотреть и сходство с библейской традицией, авторский вариант Голгофы, где с одной стороны вознесение и вечная жизнь, а с другой смерть и обреченность скитаться по кругам ада. Длинная ось эллипса направлена по восходящей, в сторону живой ветки. Это своеобразная авторская трактовка библейской традиции, где стрела указывает праведное направление. И, наконец, нужно обратить внимание на то, что вся эта символика начинается в одной точке, находящейся почти у самого основания монумента. Именно там, по авторскому замыслу, расположились барельефы с изображениями человеческих фигур, застывших в неестественных, угловатых позах, замкнутых в тесные пространства геометрических фигур.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что внушительных размеров монумент имеет очень малую площадь опоры. Создается впечатление «парения» огромной фигуры в пространстве. Автор подобного произведения должен математически точно рассчитать устойчивость монумента. В данном случае мы видим пример успешного решения сложной конструктивно-технической задачи, позволившей наиболее полно выразить символический замысел художника.

Перечисленные произведения кузбасского скульптора позволяют говорить, что он «внес вклад в историю градостроительного искусства Сибири ... пафос творчества Хмелевского не в этом ... он населил целый город созданиями своей индивидуальной мифологии. И в этом смысле вполне заслуживает титул: гений места» [5].

Таким образом, можно определить, что монументальное искусство составляет значительную часть творческой жизни скульптора. Сюжеты его произведений отличаются большим разнообразием. Они посвящены памя-

ным датам российского государства, выдающимся деятелям науки, культуры, искусства, трудовому подвигу кузбассовцев. Скульптор разрабатывал тему взаимоотношений мужчины и женщины, предназначения человека, его духовности.

А. П. Хмелевской, являясь выдающимся скульптором (можно говорить о мировом значении его творчества), развивал традиции реализма и сумел сказать свое слово в монументальном искусстве Кузбасса.

Литература

1. Воронов Н. В. Советская монументальная скульптура 1960–1980-х годов. – М.: Искусство, 1984. – 311 с.
2. Грачева С. Реализм или маньеризм?! Творческие искания скульптора Алексея Хмелевского // Кузбасские ведомости. – 1996. – № 6–7. – С. 16–18.
3. Откидач В. Сила дерзаний // Художник. – 1986. – № 10. – С. 28–31.
4. Чертогова М. Ю. Алексей Хмелевской [Каталог] // Кемерово: Б. и., 1992.
5. Юдин Ю. Гений места // Культура. – 2006. – 16 марта. – С. 5.

Мнение

Ю. И. Адаменко

УПРАВЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ

Y. I. Adamenko

MANAGEMENT IN CREATIVE ART GROUPS

В современных экономических условиях менеджмент искусства осваивает такое управление, которое позволило бы существовать и менеджеру, и искусству. Необходимость зарабатывать на рынке заставила творцов и работников культуры ещё более интенсивно, следуя законам рынка, основное назначение которого выгодная реализация продукта, искать и развивать новые формы распространения культуры.

В отличие от сферы производства, торговли и финансовой деятельности, менеджмент в области культуры и искусства в целом, или же в каком-либо определенном виде искусства, пока ещё не стал у нас ни

полноправной научной дисциплиной, на мастерством, способствующим развитию культурной политики. Крайне мало написано работ по проблемам менеджмента искусства, до сих пор не создано в России ни одного учебника для студентов по арт-менеджменту.

Известно, что менеджмент – совокупность методов, принципов, средств и форм управления организациями с целью повышения эффективности их деятельности. Безусловно, что главное в искусстве управления – пробудить в людях желание добиваться намеченных целей, побеждать.

Эфемерность, нематериальная природа культурного продукта, его неотделимость

от творческого труда, от процесса создания художественного произведения только «здесь и сейчас», выделяет его исключительность и требует исключительного подхода к управлению.

В середине XIX века Карл Маркс, исследуя экономические отношения в нематериальном производстве, писал о том, что труд врача, учителя, артиста, – является также товаром, но товаром особого вида не создающего материальный продукт. Такой товар принято называть услугой.

Управление производством услуг искусства существует столько же, сколько существует само искусство. Самые первые писания сохранили высказывания власть имущих по поводу отношений с творцами художественных и духовных ценностей. У культурной услуги два компонента – художественный продукт и процесс (условия) его потребления и они обладают своей собственной спецификой. Синтез профессионализма и творчества обеспечивает мастерство, при этом первое – основа мастерства, второе – его критерий и сущность. Это означает, что в обществе всегда есть спрос как на специалистов творческих профессий (творцов), так и на арт-менеджеров, причем этот спрос имеет тенденцию к росту.

Иногда художник создает продукт творчества не для продажи, а всего лишь удовлетворяет свои потребности в самореализации, в творчестве, не вступая в экономические отношения. Но даже в этой ситуации продукт творчества может существовать не как экономическое явление лишь определенное время, исторически он может стать товаром. Причем, чем раньше было создано высокохудожественное произведение, тем выше становится его цена, ярким примером являются произведения античности творения великих художников, музыкантов, поэтов прошлых веков.

В XX веке все чаще культурные продукты (услуги) стали создаваться коллективным творческим трудом, что является вполне закономерным явлением в связи с развитием средств коммуникации, появлением новых технологий сохранения и передачи информации. В свою очередь это вызвало потребность эффективного менеджмента. Деятельность любого коллектива, в том числе и творческого «задается» выбранной миссией. Миссия коллектива, как организации, – это то, что оправдывает его существование, его «нужность» обществу, и в связи с этим миссия – есть механизм, направляющий все его действия. Определение миссии создаваемого или уже существующего коллектива – приоритетная задача руководителя. В современных условиях в нашей стране руководителем выступает либо арт-менеджер, возглавляющий организацию (учреждение) культуры, либо продюсер, организующий и возглавляющий творческий культурный проект.

Принимая во внимание, что подавляющее большинство учреждений культуры, работающих сегодня в нашей стране созданы государством и являются государственными, причем 96% из них находятся в муниципальной собственности, можно говорить, что их миссия определена «сверху» нормативными документами, положениями, инструкциями, а деятельность арт-менеджеров должностными характеристиками, договорами с учредителем. Деятельность этих учреждений культуры направлена на сохранение, создание, распространение и освоение культурных ценностей, предоставление культурных благ населению в различных формах и видах. Она включает в себя ежедневную текущую работу и складывается из повторяющихся в определенной последовательности операций: охрана и реставрация памятников, формирование музейных собраний и библиотечных фондов, музейно-экскурсионное обслуживание посетителей, прокат концертов

и спектаклей и т. п. Этот процесс деятельности состоит из набора заранее известных процедур и поддается администрированию, это рутинный процесс воспроизводства. Новый творческий продукт в этой сфере появляется крайне редко, скорее это исключение из правил.

В культуре антиподом рутинной деятельности является проект, именно в рамках проекта, как реакции культуры на изменения внешней среды на меняющиеся запросы общества, создается новый культурный продукт (услуга). Руководителем проекта выступает продюсер, от которого полностью зависит сам конечный продукт, его качество, достоинства и ценность. Продюсер вынашивает идею «know how» проекта, формирует творческий коллектив под эту идею и выполняет все функции по руководству проектом, становясь полноправным собственником конечного продукта.

Именно поэтому представляется важным рассмотрение самой деятельности руководителя культурного проекта. Но прежде отметим расширение рамок объектов продюсирования. Возникновение, становление продюсирования как явления связано с кинематографом (конец XIX века), музыкальное продюсирование сформировалось к середине XX века, затем принципы и наработанные методы продюсерской деятельности распространились на другие виды искусства, в том числе и в России. Сегодня мы наблюдаем, что помимо эстрады объектом продюсирования стали аудио- и видеопродукция, живопись, модельный бизнес, театральное искусство, хореография, шоу-представления, другие виды исполнительских искусств, различные зрелищные и досуговые мероприятия. Практически в каждом городе появились продюсерские агентства, центры, фирмы, некоторые из них создают собственные творческие коллективы. Деятельность продюсера стала популярной и модной.

Естественно, что технология продюсирования стала предметом рассмотрения в специальной и научной литературе. Появился первый учебник по продюсированию «Основы продюсерства. Аудиовизуальная сфера», под редакцией Г. П. Иванова, П. К. Огурчикова, В. И. Сидоренко (2003). Очень современными и полезными в понимании происходящих в музыкальном продюсировании процессов и освоении технологий продюсирования в шоу-бизнесе стали книги С. Корнеевой «Музыкальный менеджмен» (2002), «Как зажигают звезды. Технологии музыкального продюсирования» (2004), «SEX+50 % от дохода. Профессиональный шоу-бизнес» (2010), а также учебное пособие для студентов «Управление и экономика в шоу-бизнесе», под редакцией Е. И. Ждановой, С. В. Иванова, Н. В. Кротовой (2003) и учебник «Продюсирование и постановка шоу-программ» А. Д. Жаркова. Все другие публикации, практически, сводятся к иллюстрации деятельности отдельных продюсеров, описанию наиболее удачных проектов, без анализа и выявления закономерностей и принципов продюсирования. Ни в одной публикации не сделано попытки дать четкое определение продюсирования художественных программ в крупных творческих коллективах. Возможно, это связано с тем, что шоу-бизнес, целью которого является, прежде всего, получение прибыли от продвижения культурного продукта, не связывает свою деятельность с большими творческими коллективами, на которые необходимы значительные затраты.

Представляется, что в сегодняшних условиях экономического положения страны двигателем развития коллективного творчества должен стать все-таки продюсер.

В энциклопедическом словаре термин «продюсер» означает буквально английское *producer* (от латинского *produko* – **произвожу, создаю**). Контекст этого понятия,

на наш взгляд, близок понятию «предприниматель». Однако в словаре также подчеркивается, что в некоторых зарубежных странах это понятие трактуется как «доверенное лицо кинокомпании, осуществляющее идейно-художественный и организационно-финансовый контроль над постановкой фильма». В этом определении просматривается экономико-финансовый и менеджерский аспекты продюсерской деятельности при сохранении понятия, связанного с профессиональной деятельностью в искусстве, в частности, в кино. Почти во всех публикациях делается упор, прежде всего, на личностные качества человека, взявшегося за продюсерскую деятельность. Если мы говорим о кинопроизводстве, то это энергичный делец, обладающий «профессиональным нюхом» на сценарные идеи. Он изначальный инициатор проекта, самостоятельно решает вопросы юридических прав на сюжет, комплектует пакет необходимых документов, собирает вокруг своей идеи нужных людей и единомышленников, убеждает студию рассмотреть предлагаемый сценарий и бюджет фильма. Он становится дирижером (в менеджменте – координатором) «большого оркестра» (команды), в котором «музыканты еще не выучили партии». Продюсер рискует своими средствами и сам осуществляет расходы на «выращивание» сценария. При этом источником построения сценария может стать любой документ как художественного, так и любого другого содержания, выходящего по его усмотрению на актуальные общественные настроения, отвечающие массовой аудитории.

Больше других в публикациях освещена деятельность продюсеров в шоу-бизнесе. Шоу-бизнес – индустрия развлечений для многомиллионной, прежде всего, молодежной аудитории. И здесь вокруг деятельности продюсера создается ореол супер-

человека. В одной из публикаций продюсер А. Савельев, работавший с известными артистами: Л. Ярмольником, Ю. Лозой, В. Сюткиным, группами «Машина времени», «Браво» и др., – отмечает, говоря о качествах продюсера, что они указывают на то, что ему (продюсеру) нужно: «Все! Железные нервы, коммуникабельность. Хороший продюсер – это и психолог, и бизнесмен, и спортсмен. Случись что – порвался шнур у микрофона, неизвестно время выступления, отменен самолет, нет мест в гостинице – все проблемы должен решить именно он: предотвратить, подхватить, заранее продумать обходные пути».

Свое мнение, с точки зрения представителей социально-культурной сферы, излагает в своей работе Л. И. Рудич. Она указывает, что продюсер в известной мере является синонимом понятия «режиссер». Это связано с тем, что в России многие годы вся деятельность, связанная с продюсированием, осуществлялась режиссерами государственных учреждений и слово «режиссер» стало одним из самых распространенных управленческих понятий в культуре и искусстве страны. Возможно, поэтому в словарях русского языка оно трактуется как «художественный руководитель театральной или иной постановки». При этом имеется в виду все руководство созданием творческого произведения, программы, фильма и т. д.

На практике, на наш взгляд, чаще всего это некий симбиоз менеджера по персоналу, финансового директора, пресс-атташе, фандрейзера и спонсора, а иногда даже юриста. Но главное – он создатель интеллектуального продукта, он и автор, и производитель его. И это означает, что сфера его деятельности – искусство и культура.

Одна из заметных публикаций по проблемам продюсерства в России – Д. Морозова. В ней автор утверждает, что только человек, у которого удачно сочетается адми-

нистративное и творческое начало, которому присуще креативное мышление и крепкие нервы, если ему импонирует бизнес развлечений, может претендовать на профессию продюсера. Более того, он уверенно заявляет, что это – одна из наиболее престижных и перспективных профессий, к тому же самая прибыльная в мире «энтертеймента». Автор подчеркивает, что на Западе роль и место продюсера в производстве продукта четко оговорены. В России у каждого продюсера свой взгляд на проблему. Ю. Айзеншпис считал важным, что проектом продюсера может быть не только песня, пластинка или концерт, но и сам артист. Композитор А. Шульгин (известен как продюсер по работе с Валерией, «Мумий Тролем», «Иванушками», «Фабрикой звезд» и др.) считает, что музыкальный продюсер должен, прежде всего, разбираться в музыке, отдавая приоритет музыке, песне, альбому, концерту, а не имиджу певца. Таким образом, продюсер рассматривается ведущими представителями шоу-бизнеса как знаток той области, в которой он работает. При этом Д. Морозов ссылается на авторитетных лиц, которые, прежде чем стать продюсерами, значительное время работали на сцене, в известных коллективах, будь то А. Пугачева или Ю. Айзеншпис, А. Шульгин, Б. Алибасов, Н. Михалков и др. Стать профессиональным и удачливым продюсером, считает автор, легче, если знаешь всю «кухню производства».

Анализируя собственный опыт почти 40-летней менеджерской работы в сфере культуры, смею добавить, что одного «знания кухни» недостаточно. Необходимо иметь навыки творческой деятельности, важно понимать суть творческого процесса, его закономерности, особенности людей, занимающихся профессионально творческой деятельностью, принципы формирования и функционирования творческих коллективов.

К сожалению, в выше перечисленных работах и других публикациях не раскрывается

процесс влияния арт-менеджера и продюсера на творческий коллектив, на его становление и развитие, почти нет публикаций, отражающих становление творческого коллектива на начальном этапе. Хотя очевидно, что продюсер творческого коллектива должен быть и творцом, и профессиональным менеджером, а в отдельных случаях и воспитателем, и педагогом. Интересным представляется вопрос, в каком сочетании должны быть эти функции в его деятельности.

Попробуем поискать ответ на этот вопрос, выяснив мнения участников самого творческого процесса. Это возможно проследить на этапе репетиционного периода спектакля, постановки концертной программы, шоу-представления и др. театрального, оркестрового, хорового, танцевального коллектива, творческого состава постановочной группы.

Для данного исследования был выбран коллектив ансамбля хореографии КемГУКИ. Большая часть респондентов – артисты и менеджеры ансамбля. Такой выбор был сделан по двум причинам: во-первых, все они имеют специальное хореографическое образование и сами активно занимаются творчеством, во-вторых, они способны практически ощущать на себе управленческие воздействия менеджмента коллектива, ибо специально подготовлены к взаимодействию с артистами. В анкетировании приняли участие 40 творческих работников, все анкеты включены в массив исследования.

Социально-демографические и социально-профессиональные характеристики опрашиваемых выглядят следующим образом:

- из 40 опрошенных 33 женщины и 7 мужчин;

- из 33 женщин 19 имеют среднее специальное образование, 11 – высшее, 3 – незаконченное высшее, из 7 мужчин 5 со средним хореографическим образованием,

2 – с высшим специальным, таким образом, из 40 респондентов 13 человек с высшим образованием, 3 – с незаконченным высшим, 24 – со средним специальным образованием;

- возрастной диапазон от 18 до 50 лет, средний возраст респондентов 34 года.

Данная анкета была составлена для выявления возможной взаимосвязи творчества художника с элементами менеджмента. Целью анкетирования является составление социального портрета творческого руководителя. Анкета содержала 10 вопросов, затрагивающих интересующие нас аспекты данного вида деятельности.

На вопрос о необходимости совмещения в творческом руководителе качеств менеджера и творческой личности ответили:

- да – 23 человека (57,5 %);
- нет, это разные направления – 11 человек (27,5 %);
- затруднились ответить – 6 человек (15 %).

На вопрос может ли артист работать в обычном учреждении со строгим распорядком дня ответили:

- да – 10 человек (25 %);
- нет – 24 человека (60 %);
- затруднились ответить – 2 человека (5 %);
- другое – 4 человека (10 %).

Это свидетельствует о том, что большинство творческих людей данной категории не видят себя на работе в обычном учреждении культуры со строгим распорядком дня, для них более приемлем режим работы не с жесткой исполнительской последовательностью, а с наличием гибкого графика работы и свободного времени для самосовершенствования.

На вопрос о влиянии работы в учреждении на творчески независимого художника ответили:

- общение в коллективе благоприятствует творчеству – 25 человек (62,5 %);

- гармония и слаженность в исполнении номера полностью зависит от взаимодействия в коллективе – 40 человек (100 %);

- художник должен быть «одиночкой» – 8 человек (20 %),

- затруднились ответить – 7 человек (17,5 %).

В ответах на данный вопрос просматривается четкое проявление высокой оценки коллективного исполнительства, а следовательно, управления им. Все опрошенные отметили, что гармония и слаженность в исполнении номера зависит от взаимодействия в коллективе. Известно, что управленческие воздействия могут быть эффективными и, наоборот, неэффективными, что зависит от компетенции менеджера. К сожалению, управленческую компетенцию творческие руководители чаще всего приобретают методом проб и ошибок в практической деятельности, не получая своевременно достаточной управленческой подготовки. По мнению большинства опрошенных, общение в коллективе благоприятствует творчеству, а значит, взаимосотрудничество и коммуникативные процессы в коллективе для творческой личности важны. Следует подчеркнуть, что коллективный опыт никогда не заслонял творческий потенциал отдельного мастера. Каждый, так или иначе, проявляет свой характер в работе. Именно в коллективе складывается диалектическое единство коллективного начала, дающего новые импульсы развитию творчества. 20 % респондентов отметили, что художник должен быть одиночкой, 17,5 % – затруднились ответить на предложенный вопрос. Итак, суть работы творческого коллектива (и его руководителя) составляют идеи, талант и творческие способности как отдельного члена коллектива, так и организации в целом.

На вопрос о влиянии на продвижение артиста личных пристрастий менеджера ответили:

- менеджер должен вне зависимости от личных пристрастий четко исполнять свои функции – 8 человек (20 %);

- менеджеру должно быть близко творчество артиста – 26 человек (65 %);

- затруднились ответить – 6 человек (15 %).

В целом можно отметить, что менеджеру для успешного продвижения должно быть близко творчество каждого артиста. Арт-менеджер должен быть компетентным в различных областях. Его задача – помогать артисту как можно яснее выразить свое художественное кредо, не идя на уступки, и только во вторую очередь продвигать его общественное признание и коммерческий успех. Менеджеру, равнодушному к творческим начинаниям артиста, будет сложно достойно и качественно представлять на рынок работы творческой личности.

На вопрос об отношениях между арт-менеджером и его подопечными ответили:

- только деловые – 4 человека (10 %);

- только дружеские – 0 человека;

- и деловые и дружеские – 34 человека (85 %);

- другое – 2 человека (5 %).

Из этого видно, что подавляющее большинство опрошенных считают, что отношения должны быть и деловыми, и дружескими, можно сказать, партнерскими, и такие отношения дадут наилучший результат.

На вопрос о необходимости художнику владеть качествами менеджера ответили:

- да, это ему поможет – 24 человека (60 %);

- нет, это не обязательно – 11 человек (27,5 %);

- не знаю – 3 человека (7,5 %);

- другое – 2 человека (5 %).

На наш взгляд, развитие управленческих умений, навыков, освоение профессиональных знаний в области менеджмента,

приобретение опыта способствуют формированию профессионального мастерства личности. Больше половины опрошенных согласны с этим.

Но художника волнует, прежде всего, не прибыль, а то, получит ли он от своей работы творческое удовлетворение и достаточно средств, чтобы жить.

На вопрос о менеджерских функциях, выполняемых художником ответили:

- ставить цель в своей работе – 14 человек (35 %);

- измерять достигнутое – 0 человек;

- планировать рабочий день – 4 человека (10 %);

- организовывать творческие возможности – 12 человек (30 %),

- все вместе – 9 человек (22,5 %);

- другое – 1 человек (2,5 %).

На вопрос о желании опрошиваемых освоить знания в области менеджмента ответили:

- да – 21 человек (52,5 %);

- нет – 9 человек (22,5 %);

- затрудняюсь ответить – 10 человек (10 м %).

Не станем анализировать в данном случае результаты опроса по проблемам повышения образовательного уровня студентов и последипломного обучения творческих работников.

Обратим свое внимание на то, что при создании условий для максимального проявления способностей каждого творческого работника – реализуется самоменеджмент, достигается более высокий уровень мотивации к активному труду, повышается чувство удовлетворенности работой и сопричастности к делам коллектива. Проведенное анкетирование показало, что в данном творческом коллективе сложилось твердое мнение, что совмещение в художнике качеств менеджера и творческой личности возможно.

Идеальной в творческом процессе является ситуация, когда продюсером проекта или арт-менеджером коллектива становится талантливый творец – художественный руководитель, и тогда возникают театр Г. Тов-

станогова, М. Захарова, Г. Волчек, оркестр В. Спивакова, В. Гергиева, ансамбль И. Моисеева, балет Ю. Григоровича, ансамбль Н. Бабкиной, А. Духовой и много других выдающихся коллективов.

Литература

1. Чижилов В. М., Чижилов В. В. Введение в социокультурный менеджмент: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2003. – 382 с.
2. Франсуа Колбер. Маркетинг культуры и искусства: перевод с англ. / при участии Жака Нантеля, Сюзанн Билодо, Дж. Дэнниса Рича. – СПб.: Издатель Васин А. И.: Арт-Пресс, 2004. – 256 с.
3. Джиллиан Хенбери Пул. Когда менеджмент приносит деньги: Наставление учреждениям культуры всех стран: пер. с англ. – СПб.: Контрфорс, 1999. – 197 с.
4. Менеджмент искусства: реферат книги Giep Hagoort «Cultural entrepreneurship». – Кемерово: КемГИИК-ИЧП «А. А. Рудич», 1999. – 176 с.
5. Жданова Е. И., Иванов С. В., Кротова Н. В. Управление и экономика в шоу-бизнесе. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 174 с.
6. Корнеева С. Как зажигают «звезды». Технологии музыкального продюсирования. – СПб.: Питер, 2004. – 320 с.
7. Корнеева С. SEX + 50 % от дохода. Профессиональный шоу-бизнес. – М.: Квант, 2010. – 374 с.
8. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 304 с.
9. Галуцкий Г. М. Введение в экономику культуры (основы экономических знаний для специалистов культуры). – М., 2001. – 318 с.
10. Галуцкий Г. М. Финансово-экономическая деятельность в учреждениях культуры (Стратегия выживания в условиях рыночной экономики). – М.: Изд. дом «Галуцкий и С», 2001. – 331 с.
11. Пилилян Е. К. Менеджмент культуры: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. – 81 с.
12. Жарков А. Д. Социально-культурные аспекты эстрадного искусства: история, теория, технология: учеб. пособие. – М.: МГУКИ, 2010. – Ч. II. – 396 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

А. Шунков, Й. Митурская-Бояновская

РОССИЯ – ПОЛЬША: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
(МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «НОМО COMMUNICANS:
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ»)

A. Shunkov, J. Miturska-Bojanowska

RUSSIA – POLAND: SCIENTIFIC DIALOGUE
(INTERNATIONAL SCIENTIFIC WORKSHOP «НОМО COMMUNICANS:
MAN IN A SPACE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION»)

Особенностью 2011 года в научной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств стало активное развитие нового научного направления – межкультурная коммуникация. В рамках грантовых проектов, поддержанных фондом «Русский мир», в мае и октябре 2011 года в Кемеровском государственном университете прошло два крупных научных форума с участием зарубежных вузов-партнеров: Даляньского университета иностранных языков (КНР) [1] и Щецинского университета (Польша). Впервые в истории КемГУКИ научные мероприятия, инициированные университетом, имели свое продолжение в зарубежных университетах, что позволило придать мероприятиям международный статус и шире привлечь к обсуждению заявленных проблем иностранных ученых и специалистов в области межкультурных коммуникаций.

Научные связи КемГУКИ с Щецинским университетом были установлены в июле 2008 года в рамках подписанного двустороннего договора о сотрудничестве в области научной, международной и творческой

деятельности. Подписанный договор не стал формальностью, а позволил ученым двух университетов наладить научные связи в интересующих обеих сторон областях науки. В течение четырех лет ученые Института славянской филологии Щецинского университета профессор – Роман Гаваркевич, профессор Йоланта Митурская-Бояновская – дважды принимали участие в работе международного научно-практического семинара «Толерантность в пространстве межкультурных коммуникаций» (2008, 2010), проводимом на базе КемГУКИ. Научные исследования ученых обоих университетов в области лингвокультурологии, филологии (лингвистики и литературоведения) были представлены на страницах «Вестника КемГУКИ» [2, 3] и одного из ведущих научных изданий Польши «Acta Neophilologica» [4, 5].

22 октября 2011 года в рамках проводимого Международного научно-практического форума «Славянский мир. Диалог культур» на базе Щецинского университета прошел Международный научный семинар «Номо communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций». Проведение

семинара стало возможно при поддержке фонда «Русский мир», а также мэрии г. Щецина, учреждения культуры г. Щецина: филармонии и оперы (Opera na Zamku).

В работе семинара с российской стороны приняли участие: ректор КемГУКИ профессор Е. Л. Кудрина; проректор по научной и инновационной деятельности доцент А. В. Шунков; зав. кафедрой иностранных языков доцент М. В. Межова; ведущий научный сотрудник доцент О. Ю. Астахов. С польской стороны в работе семинара участвовали известные ученые в области социологии, философии, лингвистики, культурологии. Среди них – профессор Института политологии и европеистики Щецинского университета Анджей Фурьер, профессор кафедры этнологии и антропологии Щецинского университета Петр Клафковский, профессора Института славянской филологии Щецинского университета Йоланта Митурская-Бояновская, Роман Гавракевич, представители академической общественности других институтов Щецинского университета, а также Академии искусств в Щецине.

Доклады, заявленные в программе семинара, были посвящены рассмотрению вопросов роли культуры в современном обществе; осмыслению событий новейшей истории и их влиянию на формирование представлений о национальной самобытности; характеристике и сравнению стереотипов, существующих в современной культуре русских, поляков, немцев; исследованию общих традиций и мотивов в русской, польской литературе; лингвокультурологическим основам перевода иноязычного текста и др.

Перед началом работы семинара Йоланта Митурская-Бояновская озвучила приветственное обращение к его участникам проректора по научной работе и международному сотрудничеству Щецинского университета, профессора Анджея Витковского и декана филологического факультета Ще-

цинского университета, профессора Евы Паевской. Директор Института славянской филологии профессор Кристина Янашек, присутствовавшая на семинаре, также поблагодарила делегацию Кемеровского государственного университета культуры и искусств и лично ректора университета профессора Е. Л. Кудрину за сохранение и развитие научных связей двух вузов, а также выказала пожелание продолжения дальнейшего сотрудничества в области исследования вопросов межкультурной коммуникации.

В своем докладе *«Диалог культур: влияние на культурную политику»* ректор КемГУКИ Е. Л. Кудрина, представляя результаты деятельности университета в сфере исследования различных аспектов культуры, познакомила участников семинара с результатами, достигнутыми научными коллективами университета в изучении межнациональной и межконфессиональной коммуникации, информационной культуры личности в рамках программы ЮНЕСКО «Информация для всех», творческо-исполнительской и международной деятельности.

Доклады А. В. Шункова *«Польский след в литературе Сибири. Шимон Токаржевский»* и О. Ю. Астахова *«Поэтический диалог Польши и России: Э. Слоньский и В. Брюсов»* были посвящены рассмотрению историко-литературных связей России и Польши на примере творчества Ф. М. Достоевского и Шимона Токаржевского, В. Я. Брюсова и Эдварда Слоньского.

Изображение Венеции в поэтическом творчестве представителей русского Серебряного века стало темой для выступления польского ученого Войцеха Краля, магистра Института славянской филологии Щецинского университета. В своем докладе выступающий предпринял попытку проследить развитие традиции художественного изображения Италии в русской литературе. Особым предметом для исследования заявленной ав-

тором доклада проблемы стало творчество А. А. Ахматовой.

В докладе М. В. Межовой «*Перевод как форма взаимодействия литератур и культур*» была рассмотрена концепция перевода, понимаемого в культурологическом аспекте. Текст в этом случае выступает как посредник в процессе понимания и принятия «чужой» культуры читателем. Именно от точности перевода текста, с сохранением особенностей национальной культуры, воплощенной в языке, зависит и точность восприятия иноязычной культуры в другой среде – вывод, сделанный автором доклада. Свои теоретические наблюдения М. В. Межова проиллюстрировала примерами перевода на английский язык произведений А. С. Пушкина «Капитанская дочка», Л. Н. Толстого «Анна Каренина», в процессе которого был утерян национальный колорит русской культуры.

Восприятие «чужой» культуры и отражение ее в языке – тема исследований польских лингвистов, представленных в докладах «*Русские и испанские названия мест общественного питания в России, Испании и Польше*» Йоланты Митурской-Бояновской, а также «*Поляки – немцы – русские. Мосты и барьеры на пути к взаимопониманию*» Романа Гаваркевича.

Барбара Родзиевич, доктор Института филологии Щецинского университета, в докладе «*Традиция как этнокультурная ценность в языковом сознании молодых поляков*» озвучила результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди польских студентов с целью изучения аксиологической системы современных молодых поляков и выявления понимания студентами ряда ценностей, в том числе двух существенных ценностных концептов – Родина и патриотизм.

В докладе «*Kilka uwag na temat kalk frazeologicznych we współczesnej polszczyźnie*» профессора Института полонистики и культурологии Щецинского университета Йолан-

ты Игнатович-Скавронской рассматривался вопрос о происхождении и функционировании в современном польском языке английского фразеологизма «All hands on deck/ Все руки на палубу». Докладчицей были приведены примеры различных семантических оттенков рассматриваемого фразеологизма.

Доклад профессора Института политологии и европейстики Щецинского университета Анджея Фурьера «*Przemiany społeczne w Rosji za prezydentury Borysa Jelcyna*» («*Социальные изменения в России при президенте Борисе Ельцине*») актуализировал проблему изучения новейшего периода в истории России. Профессором было отмечено, что в самой России период президентства Ельцина, сопровождавшийся проведением ряда реформ, еще не получил своей объективной оценки. В этой ситуации исследования европейских политологов и социологов, к числу которых принадлежит и сам профессор Фурьер, могут восполнить существующий пробел в изучении исторических процессов, происходящих в современной России.

Особый интерес у участников семинара вызвал финальный доклад «*Od kultur do metakultury. Refleksje nad “Rosą Mirą” Danila Andrejewa*», представленный профессором кафедры этнологии и культурной антропологии Щецинского университета Петром Клафковским. Профессор Клафковский – ученый-востоковед, этнограф, лингвист, известный в европейской науке своими работами в изучении Тибета, этнических и языковых меньшинств мира, новых философских и религиозных движений. Профессор, выступая на семинаре, высказал свою концепцию прочтения известного трактата русского философа Л. Андреева «Роза мира», акцентируя внимание на необходимости изучения духовного опыта писателя в условиях современного мира. Свой доклад профессор Клафковский посвятил 105-летию со дня рождения Л. Андреева.

Проблематике доклада вышеназванного участника семинара оказалось созвучным выступление магистра Малгожаты Гдок-Клафковской «*Mikołaj Konstanty Rerich (1874–1947) jako prekursor komunikacji międzykulturowej na przykładzie “Agni Yogi”*», в котором были охарактеризованы философские основы учения «Агни Йоги» («Живой Этики»). В трактовке автора доклада «Агни Йога» выступает как духовный мост между культурами Востоком и Западом.

Тереза Иоанна Анджеевская и Михаил Кулик в докладе «*Z jaskini Platona do tabloidów*» предложили свою концепцию понимания современного медиапространства,

в котором человек, испытывает дефицит времени для вынесения объективной оценки происходящих событий. В этой ситуации он напоминает человека из трактата Платона, отбывающего наказание в пещере и воспринимающего реальный мир только по движению теней и призраков, движущихся за пределами самой пещеры.

По итогам работы семинара его организаторы (Институт славянской филологии Щецинского университета) приняли решение издать сборник статей, в котором будут представлены все прочитанные участниками научные доклады.

Литература

1. Астахов О. Ю. Итоги Международного научно-практического форума «Слово и образ в русской художественной культуре» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 15. – С. 157–160.
2. Митурская-Бояновская Й. Активные процессы в области словообразования имен существительных в русском языке во второй половине XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 6. – С. 24–34.
3. Марьяк Христина. Проба історіографічного переліку польських прислів'їв і приказок. Хронологія Пареміологічних збірок // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 47–52.
4. Астахов О. Импрессионистическое мироощущение в художественной культуре России конца XIX – начала XX века // Acta Neophilologica XII / Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Instytutu Neofilologii (Польша), 2010. – С. 175–181.
5. Шунков А. Авторское слово в русской эпистолографии 2-й половины XVII века // Acta Neophilologica XII / Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Instytutu Neofilologii (Польша), 2010. – С. 181–193.

О. Ю. Астахов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «СЛАВЯНСКИЙ МИР. ДИАЛОГ КУЛЬТУР»

В статье освещается проблематика Международного научно-практического форума «Славянский мир. Диалог культур», раскрывается содержание основных научных мероприятий, проведенных в рамках форума.

Ключевые слова: научно-практический форум, славянская культура, диалог культур, межкультурные коммуникации.

O. Y. Astakhov

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL FORUM «THE SLAVIC WORLD. DIALOGUE OF CULTURES»

The article highlights the problems of the International scientific and practical forum «The Slavic world. Dialogue of Cultures», discloses the content of basic research activities conducted within the forum.

Keywords: scientific and practical forum, Slavic culture, dialogue between cultures, intercultural communication.

17 октября 2011 года был открыт Международный научно-практический форум «Славянский мир. Диалог культур» при поддержке фонда «Русский мир» и Министерства культуры РФ.

В первый день работы была организована научно-практическая конференция «Славянский мир» на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

В Кемерово с приветственным словом к участникам конференции обратились ректор университета профессор Е. Л. Кудрина, доцент Даляньского университета иностранных языков (КНР) Ван Чаньцзюань, доцент Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Н. Ф. Хилько, профессор Щецинского университета (Польша) Йоланта Митурская-Бояновская, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН (г. Москва) М. Ю. Дронов и др. Проректор по научной и инновационной деятельности А. В. Шунков отметил, что в адрес оргкомитета мероприятия пришли телеграммы и обращения от заместителя губернатора Кемеровской области Е. Л. Рудневой, епископа Кемеровского и Новокузнецкого Владыки Аристарха, профессора философского факультета Загребского университета (Хорватия) Н. Видмарович, декана факультета иностранных языков и регионоведения МГУ С. Г. Тер-Минасовой, члена Высшего совета Союза писателей Болгарии Н. Инджова и др.

Тематика конференции была поддержана открытием выставочных экспозиций:

- «Мифология сна» – выставка творческих работ А. Н. Дрозда, заслуженного работника культуры РФ, профессора кафедры дизайна Кемеровского государственного университета культуры и искусств.
- тематическая выставка научной литературы из фонда библиотеки Кемеровского государственного университета культуры и искусств.
- «Сибирь многонациональная: народный костюм и традиционное русское рукоделие» – выставка сектора истории костюма Музея истории КемГУКИ, Красноярского краевого колледжа культуры и искусств (г. Красноярск), Культурного центра «Грамотеинский» (г. Белово).
- «Мой дом – моя чужбина» – выставка фотоматериалов и документов героя чешского сопротивления в годы Великой Отечественной войны Татьяны Всеволодовны Витторф из архива Музея истории КемГУКИ.
- «Волшебные узоры народного кружевоплетения» – выставка экспонатов из фонда Музея истории КемГУКИ.
- «Славянские архетипы в поликультурном мире» – выставка творческих работ студентов кафедры дизайна Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Дальнейшая работа конференции проводилась в рамках секционных заседаний под руководством ведущих ученых университета:

- Культурная идентификация славянского мира в контексте цивилизационных изменений (руководитель – А. С. Двуреченская, заведующая кафедрой культурологии, кандидат культурологии, доцент КемГУКИ).
- Интерпретация событий национальной истории славянского мира (руководитель – В. В. Поддубиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ).
- Социальные и политические аспекты славянского единства (руководитель – С. В. Бирюков, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук КемГУ).
- Народное творчество в славянском мире (руководитель – Н. Д. Ултургашева, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, доктор культурологии, профессор КемГУКИ).
- Литературное наследие славянского мира: история и современность (руководитель – М. В. Литовченко, заведующая кафедрой литературы и русского языка, кандидат филологических наук, доцент КемГУКИ).
- Традиции славянских культур в художественных практиках (руководитель – А. А. Гук, директор НИИ прикладной культурологии, доктор философских наук, профессор КемГУКИ).
- Славянские языки в процессах культурной интеграции и диверсификации (руководитель – Е. В. Евпак, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания, кандидат филологических наук, доцент КемГУ).

Участниками конференции была отмечена необходимость популяризации вопросов изучения традиционной культуры в различных сферах гуманитаристики, с целью приобщения широкого круга общественности

к решению проблем сохранения культурного наследия.

Одновременно на базе факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского также была организована работа конференции «Славянский мир». В церемонии открытия с приветственными словами к участникам мероприятия обратились: Н. М. Генова, декан факультета культуры и искусств, заведующая кафедрой управления и ресурсного обеспечения социально-культурной деятельности, кандидат философских наук, профессор ОмГУ; О. В. Ртищева, директор социально-гуманитарного института, кандидат философских наук, доцент КемГУКИ; В. М. Демченко, директор Департамента культуры администрации г. Омска. Открытию конференции в г. Омске было приурочено выступление творческих коллективов факультета культуры и искусств ОмГУ, что способствовало представлению тематики конференции в практиках творческой деятельности.

В университете были организованы секционные заседания, в рамках которых прошло обсуждение вопросов изучения славянских традиций в художественной культуре:

- Литературное наследие славянского мира: история и современность (руководитель – О. Л. Ермакова, кандидат филологических наук, доцент кафедры кино-, фото-, видеотворчества ОмГУ).
- Народное творчество в славянском мире (руководитель – Г. Г. Волощенко, доктор культурологии, профессор кафедры социально-культурной деятельности ОмГУ).
- Традиции славянских культур в художественных практиках (руководитель – Н. П. Моница, кандидат философских наук, доцент кафедры хореографии ОмГУ).

Участники секционных заседаний отметили необходимость осознания особого места славянской культуры в условиях поли-

культурного общества, сохранения уникальных традиций и обычаев славянских народов в рамках российского культурного социума. В ходе научного диспута особое внимание было уделено междисциплинарным аспектам рассмотрения феномена славянской культуры и специфике ее отражения в рамках отечественных исследовательских традиций.

18 октября 2011 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств была проведена научно-практическая конференция «Диалог культур», в рамках которой были продолжены дискуссии о современном положении традиционной культуры и рассмотрены вопросы межкультурной коммуникации.

На открытии конференции была проведена церемония награждения победителей Международной открытой олимпиады студенческих научных работ «Диалог культур».

Лучшие научные работы по направлениям олимпиады были представлены на круглом столе «“Свое” и “Чужое” в культуре», в обсуждении которых приняли участие студенты Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Кузбасской педагогической академии.

Значимым событием конференции явилась презентация проекта лаборатории народной музыки Кемеровского государственного университета культуры и искусств «Традиционная культура Кемеровской области». С докладами и сообщениями выступили преподаватели кафедры народного хорового пения, продемонстрировав варианты бытования художественных форм фольклора. В обсуждениях вопросов презентации приняла участие Н. Е. Котельникова, заместитель главного редактора научного альманаха «Традиционная культура» (г. Москва), отметив необходимость дальнейшего проведения исследований, требующих теоретического осмысления традиционной культуры Кемеровской области.

Серия мероприятий Международного научно-практического форума «Славянский мир. Диалог культур» была завершена научно-практическим семинаром «Homo Communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций», который прошел 22 октября 2011 года на базе Института славянской филологии Щецинского университета с участием делегации из Кемеровского государственного университета культуры и искусств. В работе семинара приняли участие ведущие ученые в области гуманитарных исследований польских университетов (гг. Щецин, Краков, Познань). Доклады участников были посвящены вопросам изучения межкультурных коммуникаций в сфере лингвистики, антропологии, философии, литературоведения, культурологии, социологии.

Вопросы о необходимости проведения комплексных научных исследований межкультурной коммуникации поднимались в ходе проведения официальных встреч ректора Кемеровского государственного университета профессора Е. Л. Кудриной с руководством института славянской филологии Щецинского университета, профессором Евой Паевской, профессором Кристиной Янашек, проректором по научной работе Щецинского университета, профессором Анджеем Витковским, ректором Академии искусств в Щецине, профессором Ричардом Хандке. Во время встреч обсуждались перспективы сотрудничества в сфере культуры и искусств в стратегии международного партнерства научных и творческих школ.

Международный научно-практический форум «Славянский мир диалог культур» получил широкий резонанс в СМИ г. Кемерово, г. Омска, г. Щецина, что способствовало привлечению круга заинтересованных лиц к вопросам изучения славянской культуры, проблем межкультурных коммуникаций в условиях многополярного мира.

Итогом форума явилось издание сборников научных трудов «Славянский мир. Диалог культур» (г. Кемерово), «Homo Communicans: человек в пространстве межкультурных коммуникаций» (г. Щецин), посвященных во-

просам изучения славянской традиционной культуры в историческом и современном контексте, диалога культур в условиях актуализации аксиологических подходов к рассмотрению коммуникационных процессов.

Л. Ю. Егле

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

L. Yu. Egle

DIALOGUE OF CULTURES

С 1 по 30 сентября 2011 года на базе Кемеровского государственного университета культуры и искусств впервые проходила Международная открытая олимпиада студенческих научных работ «Диалог культур». Олимпиада проводилась в соответствии с перечнем мероприятий, осуществляемых Министерством культуры РФ в 2011 году.

Цели олимпиады – выявление и активизация одаренной молодежи, способной к научной деятельности в области культуры и искусства, задачи: создание благоприятных условий для раскрытия исследовательских способностей студенческой молодежи; повышение заинтересованности обучающихся в получении знаний и участии в научной деятельности; сотрудничество вузов в организации научно-исследовательской работы студентов; демонстрация научных достижений в сфере культуры и искусства.

Для участия в олимпиаде принимались самостоятельно выполненные законченные научные работы студентов вузов по трем направлениям:

– «Культурология» (диалог культур в исторической ретроспективе; культурные ценности и их роль в межкультурной коммуникации; динамика и взаимодействие совре-

менных типов культуры; межкультурные конфликты и способы их преодоления);

– «Межкультурные коммуникации» (перевод в общении культур; язык и культура; картины мира в межкультурном общении; средства межкультурной коммуникации);

– «Теория и история народной художественной культуры» (народная художественная культура в условиях процессов глобализации; динамика народной художественной культуры в контексте межкультурных коммуникаций; проблемы сохранения историко-культурного наследия; развитие народного художественного творчества на современном этапе).

В работе олимпиады приняло участие более 300 студентов из вузов России и университетов ближнего и дальнего зарубежья (Китайская Народная Республика, Соединенные Штаты Америки, Германия, Франция, Республика Башкортостан, Казахстан, Туркменистан, Беларусь, Украина).

Подведение итогов олимпиады состоялось 18 октября 2011 года в рамках Международной научно-практической конференции «Диалог культур».

В работе конференции приняли активное участие преподаватели и студенты Ке-

меровского государственного университета, Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк) и Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

С приветственным словом к участникам конференции обратился проректор по научной и инновационной деятельности университета кандидат филологических наук, доцент Александр Викторович Шунков. Он подчеркнул значимость научно-исследовательской работы студентов для университета, а также отметил, что подобные мероприятия способствуют развитию познавательного интереса к содержанию научных исследований, формированию профессиональной мотивации будущего специалиста.

Доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ, кандидат культурологии Людмила Юрьевна Егле подвела итоги олимпиады в номинации «Теория и история народной художественной культуры». Было отмечено, что тематика направления «Теория и история народной художественной культуры» вызвала большой интерес не только у студентов Кемеровского государственного университета культуры и искусств, но и среди студентов высших учебных заведений ближнего и дальнего зарубежья. Она подчеркнула, что научно-исследовательская работа студентов является продолжением и углублением учебного процесса в вузе и неразрывно связана с деятельностью научных школ университета, организуется непосредственно на кафедрах, в НИИ и лабораториях. Содержание научно-исследовательской работы студентов определяется основными направлениями научных исследований этих подразделений и соответствует профилю деятельности университета. Исследования в области народной художественной культуры являются одним из приоритетных направлений для университета культуры и искусства.

Безусловно, сегодня на фоне все более усиливающегося процесса глобализации, ведущего к нивелированию отличительных черт в культуре разных народов, ярко проявляется тенденция поиска тех оснований в культуре, на которых возможно возрождение и освоение истинных ценностей, исторического наследия поколений. Одним из таких оснований может стать народная художественная культура. Она исторически сохраняет непреходящие ценности (идеи и смыслы), выполняющие функции ценностной ориентации этноса, определяющие его духовную уникальность, обеспечивающие консолидацию общества, помогающие восстановлению культурной преемственности и национально-культурной идентификации – необходимой составляющей мировоззренческого потенциала. В этой связи у студентов (культурологов, фольклористов, этнографов, филологов) появляется все больше вопросов. Какие формы народной художественной культуры осваивать, возрождать и развивать – архаические или более поздние? Как определить, все ли они имеют эстетическую и нравственную ценность для современного российского общества? Что нужно для того, чтобы архаические формы не превратились в музейные реликвии, а органично вошли в жизнедеятельность человека, в духовную ткань жизни общества. Все эти вопросы рассматривались в работах, представленных на олимпиаду по направлению «Теория и история народной художественной культуры».

Библиева Оксана Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков, подводя итоги работы конкурсной комиссии по направлению «Межкультурные коммуникации» отметила, что исследования в сфере языка и межкультурной коммуникации являются одними из самых актуальных и перспективных в современном научном мире, что в очередной раз было до-

казано огромным количеством конкурсантов, приславших свои работы для участия в олимпиаде по данному направлению. Более ста молодых ученых из Китая, Германии, Франции и различных городов России представили результаты своих научных исследований на суд конкурсной комиссии.

Термин «межкультурная коммуникация» предполагает успешное, эффективное общение представителей разных культур. Поскольку язык – это главное и наиболее развитое средство общения людей, взаимосвязь и взаимодействие языка и культуры лежит в основе межкультурной коммуникации. Эта идея получила достойное воплощение в студенческих работах, представляющих собой зрелые, аргументированные исследования. Библиева О. В. отметила разнообразие тематики присланных работ – от «Кулинарные современные английского языка» до «Образная система книги Акрама Айлисли “Люди и деревья” (наблюдения над русским переводом текста)». Большинство участников олимпиады представили работы, связанные с англоязычной межкультурной коммуникацией, что неудивительно, поскольку именно на этом языке, по данным последних статистических опросов, происходит более половины устного и письменного взаимодействия между представителями различных этносов. Тем не менее, значительная часть работ посвящена языку и культуре народов России, особенностям перевода как средства межкультурной коммуникации, а также проблемам билингвизма и различиям в картине мира.

Заведующая кафедрой культурологии кандидат культурологии Анастасия Сергеевна Двуреченская подвела итоги по направлению «Культурология». Она подчеркнула, что в работе направления «Культурология» приняли участие 103 студента из вузов дальнего зарубежья (Китайская Народная Республика)

и более чем десяти вузов России (Республика Карелия, г. Казань, Тюмень, Красноярск, Омск, Юрга, Новокузнецк, Новосибирск, Хабаровск, Кемерово). Двуреченская А. С. особо отметила активное участие студентов КемГУКИ – непосредственной базы олимпиады. На суд жюри были представлены научные работы более 70 студентов различных курсов, специальностей и специализаций – «Культурология», «Музейное дело», «Социальная педагогика», «Социально-культурный сервис и туризм», «Социально-культурная деятельность», «Институты гражданского общества».

Конкурсная комиссия определила победителей олимпиады, занявших 1, 2, 3 места, и отметила участников олимпиады и научных руководителей студентов, работы которых получили высокую оценку, благодарственными письмами. Необходимо отметить, что научные работы, представленные на олимпиаду, оценивались в соответствии с такими критериями, как актуальность проблемы; полнота и степень раскрытия темы; логика изложения результатов исследования; степень владения методами научных исследований; уровень обработки эмпирической информации; степень результативности исследования; определение перспективы исследования; соблюдение научного стиля текста.

На круглом столе «“Свое” и “Чужое” в культуре», который проходил в рамках конференции «Диалог культур», были представлены лучшие работы по каждой из номинаций олимпиады. Домоевская Евгения, студентка второго курса КемГУКИ, выступила с докладом на тему «Сравнительная характеристика языковой картины мира»; Донгак Сайсуу, студентка третьего курса КемГУКИ, – с докладом «Социокультурное развитие личности у народов Востока», и по направлению «Теория и история народной художественной культуры» выступила Тюри-

нова Елена, магистрант первого курса, с докладом на тему «Роль народной “тряпичной куклы” в сохранении культурного наследия». Выступления затронули широкий спектр проблем, как традиционных для исследований в области культуры и искусства, так и в значительной мере расширяющих представление о ней. Доклады вызвали живой интерес и серьезную дискуссию, которая поможет исследователям в их дальнейшей научной работе. Участники конференции «Диалог культур» отметили важность и полезность участия в подобных мероприятиях. Работа над докладами позволила не только получить новые знания в области культуры и искусства, но и помогла в получении навыков применения полученных знаний на практике. Сегодня от выпускников высшей школы требуется, чтобы они не только квалифицированно разбирались в специальных и научных областях знаний, но и умели формировать и защищать свои идеи и предложения. Для этого, прежде всего, необходимо уметь самостоятельно анализировать и обобщать научные факты, явления и информацию.

Примером практической реализации сохранения традиционной культуры в многополярном мире стал мастер-класс Юлии Борисовны Антufьевой, преподавателя Красноярского краевого колледжа культуры и искусств по декоративно-прикладному творчеству, «Изготовление русской традиционной куклы». Каждый участник круглого стола смог освоить технологию закручивания куклы без швов, изготовить куклу своими руками.

В завершении работы круглого стола «“Свое” и “Чужое” в культуре» прошла презентация выставки Красноярского краевого колледжа культуры и искусств (г. Минусинск), Культурного центра «Грамотеинский» (г. Белово) и сектора истории костюма Музея истории КемГУКИ «Сибирь многонациональная: народный костюм и традиционное русское рукоделие». В экспозиции были представлены оригинальные и аутентичные костюмы народов Сибири и сопредельных территорий, а также коллекция полотенец-рушников, изготовленных в различных техниках.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеева Юлия Александровна, аспирант, кафедра истории и культуры России, Кемеровский государственный университет. E-mail: age_julia@mail.ru

Адаменко Юрий Иванович, доцент, кафедра управления социальной сферы, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Андреев Андрей Владимирович, аспирант, кафедра политических наук, Кемеровский государственный университет. E-mail: Andreev@gtmk.kuzbass.net

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет. E-mail: nir@kemguki.ru

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент, ведущий научный сотрудник научного отдела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр РАН. E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Беянина Ирина Николаевна, доцент, Сибирский федеральный университет. E-mail: inbeyanina@mail.ru

Боброва Наталья Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Брижатова Светлана Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социально-культурной деятельности, Алтайская государственная академия культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ageyeva Yulia Aleksandrovna, post-graduate student, Chair of history and culture of Russia, Kemerovo State University. E-mail: age_julia@mail.ru

Adamenko Yury Ivanovich, Docent, Chair of social sphere management, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Andreyev Andrei Vladimirovich, post-graduate student, Chair of political science, Kemerovo State University. E-mail: Andreev@gtmk.kuzbass.net

Araeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of stylistics and rhetorics, Kemerovo State University. E-mail: nir@kemguki.ru

Astahov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent, Senior Specialist of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Belozerova Marina Vitalievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of Laboratory of ethno-social problems, Sochi Research Center of RAS. E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Belyanina Irina Nikolayevna, Docent, Siberian Federal University. E-mail: inbeyanina@mail.ru

Bobrova Natalia Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Brizhatova Svetlana Borisovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of social and cultural activities, Altai State Academy of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Ван Ли, профессор, факультет иностранных языков, Ляонинский инженерно-технический университет, г. Фусинь, Китай. E-mail: lida5557@sina.com

Гончаренко Светлана Сергеевна, доктор искусствоведения, профессор, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. Глинки. E-mail: lalumiere@ngs.ru

Губанова Маргарита Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: guk56mai@mail.ru

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного отдела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: nir@kemguki.ru

Игонина Татьяна Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: nir@kemguki.ru

Карабулатова Ирина Советовна, доктор филологических наук, профессор, Тюменский государственный университет. E-mail: nir@kemguki.ru

Касаткина Наталья Эмильевна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ, главный научный сотрудник, Институт проблем информатики РАН. E-mail: kolinkk@mail.ru

Wang Li, professor, Faculty of Foreign Languages, Liaoning Engineering Technology University, Fuxin, China. E-mail: lida5557@sina.com

Goncharenko Svetlana Sergeyevna, Doctor of Arts, Professor, Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy). E-mail: lalumiere@ngs.ru

Gubanova Margarita Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Guk Aleksei Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Director of Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: guk56mai@mail.ru

Egle Ludmila Yuriyevna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: nir@kemguki.ru

Igonina Tatiana Borisovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: nir@kemguki.ru

Karabulatova Irina Sovetovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Tyumen State University. E-mail: nir@kemguki.ru

Kasatkina Natalia Emiliyevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honoured Worker of RF higher education, Winner of RF government prize, Head of inter-university Chair of general and higher education pedagogics, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Kolin Konstantin Konstantinovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of RF, Current Member of IAS HE, Chief Scientist, Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: kolinkk@mail.ru

Красношлыкова Ольга Геннадьевна, доктор педагогических наук, профессор, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, Российской академии естественных наук, Почетный профессор Монгольского государственного университета культуры и искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации, ректор Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: kudrina@kemguki.ru

Лесникова Светлана Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: Lesnikova_cl@mail.ru

Логунова Дарья Викторовна, аспирантка Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, методист музыкального колледжа НГК (академии) им. М. И. Глинки. E-mail: safonova_d@mail.ru

Лу Су, доцент факультета русского языка, Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь, Китай. E-mail: lusudl@126.com

Митурская-Бояновская Йоланта, доктор филологических наук, профессор Щецинского университета (Польша). E-mail: jmb@zut.edu.pl

Патрина Вера Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Петров Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Krasnoshlykova Olga Gennadievna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Member of the International Academy of Higher Education, International Academy of Informatization, Russian Academy of Natural Sciences, Professor Emeritus of Mongolian State University of Culture and Arts, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Rector of Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: kudrina@kemguki.ru

Lesnikova Svetlana Leonidovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: Lesnikova_cl@mail.ru

Logunova Daria Viktorovna, post-graduate of Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy), Methodist of College of Music Glinka NSC (Academy). E-mail: safonova_d@mail.ru

Lu Su, Docent of the Russian Language Chair, Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China. E-mail: lusudl@126.com

Miturska-Boyanovska Jolanta, Doctor of Philological Sciences, Professor of Szczecin University (Poland). E-mail: jmb@zut.edu.pl

Patrina Vera Victorovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Petrov Igor Fyodorovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Pedagogy and Psychology Chair, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: vestnikkemguki@kemguki.ru

Петров Лев Игоревич, культуролог. E-mail: vestnikkenguki@kemguki.ru

Поливарова Зинаида Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, Тюменский государственный университет. E-mail: nir@kemguki.ru

Селезнева Наталья Викторовна, аспирантка 2 года обучения по специальности 10.02.01 – русский язык, ассистент, кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Семенкова Татьяна Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебно-организационной работе, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Синельникова Ольга Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрового инструментального исполнительства, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, соискатель степени доктора искусствоведения на кафедре теории музыки Московской государственной консерватории. E-mail: sinell@narod.ru

Синецкий Сергей Борисович, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной работе НОУ ВПО «Челябинский институт экономики и права им. М. В. Ладосина, Член комиссии по образованию и науке Общественной палаты Челябинской области. E-mail: sbs62@mail.ru

Солодова Галина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики, Кемеровский государственный университет. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Ткаченко Андрей Викторович, старший преподаватель Института дополнительного профессионального образования Кемеровского государственного университета культуры и искусств. E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Petrov Lev Igorevich, Culturologist. E-mail: vestnikkenguki@kemguki.ru

Polivara Zinaida Vasilievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Tyumen State University. E-mail: nir@kemguki.ru

Seleznyova Natalia, 2nd year post-graduate on specialty 10.02.01 – the Russian Language, Assistant of International Relations and Regional Research Chair, Novosibirsk State Technical University. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Semenkova Tatiana Nikolayevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Academic and organizational work, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Candidate of Arts, Docent, Chair of instrumental orchestral performance, Kemerovo State University of Culture and Arts, doctorant of Arts in music theory Department of the Moscow State Conservatory. E-mail: olgaslnk@mail.ru

Sinetsky Sergei Borisovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Research SEI HPE «Ladoshin Chelyabinsk Institute of Economics and Law», Member of Committee on Education and Science of the Public Chamber of Chelyabinsk region. E-mail: sbs62@mail.ru

Solodova Galina Gennadievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of inter-university Chair of general and higher education pedagogy, Kemerovo State University. E-mail: kasatkina@kemsu.ru

Tkachenko Andrei Viktorovich, senior teacher of Institute of Continuing Professional Education, Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: tkachenko@kemguki.ru

Филиппов Валерий Леонидович, ректор, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Луганский государственный институт культуры и искусств. E-mail: lugiki@ua.fm

Шунков Александр Викторович, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

Filippov Valery Leonidovich, Rector, Docent of Social and humanitarian disciplines Chair, Lugansk State Institute of Culture and Arts. E-mail: lugiki@ua.fm

Shunkov Aleksandr Victorovich, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice Rector for Research and Innovation Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts. E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»

1. Правила оформления статьи:

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

2. Сопроводительные документы к статье:

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
 - в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
 - сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

3. Перечень основных разделов журнала:

1. Гуманитарное знание.
2. Социально-экономическое знание.
3. Культурология.
4. Педагогика и социально-педагогическая деятельность.
5. Искусствоведение.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: nir@kemguki.ru.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Подписка на журнал является обязательным условием существования «Вестника КемГУКИ» как ваковского издания. Редколлегия журнала не будет рассматривать и печатать статьи авторов, не предоставивших квитанцию почтовой годовой подписки на издание. При этом наличие подписки не является гарантией публикации авторского материала, который проходит всестороннюю научную экспертизу и рецензирование. Цена подписки на 2011 год – 1400 рублей, одного экземпляра – 350 рублей.

Оплата статьи производится после одобрения ее редколлегией журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 22.12.2011.

Формат 60x84¹/₈.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Заказ № 1.

Уч.-изд. л. 16,2. Усл. печ. л. 26,0.

Тираж 500 экз.

Signed for print 22.12.2011.

Format 60x84¹/₈.

Offset paper. Font «Times».

Order № 1.

Author's sheets 16,2. Printer's sheets 26,0.

Number of copies 500.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета

культуры и искусств:

650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:

650029, Kemerovo,

19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru